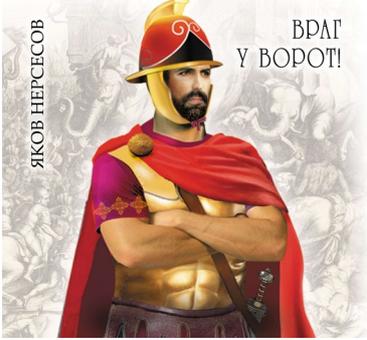

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ГАННИБАЛ

ЯКОВ НЕФЕСОВ

ВРАГ
У ВОРОТ!

Яков Николаевич Нерсесов
Великий Ганнибал. «Враг у ворот!»
Серия «Гении власти»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7069485
Яков Нерсесов. Великий Ганнибал. «Враг у ворот!»: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71851-1

Аннотация

«Hannibal ad portas!» («Ганнибал у ворот!») – это латинское выражение стало крылатым. Ни один враг за всю историю Древнего Рима не наводил такого ужаса. Никогда прежде римские легионы не терпели столь жестоких поражений. Ни одна война еще не требовала от Вечного города такого напряжения сил и таких чудовищных потерь – за 17 лет этой бойни Рим лишился половины мужского населения: Ганнибала просто «задавили массой» и «завалили трупами»...

Но знаете ли вы, что военный гений оказался еще и гением власти? Что вскоре после окончания войны Ганнибал был избран суффетом (высшим должностным лицом) Карфагена и при поддержке Народного собрания обуздал олигархов, пресек хищения и коррупцию? Что лишь предательство богачей, вступивших в заговор с римлянами, положило конец его политической карьере? Но старый герой до самой смерти не изменил своей клятве, а его трагическая гибель лишь подтвердила пророчество Дельфийского оракула: «Худшие победят лучшего»...

Эта книга воздает должное величайшему гению Древнего мира, чье имя переводится как «дар бога», а почетное прозвище Барка означает «молния».

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Часть I. Кто – кого?!	6
Глава 1. Carthago	6
Глава 2. Карфагенская армия: за и против	8
Глава 3. «Живые танки» Карфагена: фантастика и факты	11
Глава 4. Римские легионы на полпути к совершенству	23
Глава 5. Первая «Столетняя война» в истории человечества: как она начиналась	51
Глава 6. Ливийская война, или Как Гамилькар Барка наемников усмирял	65
Часть II. Как Баркиды новую войну готовили	69
Глава 1. Гамилькар в Испании	69
Глава 2. Гасдрубал Красивый, или Смерть на взлете	74
Глава 3. В начале славных дел, или Ганнибал в Испании	78
Глава 4. Страсти по Сагунту	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Яков Нерсесов

Великий Ганнибал. «Враг у ворот!»

*Моей дорогой маме Иде Тарасовне Нерсесовой посвящаю...
Свет показывает тень, а правда – загадку*
(Древнеперсидская поговорка)

Человек растет с детства
(Древнеперсидская поговорка)

*Мы живем один раз, но если жить правильно, то одного раза
достаточно...*
(Древнеперсидская поговорка)

Все дело в мгновении: оно определяет жизнь
(Кафка)

*Мой долг передать все, что мне известно, но, конечно, верить
всему не обязательно...*
(Геродот)

От автора

Гениальный карфагенянин Ганнибал, по признанию самого Рима, его Враг № 1! Мало кто знает, что после краха своей многолетней войны против Рима в Италии, на гражданской службе своей родине прославленный полководец не преуспел. Вернее, ему не дали претворить в жизнь то, что он хотел. Его мирная деятельность оказалась не по душе богачам Карфагена, не подчинявшимся законам, присвоившим себе пожизненную власть, распоряжавшимся жизнью, имуществом и свободой граждан Карфагена как им заблагорассудится. При поддержке народа Ганнибал начал полное обновление зарвавшихся богатеев. Он навел строгую финансовую дисциплину. Не прибегая к повышению налогов на граждан, а используя все взимаемые на суше и на море пошлины на благо государства, Ганнибал смог не только исправно выплачивать Риму контрибуцию, но и пополнить казну города. Политическая доктрина Ганнибала – «ни одно великое государство не может долго пребывать в состоянии мира, как внешнего, так и внутреннего» – напугала Рим, и участь злейшего врага римлян была предрешена: он стал изгоем и за ним началась охота по всему Средиземноморью.

Перед вами предполагаемый портрет легендарного полководца и несостоявшегося Гения Власти, чья биография полна до сих пор как «белых пятен», так и «черных дыр». И вряд ли их когда-либо станет меньше, а значит – все спорные моменты по-прежнему будут позволять различную трактовку...

Пролог

...Перепуганный насмерть мальчишка-слуга кинулся к своему одноглазому и престарелому, но еще бодрому хозяину. «У всех выходов из дома притаились вооруженные люди! Они – везде, и их много!» – только и успел он промолвить пересошими от страха губами, как поджарый старик уже бросился в подвал к семи секретным ходам, ведущим в разные стороны...

Но все они тоже оказались перекрыты!!

Прожив долгую жизнь, полную разнообразных опасностей, матерый вояка, он быстро сообразил, что на этот раз ему не выкрутиться. Заклятые враги выследили его и лишь ждут команды на захват. Злейший враг могущественного Рима, столько раз устраивавший ему хитроумные ловушки, на этот раз сам оказался в западне.

Но старый, уже белый как лунь, весь покрытый шрамами и рубцами боец, полтора десятка лет громивший грозные римские легионы по всей Италии, не собирался сдаваться. Он кликнул маленького слугу и приказал принести кубок вина.

– Видно, пришла пора помочь римлянам в их сорокалетней борьбе с ненавистным им стариком! – цинично процедил он сквозь беззубый рот и принял яд, который всегда держал при себе все последние годы жизни, когда преследуемый Римом скитался по ойкумене.

– Да, мельчают римляне! А ведь сто лет назад они вели себя достойней, предупредив своего смертельного врага Пирра о том, что его готов отравить собственный врач... – только и успел иронично промолвить один из самых выдающихся полководцев в истории человечества, как седая голова его поникла, а тело, обмякнув, рухнуло на пол.

Так, или примерно так, ушел из жизни один из самых легендарных полководцев древности.

Это он более полвека назад, будучи маленьким мальчишкой, дал своему отцу страшную клятву – победить Рим или умереть! Победить Рим ему не удалось и пришлось умереть. Но данной в детстве клятве он был верен до последнего вздоха. Вот и теперь он не дался в руки врагов и сам гордо ушел в свой последний солдатский переход – в Бессмертие...

Часть I. Кто – кого?!

Глава 1. Carthago

Эта захватывающая история началась, когда римляне собрались послать свои легионы за пределы Италии. Они отважились помериться силами с финикийским городом Карфагеном (по-финикийски – «Новый город») или как тогда говорили **Carthago** – самым сильным государством в западной части Средиземноморья (современный Тунис).

Могучий Карфаген, основанный финикийскими мореплавателями (сеμίтами) из Тира в последней четверти IX в. до н. э. (или, как порой пишут некоторые историки между 825 и 814 гг. до н. э.), возвышался на скалистом полуострове северного побережья Африки, отделенном от материка перешейком в 4 км. Именно со стороны перешейка он был защищен лучше всего тройной системой укреплений – глубоким рвом с высоченным частоколом и двумя мощными каменными стенами с башнями через каждые 400 метров. С востока его омывало Средиземное море, с севера и северо-запада – залив, а на юго-западе находилось озеро, ограниченное с моря узкой косой. Карфаген был исполинским по тем временам городом (длина его стен составляла более 32 км; Александрия и Рим ему сильно уступали) – недаром ведь позднее историки окрестили его Лондоном Древнего мира – в период расцвета в середине II в. до н. э. в нем могло проживать порядка 700 тысяч жителей. Его планировка отличалась узкими, но мощеными улицами, пересекающимися под прямым углом. В городе выделялось три крупных района. Главным из которых была располагавшаяся на холме цитадель Бирса – по сути дела крепость внутри крепости. Карфагенская знать жила в Мегарах, где среди каналов и садов располагались ее благоустроенные «хоромы». В Нижнем городе теснились шестиэтажные постройки простых горожан. Шедевральным творением пунийских архитекторов, несомненно, являлся карфагенский порт Котон, имевший две гавани: для торгового флота и военного.

Карфаген не только владычествовал над многими африканскими городами и землями, но и имел колонии на Сардинии, Западной Сицилии и в богатой на благородные металлы Иберии (Испания) – этом *Эльдорадо* Древнего мира. Если в Риме в ту пору еще господствовали суровость нравов и бережливость, то в Карфагене царили роскошь и ростовщичество. Благодаря исключительно выгодному географическому положению богатства Карфагена были поистине сказочными, и его знать буквально купалась в золоте. Главным источником этого богатства была торговля по всему Средиземноморью, в основном морская. Карфаген богател на торговле металлами, причем как драгоценными, так и оловом, свинцом и железом. Серебро из рудников Иберии играло для процветания Карфагена примерно такую же роль, как спустя почти 17 веков золото и серебро Перу и Мексики для Испании, ежегодно доставляемые через Атлантику испанскому королю специальными «золотыми и серебряными флотилиями». Особо важное место в экспорте карфагенян занимали предметы роскоши, орехи, гранаты. Еще они занимались пиратством и работоторговлей, за что и имели в древности недобрую славу. Известно, например, что они захватывали славившихся красотой сицилийских женщин и выменивали их у пиратов на мужчин, нужных им для работы на плантациях. Распространенным приемом было заманить на свои корабли хорошеньких молодок, падких на «модные тряпки», и пока глупышки доверчиво рассматривали «новинки от кутюр», корабль снимался с якоря и «ходовой товар» вскоре продавался в ближайшем торговом городе. За одну молодуху с аппетитными формами пираты давали 3–4 здоровых и сильных мужчин.

Другим источником дохода была огромная дань, которой карфагеняне обложили подвластные им народы в Африке, Испании, Сицилии и Сардинии.

Карфаген был республикой, но республикой купеческой, чем-то похожей на средневековую Венецию. Всем правил сенат из 300 богатейших людей. Над сенатом стояли Большой Совет из 104 сенаторов (*порой в исторической литературе его ограничивают до 100 сенаторов*), Совет Старшин (*своего рода президиум*) из 10 (*позднее 30*) наиболее знатных человек и Совет Пяти. Совет Старшин вел всю текущую работу, но окончательное решение было за Большим Советом. Зато отчет обо всем случившемся либо содеянном принимал Совет Пяти. Ежегодно избираемая пара новых верховных судей – суфетов (*по другим данным, он был один*) реальной военной властью не обладала. Она принадлежала Совету Пяти. Все эти разнообразные Советы были постоянно раздираемы взаимными распрями – знатные семьи ненавидели друг друга, и ненависть эта передавалась по наследству. Собрания Советов проходили настолько бурно, что нередко неугодного политика могли просто разорвать на части – в лучшем случае отправить на... крест, т. е. распять! Народное собрание реально влиять на политику могло крайне редко, так как созывалось только в кризисные моменты жизни страны, когда все остальные властные структуры не могли прийти к единому мнению.

...**Между прочим**, основная борьба в Советах проходила между представителями двух самых влиятельных группировок (партий) в государстве: аристократов Баркидов, представлявших интересы крупных **торговцев и судовладельцев (или бизнесменов)**, и демократов Ганнонов, выражавших волю могущественных **землевладельцев (или аграриев)**. *Первые*, ведя торговлю почти со всеми странами Средиземноморья, стремились к развязыванию войн с целью добиться расширения заморских владений и уничтожению конкурентов в прибрежных акваториях, *вторые* – к миру и укреплению позиций Карфагена в самой Африке (*отсюда их прозвище «африканцы»*). Одни стремились к мировому господству, другие ограничивались наведением жесткого порядка в Северной Африке. Постоянные разногласия между ними не позволяли ни сохранить мир, ни успешно вести войны...

Карфагеняне, народ купеческий, не любили сами братья за оружие – денег в казне вполне хватало на содержание сильной наемной армии и мощного военного флота.

Глава 2. Карфагенская армия: за и против

Обычно карфагенская армия насчитывала до 24 тыс. пехоты и 4 тыс. кавалерии. Она состояла из конной «священной дружины» – двух с половиной тысяч молодых карфагенских аристократов, чьи кони и они сами были отменно экипированы вплоть до доспехов (в том числе и у лошадей – например, кожаные нагрудники), и наемных солдат – иберийцев, галлов, кельтов, италиков, греков, африканцев (негров), финикийцев и прочей разношерстной публики.

Тяжеловооруженная пехота в льняных, чешуйчатых либо кожаных, усиленных металлом, доспехах и таких же шлемах с небольшими круглыми щитами, мечами и очень длинными (до 1,8 м) копьями занимала центр боевого построения – фалангу, конница (нумидийская и иберийская) – фланги. Легковооруженные пехотинцы (без доспехов, но с короткими копьями и маленькими щитами круглой формы) вперемежку с балеарскими пращниками располагались перед боевым порядком, прикрывая его от неприятеля. Уже в конце Второй Пунической войны к ним добавились мавританские лучники с их сложносоставными луками, столь типичными для воинов Ближнего Востока.

.. **Кстати**, своим смертоносным оружием – праща считалась одним из самых опасных видов вооружения той поры – балеарские пращники владели как никто во всем Средиземноморье. Каждый пращник носил сразу три пращи с различной длины ремнем и использовал какую-либо из них в зависимости от того, как далеко надо было послать снаряд и с какой траекторией полета. Если на дальнейшее расстояние метали снаряд размером с теннисный мяч, то на короткую дистанцию «пуля» была не только меньше, но и летела согласно траектории ружейной пули. Две пращи крепились к поясу, одна – к повязке на голове. Заспинные сумки были набиты разными снарядами: как небольшими камнями либо свинцовыми ядрами, способными пробить бронзовый щит, так и глиняными с горючей начинкой. Обычно стандартный снаряд весил чуть более 100 грамм...

Служившие Карфагену кельтиберы (иберийцы), набравшиеся из дружественных и союзных ему племен средиземноморского побережья Иберийского п-ва (народности, обитавшие внутри страны, оставались враждебны карфагенцам), презирали смерть и физическую боль. Раны они считали лучшими украшениями воина. Безумно храбрые, они были очень хороши в атаке с их короткими (45-сантиметровыми) обоюдоострыми мечами – гладиусами (*именно их потом переймут у них римляне, превратив в универсальное колюще-рубящее оружие!*) и фалькатами – короткими кривыми «саблями» – наподобие знаменитых македонских тесаков-«махайр». Клинок фалькаты, предназначенной для рубящих ударов, расширялся по направлению к концу, из-за чего центр тяжести смещался на удалении от руки. Таким образом, кинетическая энергия удара увеличивалась, а благодаря изогнутому лезвию рубящая способность фалькаты была значительно больше, чем у прямого меча. К тому же, поскольку эфес фалькаты ковался из цельного куска вместе с клинком, то ее рубящего удара не выдерживал ни один доспех той поры. Будучи прекрасными одиночными бойцами, они прежде всего хотели показать личное мужество в атаке и не отличались стойкостью в обороне. Зная эти недостатки, карфагенские полководцы использовали их только для первого удара, при этом нередко увеличивая их таранную мощь за счет построения клином. Во времена Ганнибала из кельтиберов, учитывая эти их природные особенности (скорость и ловкость), стали формировать тяжелую кавалерию, вооруженную фалькатами и длинными пиками – фалариками. Последние нередко обматывали паклей с горючей смесью и исполь-

зовали как зажигательный снаряд, подобно граду, обрушиваемый на вражеские ряды. Иберийская пехота и конница одевались в кожаные доспехи с нашитыми на них металлическими пластинами, кожаные либо бронзовые шлемы. Но если пехотинцы прикрывались в бою большими овальными щитами с металлическим умбоном, то вторые очень ловко орудовали маленькими, круглыми щитами, которые держали не на предплечье, а зажав рукоятку в ладони. Выносливые и быстрые лошади иберов позволяли им стремительно разворачиваться и перестраиваться. Обученная сражаться в правильных боевых порядках, строиться фалангой, клином либо ромбом, тяжелая испанская конница могла наносить таранные удары, проникая с помощью длинного тяжелого копья внутрь вражеских построений и сея смерть своими фалькатами внутри строя. Особенно хороши были испанцы в выдвигании и охвате флангов, захвате ключевых позиций (холмы, перекрестки и мосты), устройстве засад и взаимодействии двух родов войск той поры – пехоты и конницы.

Воевавшие на стороне Ганнибала галлы (*порой их численность достигала 40 % состава всей армии*) не отличались универсальностью. Их главным оружием был достаточно длинный (от 65 см до 1 м) обоюдоострый с закругленным концом меч, которым они предпочитали рубить с плеча, причем нередко двумя руками. Такая техника удара полностью противоречила римской, где главным был короткий, колюще-жалящий удар. И хотя галлы умели биться в строю, но именно такое использование меча больше подходило для одиночного боя, где все строилось на индивидуальной ловкости и сообразительности, а не на отлаженном взаимодействии большой группы бойцов, слаженно сражавшихся в сомкнутом строю (шеренге). Поскольку меч у галлов обычно дополнялся топором, а не копьем, то основной задачей противника было нейтрализовать рубящую силу наступающей массы галльских воинов. Защитой им служили шлемы-каска и высокие, овальные дубовые щиты, обтянутые кожей либо войлоком. Доспехи и кольчуги имелись только у вождей, остальным это было «не по карману», и обычно галлы шли в бой обнаженными по пояс, нередко «прикрывшись» для устрашения врага лишь боевой раскраской. Галльская конница, вооруженная и экипированная наподобие своей пехоты, сражаться в строю не умела, предпочитая традиции одиночного героического поединка. Именно поэтому они были хороши в набегах, заманивании в засаду. Вкупе со своим высоким ростом, крепким телосложением, длинными распущенными волосами, грозным боевым кличем-воем и жутким обычаем непременно отрубать головы убитым или раненым противникам, они наводили ужас на врага. Но в то же время, «нарубив» несколько голов, они могли запросто покинуть поле боя и заняться грабежом, не дождавшись общей победы своего вождя (или нанявшего их полководца). Галлами было нелегко управлять во время боя, и поэтому карфагенские военачальники предпочитали использовать их для первого удара, преимущественно по центру вражеского строя, не очень жалея о неминуемых потерях. По сути дела, малонадежные галлы, как правило, выступали в качестве «пушечного мяса».

...**Кстати сказать,** и иберы (испанцы), и галлы не являлись высокопрофессиональными наемниками и, воюя каждый по-своему, порой не были лучше и опытнее римских ополченцев-легионеров той поры...

Поскольку по дисциплинированности и выучке, экипировке и вооружению карфагенская пехота уступала римской, то наибольший эффект Карфагену приносила его конница, как иберийская, так и легкая, нумидийская. Выросшие в седле, полуголые кочевники-нумидийцы из Северной Африки были прирожденными всадниками и не пользовались ни уздечкой, ни седлом, сидя на накидках из леопардовых шкур. Для управления своими очень низкорослыми и поджарыми, но зато выносливыми, быстрыми и послушными лошадами (*так называемыми ливийскими пони*) они применяли ноги и веревку, накиннутую им на шею, а также голос и удары древка легкой пики. Поскольку верховая езда была доведена ими до

циркового искусства, то в отличие от других всадников, державших одной рукой поводья, они могли сражаться обеими руками, одновременно орудуя длинным кинжалом и боевым тесаком либо ловко и быстро бросая дротики с обеих рук. Непревзойденные вольтижеры, они использовали в бою сразу две лошади, в случае надобности перескакивая с одной на другую прямо на скаку. Их сила заключалась в стремительности: они могли легко нагнать более неповоротливых всадников или при желании столь же быстро от них оторваться. Всевозможные ложные отступления, отвлекающие маневры и внезапные нападения – вот их стихия, где они чувствовали себя как рыба в воде. Перестрелка и засада – здесь они тоже были хороши. Зато защитных доспехов в отличие от тяжелой иберийской кавалерии, чьи лошади носили кожаные нагрудники, они не имели и прикрывались лишь небольшим круглым легким щитом.

...**Между прочим**, в войнах с Римом карфагенская (*особенно нумидийская*) кавалерия не раз докажет свое превосходство над вражеской конницей, и во многом благодаря ей лучший карфагенский полководец Ганнибал сможет воевать с Римом в Италии целых 16 лет! И только когда она обессилит от многолетних лишений, Ганнибалу придется покинуть Италию. И лишь после того как выдающийся римский полководец Публий Корнелий Сципион-Младший (*или как его величали благодарные соплеменники – Африканский*) сможет заключить военный союз с нумидийским принцем Массанассой (*Массиниссой*), именно с помощью его превосходной конницы он сможет окончательно одолеть Ганнибала...

Вопреки сложившемуся мнению в карфагенской армии был свой осадно-метательный парк (большие и малые катапульты с баллистами), столь присущий армиям времен Александра Македонского и его преемников-диadoхов, которые почти 40 лет воевали друг с другом за обладание различными частями гигантской империи покойного воителя и весьма существенно усовершенствовали машины для осады крепостей.

Характерно, что наличие в карфагенской армии разных народностей со своим специфическим вооружением, воинскими традициями (своей тактикой ведения боя) и своими вожаками-командирами обуславливало необходимость максимально эффективного использования их сильных сторон и предельной нейтрализации их слабых сторон. Талантливым карфагенским полководцам, например, Ганнибалу и его отцу Гасдрубалу обычно это удавалось. Но у других, не столь одаренных военачальников, это порой не получалось, и тогда случались не только фиаско, но и катастрофы. При этом примечательно, что если карфагенская армия терпела поражение, то нередко ее предводитель кончал свою жизнь на кресте, причем приговор приводили в исполнение его наемники.

Глава 3. «Живые танки» Карфагена: фантастика и факты

Совершенно особую роль в армии пунов играли... «живые танки». Именно для них в городских стенах Карфагена были оборудованы специальные «ангары» – стояла на 300 боевых слонов. Не посвятить античной «элефантерии» – сколь грозному, столь и экзотическому роду войск – отдельную главу нельзя никак.

Дело в том, что эти «живые танки» стали обязательным родом войск в античную пору еще с конца IV века до н. э., т. е. с эпохи войн диадохов (полководцев) легендарного Александра Македонского.

Сам великий македонец, не оставлявший без внимания ничего, что сулило ему, *Богу Войны*, улучшение боевой техники, включил попавших к нему в руки или подаренных сатрапами индийских слонов в свою армию. Известно, что у него было около 200 слонов, однако смерть не позволила ему использовать их в деле.

Долгое время вокруг применения в древних войнах слонов было очень много надуманного и небывлиц, превращавших эту весьма любопытную тему в предмет неадекватных спекуляций со стороны разнообразных «акробатов от истории», в том числе военной.

Эта тема продолжает успешно разрабатываться специалистами разного профиля, в частности, отечественными (А.В. Банников, К.Ф. Нефедкин и др.), по крупицам собирающими утерянную «мозаику» завлекательной истории «элефантерии». И все же **некоторые выводы уже сделаны, и степень их взвешенности не вызывает особого сомнения.**

Начнем с того, что первыми на войне стали применять слонов в Индии: то ли во второй пол. II тыс. до н. э., то ли все же лишь на рубеже II–I тыс. до н. э.?! Единой точки зрения по этому вопросу до сих пор нет, но не это суть интересующего нас вопроса. Важно другое: как, где, когда и какие виды слонов и, что самое важное, с какой эффективностью, могли использоваться человеком на войне.

При этом надо учитывать две позиции по этому крайне экзотическому вопросу: **скептический и апологетический.**

Сторонники негативного взгляда на эффективность боевых слонов склонны считать, что боевые слоны (элефантерия) на полях сражений античной эпохи, хотя и были новым шагом в развитии военного дела, но применение их было достаточно узким. Многие полагали, что боевые слоны производили скорее психологический эффект своей гигантской массой, грозным видом, устрашающим ревом и впечатляющей военной атрибутикой, навешанной на них, чем приносили реальную пользу. Утверждалось, что они вышли из моды не только по причине совершенствования профессионального мастерства солдат, умело с ними борющихся, но и из-за того, что их содержание, как в мирное время, так и тем более на войне, и «обслуживание» в походе (пищевой рацион, его объем и т. п. и т. д.) стоили очень больших денег. А это, в конце концов, как правило, становилось обременительным даже для очень богатых государств. В результате сложилось мнение, что выгода, получаемая от применения этого рода войск зачастую не компенсировала той степени риска, которая сопутствовала присутствию боевых слонов на поле боя из-за их порой весьма неадекватного поведения в условиях непредсказуемого развития хода сражения. Тем более, что известные нам сражения с применением «слоновьего корпуса» часто заканчивались весьма неоднозначно для применявшей их стороны. А ведь она поначалу явно рассчитывала на эту «живую бронетехнику» как на весомый фактор для победы над противником, либо не имевшим боевых слонов, либо не в таком большом количестве.

Польза от применения самой тяжелой боевой «техники» той поры, как говорят скептики, не всегда и не везде могла быть одинаковой.

То, что было хорошо в Индии, аргументируют они, а именно оттуда боевое применение слонов пришло в Малую Азию и Европу, не было столь же успешно против высокоорганизованных европейских воинов. Знакомые с ними, не боявшиеся их, они умели и избегать их, и нападать на них. Успех в бою был у слонов против народов, которые их никогда не видели, а также против всадников, чьи лошади их боялись.

Против пехоты слоны могли быть эффективны, лишь когда первая сплывалась в фалангу. Именно такое массовое скопление пеших воинов давало слонам возможность «топтать и давить» без разбору. И порой это приводило к катастрофическим последствиям, если фалангиты не стояли насмерть, выставив перед собой лес своих многометровых смертоносных сарисс подобно непроходимому частоколу.

А вот рассеянный строй наделял пехоту значительным преимуществом перед слонами. Небольшие подвижные пехотные отряды из специально подготовленных дисциплинированных и находчивых пехотинцев обращали «танковые бригады» четвероногих гигантов в бегство, прицельно отстреливая «танкистов-водителей», засыпая «четвероногую бронетехнику» ливнем метательных снарядов (огненных стрел и т. п.), бросая ей под «гусеницы» простые доски... утыканые гвоздями, и прочие спецсредства.

Слоны, безусловно, были весьма опасным родом войск, подводят итог скептики, но у них имелись серьезные изъяны: низкий боевой дух, плохая управляемость и т. д. и т. п. Главным аргументом против полезности слонов на поле боя они считают то, что, в отличие от лошади, это животное так и не было одомашнено, а только приручено. Поголовье ручных слонов всегда пополнялось путем отлова диких. Следовательно, **боевые слоны отличались от рабочих только размерами, но не психологией «боевой машины», несущей смерть врагу, а не своим солдатам.**

Не исключено, что **боевая слава слонов, скорее всего, обусловлена их эффективностью, чем эффективностью.** Безусловно, они повышали зрелищность сражений, но не давали постоянного преимущества, к тому же удачные приемы вскоре копировались противником. Таким образом, **«живые танки» были в большей степени оружием психологического воздействия, а не физического устранения** – завершают свой исторический вердикт антагонисты «элефантерии».

Не принимать их позицию во внимание нельзя. А как все обстояло на самом деле, спросите вы?! Попробуем разобраться...

Считается, что в античности на войне обычно использовались два основных вида слонов: индийский и африканский (*подвиды не в счет*).

Причем начали с первого, а затем в силу ряда обстоятельств «пустили в мясорубку» и второго. Характерно, что какое-то время бытовало мнение о якобы большей эффективности индийского слона по сравнению с его собратом с Черного континента из-за большего веса, размеров, свирепости и некоторых особенностей «тактико-технических характеристик» сугубо боевой направленности. На самом деле средний африканский слон-самец не только тяжелее своего азиатского собрата (*4–7 тонн против 3–5 тонн*), но и выше (*3–4 м против 2–3,5 м*). Из-за развивающихся парусом огромных треугольных ушей «африканцы» из саванн казались еще массивнее. Есть и другие сугубо «военные аспекты» характерных различий африканцев и азиатов: у первых бивни имеются как у самцов, так и у самок, у вторых – только у самцов, а у самок их почти нет. Хотя длина бивней у тех и других примерно одинаковая (*порядка 3 м*), но у африканца они толще и загнутые, а у индийца – более прямые, тонкие и намного легче. Зато кожа у обоих одинаково толстая (*2,5 см*), и пробить ее очень трудно – даже пулей, а уж тем более наконечником копья, дротика или стрелы. Самки обоих видов заметно ниже и легче своих «мужчин». Особую роль в жизни слона играет его «рука» – хобот, которым он искусно манипулирует. Взрослый слон может поднять им вес до 100 кг или набрать в него до 17 л воды. Степень чувствительности пальцевидных отростков

на кончике хобота (*у африканца – их два, а у индийца – всего лишь один*) очень высока. Они могут ими поднимать с земли даже очень маленькие предметы, тем более, что слон – одно из самых умных животных в природе (*умнее и лошади, и собаки!*), способное усваивать до сотни различных команд.

Остальные особенности этих двух видов слонов (*степень и характер волосяного покрова, форма и размеры ушей, количество «пальцев» на ногах, и прочее*) не оказывают серьезного влияния на их боеспособность, т. е. на то, что может интересовать нас в первую очередь.

Долгое время считалось, что в отличие от своих азиатских собратьев африканские слоны очень плохо дрессируются. На самом деле, и те и другие одинаково поддаются дрессуре, правда, «африканец» все усваивает несколько медленнее.

Обычно слонов отлавливают летом в возрасте 15–18 лет, с тем чтобы, когда они еще молоды, но уже достаточно сильны, они могли быстро привыкнуть к человеку и обучиться. При этом предпочтение отдавалось храбрым слонам, так как они могли быть более пригодны в бою, чем их более «инфантильные» собратья. Оптимальным возрастом для использования слона, в том числе для военных целей, издревле считалось 40-летнее животное (*средняя продолжительность его жизни ок. 70 лет*), которое не только достигло наибольшего размера, но еще и в расцвете сил. Дрессировка пойманных животных проходила при участии уже прирученных слонов. У индусов существовали настоящие питомники – тренировочные лагеря, в которых не только выращивали животных, но и готовили к бою.

Для этого их «обкатывали» по специальной программе, выстроенной с учетом различных задач: от умения «протаптывать» строй вражеской пехоты до боя... друг с другом. В последнем случае они сталкивались лбами, пытаясь пересилить друг друга и так развернуть соперника, чтобы успеть смертельно боднуть его клыками. Основной задачей слонов на поле боя было наводить ужас своими размерами, топтать врага ногами, пронзать бивнями. Для большей эффективности их удлинляли металлическими наконечниками. Особо эффективен был смертоносный хобот, которым они действовали как огромной рукой.

...**Между прочим**, отрубить слону его нависающий сверху смертоносный хобот из упругой и твердой кожи (*своего рода кожанный панцирь!*) ударом снизу – задача почти непосильная, требовавшая исключительной физической силы, невероятной ловкости и отчаянной храбрости и оружия бритвенной остроты...

Хоботом слоны хватали замешкавшегося воина, душили или, с силой бросив оземь, тут же растаптывали либо передавали бедняг через голову своим погонщикам, которые попросту добивали их. Кроме того, слонами – как ширмой – могли прикрывать незаметные перемещения за фронтом построения конных отрядов для внезапного удара в решающий момент сражения. Более того, сидя на самом высоком слоне, полководец мог обозревать поле битвы, вносить нужные коррективы в ее ход и, держа ее под контролем с высоты двухэтажного дома, перемещаться.

Боевая подготовка слона была делом непростым и занимала несколько лет. Слонов окружал целый штат «прислуги»: ветеринары, дрессировщики, «конюхи», отвечавшие за корм, уборщики стойл, ответственные за помещения, где спят слоны и, конечно же, погонщики/вожатые (махуты или корнаки). *Характерно, что как обучать их, так и воевать на них должны были одни и те же люди. Иначе слон не воспринимал погонщика и отказывался повиноваться.* Махуты имели личное оружие для самозащиты, но главным их оружием естественно были слоны. Обычно они направляли их против конницы, поскольку лошади боялись слонов. Требовалась специальная тренировка лошадей для того, чтобы они могли выдержать атаку слонов.

Управляли слонами сидевшие у них на шее вожатые. Обычно для этого им хватало голосовых команд, нажима большими пальцами ног за ушами четвероногих гигантов или постукивания пятками. Правда, нюансы этих методов управления остались нам неизвестны. В то же время, если животное становилось строптивым, в ход шли деревянные палки – «стрекала», – на верхнем конце которых были металлический крюк и острие, в целом нечто очень похожее на багор в миниатюре. Стрекалом погонщик колот животное в уши и шею. Когда слон приходил в ярость (*от ран или по какой-либо другой причине*) и начинал топтать свои собственные боевые порядки, погонщик мог быстро умертвить взбесившееся животное: металлическое долото загонялось ему ударом свинцового молотка в основание черепа. Кто придумал этот «гуманный» способ, до сих пор является предметом острых споров среди историков.

Примечательно, что среди африканского вида слонов принято выделять два подвида: *саванного* (степного) и *лесного*.

«Саванник» намного крупнее «лесника» (*4 метра в высоту против 3 м и 7 тонн веса против 4,5 тонны*) и заметно прожорливее (*75—150 кг пищи и 80—160 л воды в день против 60—120 кг пищи и 60—120 л воды*), причем самые крупные его особи могут потреблять вдвое больше пищи и воды. Зато у «лесника» более длинные и тонкие бивни. Индийские слоны по объему своего рациона ближе к «саванникам». И те и другие предпочитают траву, листву, кору, корни и... фрукты!

...Между прочим, слон – одно из наиболее умных животных, и просто погнать его на стойкую вражескую пехоту (*конница обычно разбегалась сама*) было трудно. Слона надо было чем-то разъярить, чтобы он попытался расчистить себе дорогу среди людей – топча и раскидывая их направо и налево. Известно, что всем слонам присуще раз в год (*либо в полгода*) впадать в состояние «муста», или состояние возбуждения и агрессии. Обычно оно длится от одного дня до месяца (*порой даже нескольких*). Зная об этом, люди специально приводили животных в это состояние прямо перед боем. Способы возбуждения слона были разными: от привешивания ему на шею большого колокольчика, раздражавшего его своим звоном, до алкоголя разного вида (*что-то типа водки?!*) и опиума. Всем этим занимались корнаки (или махуты). Но и эти одурманивающие «спецсредства» не гарантировали 100 %-ного результата...

Слоны не только прекрасные пловцы (*могут проплыть без остановки до 48 км со скоростью 2,1 км/час*), но и отменные «ходоки». Они могут двигаться со скоростью 8 км/час или бежать со скоростью 15 км/час, а на дистанции до 100 м и вовсе развивают скорость до 40 км/час. При этом слоны удивительно устойчивы при передвижении независимо от того, куда они ступают, поскольку очень уверенно ставят ногу, безошибочно выбирая самый безопасный путь. Если они сомневаются в той поверхности, на которую им предстоит наступить, то сначала очень осторожно пробуют ее ногой и, только убедившись в ее безопасности, переносят туда весь свой вес. Двигаться по разнообразной поверхности им помогает специфическая подошва их ног – мягкая прокладка из эластичных и упругих волокон, расширяющаяся при нагрузке, своего рода амортизатор. Именно поэтому слоны легко взбираются на крутые склоны и проворно спускаются вниз. Именно поэтому они проходят там, где «пасуют» лошади, верблюды и мулы. При подъеме вверх они могут помогать себе хоботом, используя его как подтягивающую «лебедку», а вниз «съезжать» на крупе, тормозя ногами.

В то же время слоны очень чувствительны к температурным перепадам, плохо переносят жару и холод и не могут обходиться без большого количества воды. Более того, слонам надо не менее 24 часов, чтобы переварить съеденное. Это при том, что процесс поедания

ния у них занимает 8—10 часов в сутки. И тем не менее они усваивают только 44 % пищи, тогда как те же лошади до 70 %. Эти древние «танки» требовали своевременной «заправки» высококачественным «топливом». На одном только сене они не «работали». В ежедневный рацион слона входили не только до 90 кг свежей травы и кореньев, но и строго обязательные рис, сахар, хлеб, фрукты и такие «тоники», как перец и алкоголь. Иначе «боевая машина» не «заводилась» и не крушила все на своем пути. Все это, естественно, очень ограничивает сферу их применения, либо нужны были огромные запасы всего необходимого для того, чтобы слоны нормально себя чувствовали перед боем. Громадное количество пищи и особенно воды для слонов очень увеличивало обоз, что крайне замедляло мобильность армии, в составе которой была «элефантерия» или, современно выражаясь, живая «бронетехника». Тем более что для ее охраны требовались мобильные спецотряды из легковооруженных пехотинцев и кавалеристов. Чересчур огромные войска были не только медлительны, но весьма уязвимы, поскольку при растянутом строе они чаще, чем небольшие армии, подвергались нападениям врага, причем сразу в нескольких местах. Возрастала степень риска и непредвиденных случайностей при передвижении. Именно из-за нежелания чрезмерно «отягощать» свои обозы в составе армии, *в походе обычно двигался такой по численности «слоновый корпус», чья эффективность в бою могла быть равноценна затратам на его содержание в пути.*

Поэтому полководцы предпочитали зря ими не рисковать: *либо держали «бронетехнику» в резерве, вводя в дело в самый ответственный момент, либо сразу пускали в бой, стремясь с их помощью как можно быстрее разрушить боевой порядок врага, чтобы идущим следом пехоте или кавалерии было легче его атаковать.*

И все же было в античности время – *примерно 150 лет (с конца IV в. до н. э. и до середины II в. до н. э.)* – когда **наличие в армии слонов предполагало обладание неким психологическим преимуществом над противником, у которого их не было.** Один только вид гигантов в красивых пополах, стоящих в тесном ряду, грозно ревущих и размахивавших хоботами, мог устрашать врага, не знавшего как с ними бороться. Чем больше их было, тем впечатляюще было зрелище этой «заведенной» «живой бронетехники», готовой вот-вот все смять, раздавить и растоптать.

Индийская боевая традиция требовала, чтобы на поле боя одного слона защищал отряд из 15 пехотинцев. Причем особо внимательно надо было следить, чтобы неприятель не повредил его ног – поэтому их называли «стражами стоп» четвероногих «танков». Ноги у слонов всегда сильно перегружены, и любые повреждения быстро выводили их из строя: в отличие от других животных слон не может на трех ногах не только передвигаться, но даже долго стоять, если одна нога ранена. Именно по колонноподобным ногам «живого танка» стремились нанести удар вражеские воины-смельчаки. По сути дела, это было самое уязвимое (*наряду с брюхом*) место у слонов, т. е. как спустя века гусеницы у современных танков – достаточно было их перебить, и «боевая машина» обездвиживалась.

С именем диадоха Александра Македонского знаменитого Селевка Никатора (Победителя) принято связывать «революцию» в применении «живой бронетехники». Он, впервые бесстрашно схлестнувшийся с индийскими боевыми слонами в 326 г. до н. э. в смертельной схватке при Гидаспе – последней большой битве Александра Македонского, – лучше других диадохов знал их всепокрушающую мощь. Считается, что именно с его легкой руки эти «танки античных времен» стали играть большую роль в войнах диадохов. Причем якобы совсем по-новому: *если раньше слоны строились в одну линию с промежутками, распределяясь по всему фронту войска, то теперь диадохи ставили слонов плотно, компактной группой на флангах в виде огромных «танковых клиньев».* **Такое расположение «живых танков» якобы делало их менее опасными для своей же пехоты, если вдруг «бронетехника» обращалась в бегство.**

На самом деле у нас нет никаких веских данных о том, что слоны на поле боя когда-либо строились иначе, чем в одну линию. Более того, все основные тактические приемы использования слонов на поле боя разработали еще индийцы, как известно, первыми начавшие использовать боевых слонов. Как правило, они выстраивали их в одну линию впереди пехотного строя на расстоянии от 2,5 до 3,75 м друг от друга, причем это было минимальное расстояние, при котором они не мешали друг другу. Порой оно могло возрастать вплоть до 30 м (вернее – 30,83 м).

При этом у индусов было несколько моделей использования слоновьего строя: **«разбивающий центр», «разбивающий фланги», «неподвижный» и «надежный».** *Не существовало только «рассыпного строя», поскольку он был неэффективен: слоны – не лошади!*

В первом случае слоны стояли с фронта на равных промежутках друг от друга, а между ними пехота, прикрывавшая их от стрельбы по ним с боков. Это построение напоминало крепостную стену, где слоны играли роль башен, а воины между ними служили простенками. Получался укрепленный город.

Во втором случае – слонов выстраивали на флангах, причем никого кроме них там не было.

В третьем варианте слоны располагались в тылу, играя роль как бы устрашающего резерва, который вводился в дело в случае острой необходимости, когда пехота, конница и колесницы оказывались бесполезны.

Последний вид строя подразумевал, что слоны играли роль заградительного барьера на пути атакующих вражеских... слонов.

Конечно, слоны не были столь же мобильны, как кавалерия, но не хуже ее могли защищать пехотные фланги.

Долгое время считалось, что индийские слоны были предпочтительнее африканских в слоновьей схватке один на один, так они якобы были крупнее и свирепее. На самом деле это заблуждение, поскольку в слоновьем противоборстве немаловажную роль играла индивидуальная выучка слона, которая была у «индийцев» значительно выше из-за многовековых традиций дрессировки этих животных в Индии. К тому же в Индии слона готовили к бою значительно дольше и тщательнее. Тогда как «африканцев» из-за спешки (*некогда было ждать, пока слоны войдут в зрелый 40-летний возраст*) бросали в бой более молодыми (*а значит, не такими крупными и заматеревшими, порой всего лишь 2-метровыми*) и менее обученными. Тем более что «африканцы», как уже отмечалось, труднее поддавались дрессуре, и на нее уходило намного больше времени. Кроме того, индийские махуты (корнаки) были на голову выше туземных «водителей» африканских слонов в управлении своими гигантами в непрестанно изменяющихся условиях боя.

Махуты-индийцы ценились настолько высоко, что их охотно брали на службу в различные армии и со временем само слово «инд» или «индиец» превратилось в название профессии *погонщика слонов* независимо от его этнического происхождения. В то же время у «африканцев» было и свое преимущество перед «азиатами» в схватке один на один, где они не только старались пересилить друг друга, но и «боднуть» своими бивнями, которые у слонов из Африки были длиннее. Если уместно такое сравнение, то у «африканцев» были более «дальнобойные пушки» за счет более длинных бивней. Тем более что бивни животного были его главным природным оружием наряду с хоботом. С его помощью слоны хватали неприятельских лошадей и воинов, бросая их в воздух. Последних они могли передавать назад своим погонщикам, которые их умертвляли. Более того, якобы слоны умели метать хоботами копья и даже перехватывать летящие неприятельские?! Но заставить даже очень хорошо подготовленного слона, обладавшего очень высоким интеллектом, убивать людей мог только очень искусный махут (корнак).

Вокруг экипировки и вооружения слонов ходит очень много разных сведений, порой весьма экзотических.

Поначалу защитного «обмундирования» четвероногим гигантам не полагалось, но зато их тела могли богато украшать металлическими побрякушками и пурпурными (ярко-красными) попонами, поскольку считалось, что именно этот цвет приводил слонов в возбуждение. Позднее – во II в. до н. э. (возможно, и раньше?) – для защиты животного от стрел и копий его спину и бока стали покрывать доспехами (бронзовыми?) либо неким подобием «чешуи» (?) из медных щитов. Не исключено, что это могла быть и просто кожаная попона, на которую были нашиты металлические пластины, либо и вовсе на слонов надевали длинную кольчугу, подбитую изнутри хлопком, поскольку технология изготовления таких панцирей была уже давно хорошо отработана. В то же время боевого слона отнюдь не всегда покрывали защитным доспехом. Все могло определяться боевой обстановкой (ситуацией) и поставленной перед ним боевой задачей. Зато точно известно, что на бивни слонов надевали металлические наконечники (ножи) или к ним привязывали копья. К груди животных могли прикрепляться колья, окованные металлом, что лишь усиливало их пробивную мощь против вражеских боевых линий, в частности, так могли поступать карфагеняне, которые всегда стремились использовать боевых слонов.

До сих пор идут жаркие споры по поводу количества воинов («танкистов»), сидевших на слоне во время боя, причем речь идет о слонах без боевых башен («боевых рубок»). Обычно исследователи сходятся на цифре *четыре*: погонщик, пара-тройка разнообразно вооруженных воинов – два ведут огонь по сторонам и один – назад. Копейщик защищал слона сбоку и сзади, не давая пехоте подобраться к его ногам и брюху, а лучник и дротикометатель вели обстрел врага с высоты «двухэтажного дома». Как правило, это традиционный набор воинов для экипажа «машины боевой» на заре ее применения, т. е. сугубо среди индусов или до того, как с ней познакомился Александр Македонский и она стала достоянием эллинов.

Историки никак не могут решить: *кто* защитил тело слона доспехом, *кто* повесил колокол для звукового устрашения, *кто* «украсил» могучий лоб животного медным налобником с красивым плюмажем и металлическим «рогом»?! Наконец, *кто* именно «оснастил» его спину небольшой башенкой (*легким деревянным каркасом, обтянутым кожей*) с несколькими разнообразно вооруженными воинами внутри!?

Принято считать, что именно появление этой «боевой рубки» – своего рода «танковой башни» – на спине слона, по сути дела, превратило четвероногого гиганта в некое подобие... «живого танка» с «танкистами» внутри? То ли это дело рук полуполюгендарного Селевка, то ли – знаменитого эпирского царя-полководца Пирра?! Впрочем, не все согласны с тем, что подобная модификация боевого слона – дело рук какого-то одного человека, а не результат коллективного творчества пытливого ума «военспецов» 40-летней эпохи войн диадохов, когда именно массированное применение «четвероногой бронетехники» стало особо популярно на полях сражений.

У нас нет веских доказательств в пользу сложившегося в литературе мнения якобы о наличии если не настоящих боевых башен, то хотя бы их прототипов в виде легких жердевых конструкций (*небольших легких «корзин»*) на индийских слонах в знаменитой битве при Гидаспе между Александром Македонским и индийским царем Пором. Не экипировал своих слонов башнями Александр Македонский и позднее: у него на слоне сидели лишь погонщик и гоплит, с очень длинной (от 4 до 6 м) сариссой. По крайней мере, так полагают некоторые исследователи, в частности российский антиковед-элефантовед А.В. Банников. Кое-кто, например, д.и.н. А.К. Нефёдкин, не исключает, что впервые на спины слонов водрузил боевые башни – деревянный каркас, обтянутый кожей и усиленный щитами, – кто-то из военных инженеров знаменитого диадоха Александра Македонского – Антигона Одно-

глазого. Тем самым была повышена эффективность и разнообразие применения этих гигантов на поле боя: башня (со стенками ок. 160 см) придавала воинам большую устойчивость, столь необходимую для стрельбы, а также защищала экипаж от неприятельских метательных снарядов и избавляла от щита и другого защитного снаряжения, мешавшего стрельбе. Как результат, Антигон дважды смог победить другого диадоха Эвмена при Паретакене и Габиене, несмотря на то, что оба раза у него было вдвое меньше слонов – 65 против 125, но его «танки» были лучше экипированы и вооружены.

Оптимальное количество бойцов в башне могло колебаться от 2 до 4, в иных случаях они начинали мешать друг другу. В то же время количество этих «башенных» бойцов во многом могло определяться физическими возможностями самого слона. Принято считать, что максимально слон мог нести на себе вес до 540 кг, чтобы свободно передвигаться по полю боя. Примечательно, что примерно столько могла весить башня с 5–6 воинами. Ранние слоны всячески стремились избавиться от носимой ими «боевой рубки», переворачиваясь и перекатываясь через спину.

Наличие или отсутствие башни на спине слона определялось той или иной тактической задачей, которую он и его «коллеги по цеху» должны были выполнить на поле сражения. Так, если слонам вменялось прорвать строй врага, то башни в принципе были бы им лишь помехой: они бы сковывали их движения, раскачивались во время «рывка» на врага из стороны в сторону и воины внутри башен были бы мало пригодны для боя. Точно так же башни лишь мешали бы слонам, брошенным штурмовать вражеские полевые укрепления, в частности рвы и валы. Зато, когда им ставилась задача удерживать занятую позицию, они могли быть весьма эффективны благодаря воинам в башне, которые могли с пользой применять свое оружие сверху вниз. В этом случае в башне могло быть помещено максимальное число солдат, которое мог поднять слон – 5–6, если не более!? В то же время если слоны сталкивались со слонами, то им следовало быть максимально мобильными и размеры башен (если они устанавливались на спинах «слонов-единоборцев») должны были быть весьма компактными (1,5 x 1,5 м), т. е. на 2–3 человек. Особо крупные башни (на 10 бойцов?) могли использоваться на спинах слонов, когда армия осаждала города и нужно было уничтожить защитников, стоявших на стенах.

В то же время до сих пор ученые спорят о наличии боевых башен именно у карфагенских слонов. И хотя полностью исключать этого нельзя (в частности, когда тактическая задача слонов на поле боя носила оборонительный характер либо при осаде крепостей?), но доподлинных доказательств этого у нас нет. Тем более что сама карфагенская тактика на поле боя не способствовала широкому применению башен на спинах слонов. Слон для карфагенян был сродни современному танку – ему надлежало прорывать вражеский строй, а также штурмовать лагерь. В данном случае башни только бы мешали «живым танкам» выполнять поставленную им задачу, когда от них требовалась максимальная скорость и маневренность. Более того, карфагенским слонам не приходилось вступать в единоборства со слонами неприятеля (у того их обычно не было), и не нужно было взаимодействовать с легковооруженными отрядами. Правда, ближе к концу Второй Пунической войны (к концу III в. до н. э.) ситуация поменялась. Количество слонов в карфагенских войнах сильно уменьшилось, и их полководцы пересмотрели тактику своей элфантерии. Из-за необходимости увеличить боевую мощь каждой отдельной «боевой машины» карфагеняне стали устанавливать на их спинах башни. Но численность их экипажей могла варьироваться в зависимости от возраста и физических возможностей слонов: у молодых слонов их могло быть немного, а у взрослых – больше.

Таким образом, можно полагать, что элфантерия могла подразделяться, как и кавалерия и пехота, на легкую, среднюю, тяжелую и даже сверхтяжелую, когда все зависело от мощи слона, его вооружения и численности боевых экипажей, в том числе в башнях.

...**Кстати**, принято считать, что в основном у солдат, помещенных в башню на спине слона, было метательное оружие (дротик, праща и лук либо некие зажигательные снаряды), причем предпочтение могло отдаваться первым двум, так как их всегда можно было бросать наугад в стоящих внизу плотной толпой врагов. В иных случаях это могли быть длинные копья, в том числе наподобие многометровых македонских сарисс. Но наличие последних вызывает у некоторых ученых, в частности у д.и.н. А.К. Нефёдкина, вполне обоснованные сомнения из-за их «экономичности» в ходе боя, чья огромная длина требовала не только недюжинной силы от воина, но и определенной статичности, что, впрочем, является предметом дискуссии...

Сегодня известно, что в греко-македонских армиях, в частности у диадохов Александра Македонского, их «слоновьи корпуса», или эфалантерия, подразделялись на конкретные тактические единицы (отряды). Самая мелкая состояла из двух слонов, потом – 4 слона, 8, 16 (она называлась эфалантархией), полуфаланга включала 32 животных, и 64 «боевые машины» образовывали фалангу под началом фалангарха. При этом каждый слон должен был иметь отряд сопровождения из лучников, пращников и дротикометателей, но сколько их было, нам точно неизвестно.

Издавна считается, что *наибольшую эффективность слоны приносили в борьбе с вражеской конницей, чьи лошади обычно испытывали ужас при виде четвероногих гигантов*. На самом деле после определенной тренировки они вполне спокойно относились к слонам, чему могут быть свидетельством сражения, где сторона, «вооруженная» слонами, в конечном счете, проигрывала бой тем, у кого их не было.

Именно слонами было принято защищать самые слабые участки боевого строя, где пехота и кавалерия не могли быть столь же эффективны. В данном случае слоны играли роль неких «пушек» и даже орудийных «батарей», когда их было несколько штук. Характерно, что в греко-македонских армиях, а вернее, эллинистических войсках диадохов Александра Македонского и их потомков, слонов в основном выстраивали в одну линию либо перед всем фронтом, либо перед центром, либо перед флангами, причем на равном расстоянии друг от друга, примерно в 30 м (вернее, 30,83 м). Впрочем, зачастую все зависело от численности «слоновьего корпуса» и протяженности фронта либо его части, которую надлежало прикрыть слонами. При этом слонов выстраивали на расстоянии от пехоты и кавалерии не менее чем в 60 м, чтобы в случае отражения врагом слоновьей атаки было пространство, где их можно было бы снова собрать и, не смешав свои собственные боевые порядки, отвести их в тылы или снова бросить в атаку.

Иногда, когда слонов было очень много и не представлялось возможным всех их равномерно рассредоточить вдоль всего строя в одну линию, тогда из них могли образовывать некий стратегический резерв на случай критической ситуации в ходе боя и ими могли «затыкать» брешь либо останавливать прорыв вражеской кавалерии. Но такие случаи были крайне редки, если были вообще.

Если слонов было мало, то их, наоборот, старались всячески беречь на случай необходимости ошеломляющего эффекта от их внезапного появления на поле боя.

Когда слонов хотели использовать в качестве своего рода «живого» щита против вражеской конницы, то их размещали на флангах впереди (либо по бокам) своей собственной кавалерии. Причем четвероногих гигантов ставили полумесяцем, чья выступающая сторона обязательно смотрела на врага, а края отодвигались назад. Так поступали, чтобы, с одной стороны, не быть слишком близко к своей кавалерии и не пугать ее лошадей, а с другой – не быть слишком далеко от своих остальных родов войск и не оказаться от них отрезанными

стремительным броском неприятеля. При данном построении лучники, пращники и дроти-кометатели обязательно стояли в интервалах между слонами, чтобы своим «огнем» сдерживать атаки вражеской кавалерии и наносить ей урон, но самим не подвергаясь при этом потерям, будучи под защитой слонов. Под их прикрытием они порой могли выдвигаться на выгодные боевые позиции. Столь же успешно они могли сражаться под слоновьим прикрытием с легковооруженной пехотой врага. Если слонов ставили сбоку от фланговой кавалерии, то они сами могли нападать на фланги неприятельской пехоты либо схлестнуться в противоборстве с вражескими слонами, тоже размещенными на крыльях своего боевого порядка. Когда какая-либо из сторон брала верх, то тут же противная сторона бросала в атаку свою конницу, чтобы развить успех, пока неприятельская элефантерия откатывается в тыл.

Иногда, когда слонов было очень немного, они могли играть роль «живых» бастионов, о которые на поле боя должны были разбиваться вражеские атаки. Тогда слонам обязательно придавали большие отряды поддержки из тяжелой пехоты и кавалерии.

Против плотного слоя вражеской тяжелой пехоты слонов бросали, лишь когда их было очень много, и тогда натиск целого стада из нескольких десятков четвероногих гигантов – огромной слоновьей массы – было остановить очень трудно. Когда слоны играли роль тарана вражеского строя, то сзади их поддерживала тяжелая пехота, но шла она на дистанции и, скорее всего, с интервалами, чтобы было куда пропустить отраженных врагом животных и в панике кинувшихся назад. Точно так же поступала и вражеская тяжелая пехота, которая не стояла сплошным фронтом. Скорее всего, она имела интервалы, чтобы пропустить бегущих на них слонов либо во время расступалась перед «живыми танками».

Правда, в этом случае требовалась очень высокая выучка и психологическая стойкость пехотинцев и четкое ими командование, что в суматохе боя было выполнить очень сложно, порой чуть ли не невозможно. Лучше всего это удавалось вымуштрованным римским легионерам, да и то не «с первого захода» и не всегда.

Долгое время было принято считать, что четвероногим гигантам присуща психическая неустойчивость и во время сражения они могут быть легко напуганы и броситься на своих же солдат. В результате у современных ученых сложилось предвзятое отношение к этому роду войск. На самом деле, чтобы научиться отражать атаку чудовищно сильных четвероногих гигантов, нужно было придумать эффективные способы противоборства, тем более что одно только уже появление слонов на поле боя так или иначе на многих солдат оказывало сильнейший психологический эффект. Рассказывали, что против слонов были очень эффективны горящие метательные снаряды. Возможно, оно и так, но едва ли это было возможно в открытом бою, где у воинов, находящихся в гуще схватки, вряд ли была возможность зажечь стрелу?! Другое дело обстреливать животное из-за укрепления.

Зато другой способ – «ежи» или три склепанных друг с другом металлических шипа таким образом, что как бы «ежик» ни упал, одна из его «иголок» всегда «смотрела» вверх. Тем самым именно это средство могло быть одним из самых успешных в борьбе с наступающими четвероногими гигантами. Точно такой же эффект могли приносить доски со специально вбитыми в них огромными гвоздями или острыми шипами. Имя их разработчика осталось истории неизвестно. Возможно, это случилось еще во времена Александра Македонского. Правда, и те и другие еще надо было уметь «рассыпать» на пути следования слонов, причем непосредственно перед их атакой, т. е. прямо под «гусеницы» «четвероногой бронетехники». Иначе эти «примочки» не успели бы «сработать»: враг постарался бы убрать их с пути «катящихся в атаку живых танков». И хотя последние считались весьма эффективными, но их применение все же грозило значительными потерями среди пехотинцев, отчаянно кидавших смертоносные доски под ноги гигантам, чьи могучие хоботы ловко хватали их, ломали им ребра, душили либо просто с силой бросали оземь... на те же самые доски!

Правда, специально подготовленные бойцы ухитрялись подкрадываться к слонам вплотную, стремясь поразить их копьём в брюхо либо подрубить им серповидным мечом или боевым топором с длинной рукояткой сухожилия под коленями колонноподобных ног, самые чувствительные части тела животных. Напомним еще раз, что ноги у слонов всегда сильно перегружены, и любые повреждения быстро выводили их из строя: в отличие от других животных, слон не только не может передвигаться на трех ногах, но даже долго стоять, если одна нога серьезно ранена. Но и подобные «трюки» чаще всего заканчивались смертью его исполнителя: разъяренное от боли животное успевало отомстить обидчику с помощью смертоносного хобота. Тем более что, как уже говорилось выше, отрубить нависающий сверху хобот из упругой и твердой кожи (*своего рода кожаный панцирь!*) ударом снизу – задача почти непосильная, требовавшая исключительной физической силы, невероятной ловкости, особой сноровки, очень острого меча и, что самое главное... отчаянной храбрости.

Это как с гранатой на танк: либо – ты его, либо – он тебя!

По некоторым данным, слонов можно было остановить с помощью баллист, заряженных особо крупными метательными снарядами. Правда, реальные свидетельства их применения до нас так и не дошли. Впрочем, это могла быть и небыль, если реальной подоплеки не было. Много шума наделали рассказы о якобы очень эффективном средстве по борьбе со слонами: против них пускали свиней и поросят, обмазанных смолой и подожженных. Бедные животные от жуткой боли дико визжали и стремительно неслись на... слонов. При этом гиганты боялись не столько их пронзительного визга, сколько... пламени, которое они несли на себе, приближаясь к ногам слонов.

В то же время возникает пара вполне естественных вопросов. *Во-первых*, может ли поросячий визг заглушить гром и грохот сражения – лязг и скрежет оружия, ржание лошадей, вопли и стоны раненых, топот конницы и трубный рев слонов? *Во-вторых*, надо было еще добиться того, чтобы горящие поросята бросились бежать именно на слонов, а не куда-нибудь в стороны!

На самом деле, эффективнее всего против слонов действовали небольшие отряды метателей снарядов (лучники, пращники и дротикометатели). Они, подобно «осам», роились вокруг четвероногих гигантов, методично обстреливая со всех сторон. Причем главной целью для всех видов стрелков были погонщики слонов, которые, сидя у них на шее, служили прекрасной мишенью. Тем более что на «махутах» был лишь шлем и легкая хламида – так им было легче управлять «бронетехникой». Убив или тяжело ранив его, враги обычно «обезглавливали» «боевую машину». Гибель махутов превращала «живые танки» в беспомощное стадо. Оставшись без вожатого, слон становился совершенно непредсказуемым и мог начать бесцельно метаться по полю сражения, давя как чужих, так и своих, либо и вовсе покинуть его. Именно поэтому «четвероногую бронетехнику» – слоновьи отряды – обязательно защищали лучники и дротикометатели.

Помимо махута, слон ориентировался на... вожака своего стада. И стоило тому погибнуть либо повернуть назад, как все слоны могли, не обращая внимания на команды своих погонщиков, обратиться в бегство, смяв-перетоптав по пути свою же пехоту и распугав свою же конницу. Не только раны, но и грохот боя нередко приводили к тому, что врагу удавалось обратить перепуганных слонов против своих воинов. Так вот, как только погонщик понимал, что животное, либо получив слишком много ран, либо по еще какой-то причине, стало неконтролируемым и вот-вот повернет на свое же войско и нанесет тому непоправимый урон, ему приходилось срочно умерщвлять четвероногую «бронетехнику», вбив в затылок слону свинцовым молотком большое металлическое долото. В то же время умные животные, намереваясь бежать, могли скидывать своего седока-убийцу.

Рассказывали, что кое-кто из античных полководцев вроде бы пытался бороться с «живыми танками» врага с помощью специально обученных и экипированных отрядов «сло-

ноборцев». В них набирали очень подвижных и в то же время столь же физически сильных, отчаянных сорвиголов. Их шлемы, щиты, наручники и наплечники были покрыты «шипами или остриями», чтобы гигант не мог схватить их своим смертоносным хоботом, когда они кидались к нему, пытаясь его «обездвижить», подрубив ему топорами и секирами сухожилия ног. Впрочем, веских свидетельств о применении именно этих «спецназовцев» против слонов у нас нет.

В общем, как это всегда было в истории развития военного дела: *на всякое новое оружие люди стремились поскорее найти противоядие, причем не одно, а желательно несколько видов «контроружия», причем максимально эффективных.* Так они и сосуществовали: **на каждый «ход конем» противник отвечал адекватным ноу-хау, и здесь все средства были хороши.**

Содержание больших «живых танковых бригад» во все времена стоило столь огромных средств, создавало так много организационных трудностей, что со временем они перестали себя оправдывать. Ведь нередко сражения с применением «живых танков» заканчивалось весьма плачевно: обратившаяся по тем или иным причинам в паническое бегство «четвероногая бронетехника» сминала свою же пехоту, распугивала свою же конницу, и, воодушевленный противник, преследуя бегущих, разил направо и налево. И все же, несмотря на легко прогнозируемую непредсказуемость «живых танков» в ходе боя, даже такой гениальный полководец, как Ганнибал (*а еще раньше – знаменитый эфирский царь Пирр!*), так и не смог подняться выше модных тенденций той поры и отказаться от их использования. В конечном счете этот «консерватизм» сыграл роковую роль в его (*и Пирра тоже!*) военной карьере.

И последнее по поводу четвероногого «бронекорпуса» в составе карфагенской армии. Впервые пуны выпустили его на поле боя под Акрагасом в 262 г. до н. э. Долгое время считалось, что во времена Пунических войн карфагеняне могли использовать в боевых действиях не только африканских, но и индийских слонов. Но сегодня у нас нет твердой убежденности, что это именно так. Даже если речь идет о полуполюгендарном слоне по имени Сур, на котором Ганнибал совершил свой знаменитый марш-бросок через болота римской Этрурии. Нюансы этого «дела» мы раскроем чуть позже.

Глава 4. Римские легионы на полпути к совершенству

Безусловно, римская армия была одной из наиболее мощных «военных машин», когда-либо создававшихся военным гением человека, наводившей ужас на противника. Но к моменту судьбоносного столкновения Карфагена и Рима за господство в Западном Средиземноморье – вторая пол. III в. до н. э. – знаменитые римские легионы, которые спустя века победоносно пройдут полмира и позволят Риму в течение нескольких столетий господствовать далеко за пределами Средиземноморской ойкумены, были отнюдь не той совершенной военной машиной, какой они стали в эпоху Гая Мария, Гнея Помпея и Юлия Цезаря, т. е. по сути дела уже в I веке до н. э. Затяжные войны с Карфагеном застанут их на полпути в этом весьма нелегком процессе создания совершенной армии. Вместе с тем первое по-настоящему смертельно опасное испытание – своего рода обкатку «танками» (*в их роли выступили незнакомые им ранее боевые слоны и превосходная фаланга профессиональных наемников знаменитого Пирра из Эпира*) римские легионы уже выдержали.

...**Между прочим**, «военная машина» Рима была составной частью весьма военизированной политической системы Рима. Высшей ступенью в его военно-политической лестнице было **консульство**. Консулов ежегодно избирали в июне на Марсовом поле. В выборах консула могли участвовать все граждане Рима вне зависимости от происхождения и богатства. Голосование производилось по трибам (территориальным округам). Обычно трибутные комиции (собрания) происходили на Форуме, реже Капитолии. Все было очень просто: в соответствии с количеством округов ставилось 35 «оград» («загонов»). В каждом из них собирались представители конкретной трибы, а при выходе из них их голоса фиксировались и подсчитывались. Простое большинство определяло общее мнение округа. Решение считалось принятым, если за него подавали голос 18 триб. По имени избранных консулов в Риме обозначался год. Через 6 месяцев, 1 января следующего года, они приступали к исполнению своих обязанностей. В пределах Италии консулы не имели права командовать войсками без особого постановления сената и не имели военной власти. Консулы имели право созывать сенат и народные собрания (комиции), председательствовать в них, осуществлять набор и командовать войском, вносить законопроекты и проводить выборы на различные должности, контролировать действия других должностных лиц и вершить суд. Наконец, только консул имел право получить в случае победы над врагом от своих солдат почетный титул императора, т. е. победоносного полководца. Одним из отличительных признаков его власти была почетная стража – 12 ликторов с «фасциями» на плечах (*двенадцать связанных ремнями красного цвета пучков березовых или вязовых прутьев*), которые сопровождали их в общественных местах. За чертой города в связки прутьев вкладывались двусторонние топоры, символизировавшие власть консула над жизнью находившихся рядом с ним граждан (*в городской черте власть консула ограничивали народные трибуны и народное собрание*). Когда срок пребывания консула в должности заканчивался, ему в некоторых случаях удавалось сохранить власть без выборов, и тогда он назывался **проконсулом** (заместителем консула). Ниже консула стоял **претор**. На заре Римской республики он был один, затем с 242 г. до н. э. их стало двое, потом их число постепенно росло: всего – до шести (либо восьми). В их ведении в первую очередь были судебные дела, вплоть до вынесения смертного

приговора. Они могли вести внешние дела государства, командовать одним легионом либо замещать консула в его отсутствие. Так же им полагалось устраивать игры и празднества. Покидая город, преторы получали почетную стражу в 6 ликторов с такими же связками и топориками, как у консульских ликторов. У преторов, как и у консулов, могли быть помощники – **легаты**, которых они назначали себе сами. Должность легата открывала перед ее обладателем широкие возможности: при необходимости он мог командовать частью войска, и в случае успеха у них мог быть карьерный рост. Но в то же время право на триумф в случае победы у них как у подчиненных отсутствовало. Каждые пять лет римляне избирали двух **цензоров**, причем срок их должности определялся полутора годами. Именно цензоры проводили перепись римских граждан – ценз. Во время этой процедуры, проходившей на Марсовом поле, они могли заявить тем членам всаднического сословия, которых считали недостойными: «Продай коня». Это означало крайнее бесчестье, крах надежд на карьеру и переход в низшее сословие. На основании сведений об имуществе сограждан цензоры обновляли податные списки римлян. Кроме того, они осуществляли надзор за нравственностью. Они ведали откупам, подрядами и общественными работами, а также наблюдали за исполнением такого рода контрактов. В этом и заключалась финансовая сторона их деятельности. К тому же именно им надлежало каждые пять лет пересматривать списки сенаторов и решать, кого исключить, а кого зачислить. Правда, потерять место в сенате было весьма сложно. Помимо смерти из списка сенаторов могли исключать за уголовное преступление, разврат, мотовство, трусость в бою. Восстановиться можно было после исполнения должности претора. Поскольку они (как, впрочем, и диктаторы) не обязаны были давать отчет о своей деятельности, то стать цензором было весьма выгодно. Цензоров чаще всего избирали из бывших консулов, и это считалось очень престижным завершением политической карьеры. А вот заботы о благоустройстве и общественном порядке в Риме и его окрестностях в радиусе полутора километров лежали на **эдилах**. Их было четверо: по два от *патрициев* (аристократии) и *плебеев* (простонародья). Зоной их деятельности был Рим и земли в радиусе мили от города. Они следили за состоянием построек, чистотой и порядком на улицах, снабжением города водой, хлебом, продажей его беднякам по сниженным ценам, ценами и качеством товаров на рынках и особенно за устройством общественных увеселительных мероприятий. Все это требовало серьезных расходов, которые эдилам полагалось покрывать из собственного кошелька. *(Именно поэтому кое-кто из римских политиков старался по возможности «проскочить» сколь хлопотную, столь и дорогостоящую должность эдила.)* Если эдил испытывал финансовые затруднения, то он мог взять в долг у людей, видевших в нем перспективного государственного деятеля. Но если эдил не оправдывал ожиданий заимодавцев, да еще и не смог вернуть долг, то он надолго попадал в долговую зависимость и лишался надежд на служебное продвижение. Зато политик, отменно зарекомендовавший себя как эдил, обычно становился консулом. Ниже эдилов стояли **квесторы**, которых было 20. Именно с этой должности обычно начиналась политическая карьера в Риме. Различались квесторы городские (т. е. в Риме), италийские, провинциальные и военные. В их обязанности входило оказывать помощь заместителям

провинций главным образом в финансовых делах: заведовать казной, вести учет налогов, следить за поступлением налогов, взыскивать штраф, осуществлять судопроизводство над должниками государства, продавать с торгов имущество тех, кто оказался неплатежеспособным, инспектировать рынки, надзирать за государственными доходами и расходами, а также архивом, в котором хранились постановления сената и законодательные акты. Военные квесторы (*по сути дела квартирмейстеры*) занимались финансовым обеспечением легионов и их хозяйственной частью: выплатой легионерам жалованья, выдачей обмундирования, вооружения, оснащения, размещением лагеря и его обеспечением припасами, продажей пленных в рабство, а также распоряжались захваченными трофеями. После окончания срока квестуры бывший квестор получал право занимать место в сенате. Особую роль играли **народные (плебейские) трибуны** – совершенно особая магистратура, возникшая в результате вековой борьбы патрициев и плебеев. Их было 10, и они обязательно происходили из плебеев. Хотя они и стояли ниже квесторов, но возможности эта должность предоставляла огромные, особенно по защите интересов рядовых граждан от произвола всех тех, кто стоял над ними в социально-политической лестнице Рима, исключая лишь диктаторов. Трибуны имели право созывать народные собрания и сенат, налагать вето («запрещаю») на решения вышестоящих чиновников (кроме диктатора) и сената, а также на обсуждение законопроектов, заключать в тюрьму всех чиновников (опять-таки кроме диктатора), вносить законопроекты (кроме них этим правом обладали только консулы). Не подчинившийся вето подлежал аресту. Трибуны имели право оказывать помощь любому гражданину, пострадавшему от произвола того или иного чиновника. Поэтому их дом всегда должен был оставаться открытым, а сами они не имели права отлучаться из Рима даже на один день (или более чем на день?). *Личность трибуна была неприкосновенной, и его убийство считалось святотатством.* Подобно цензорам они не давали отчета о своей деятельности. Но любые их действия мог парализовать кто-то из их... девяти коллег. В Риме с целью информации граждан по важным вопросам политического и религиозного характера на юго-восточном склоне Капитолийского холма или на центральной площади – Форуме – созывались сходки, народные собрания. На них масса граждан имела право высказывать мнение по поводу сделанных ей сообщений или докладов, чем трибуны ловко пользовались. За демагогическую деятельность среди народа, приводившую к беспорядкам, трибунов нередко подвергали суровому судебному преследованию сразу после окончания их полномочий. В экстраординарных случаях вводились должности **интеррекса, диктатора и начальника конницы**. **Интеррекс** («междуцарь») назначался сенатом в том случае, если выбывали из строя представители высшей власти – например, когда смерть уносила консулов. Он являлся как бы временным царем и избирался из числа патрициев на пять дней, а затем назначал себе преемника, и так до тех пор, пока не выбирали новых консулов. **Диктаторы** назначались сроком на шесть месяцев для выправления тяжелой военной ситуации, подавления внутренних волнений, пополнения сената и прочих судьбоносных решений, в том числе религиозного характера, направленных на исправление катастрофически развивающихся событий. Иногда они назначались только для проведения консульских выборов, когда

в Риме не могли присутствовать действующие консулы. Диктатор обладал неограниченной властью и не нес перед сенатом ответственности за свои действия. Его особые полномочия подчеркивала свита из 24 ликторов, в фасцы которых всегда были воткнуты топоры. Помощником диктатора становился **начальник конницы**, которого он должен был выбрать себе сам. При необходимости он заменял его либо заступал на его место. Высший орган государственной власти в Риме – **сенат** – обычно состоял из 300–350 человек. Его сфера деятельности была очень широка. Он ведал делами посольскими, назначал наместников провинций, принимал их отчеты, издавал для них обязательные постановления, награждал триумфом (*особые торжества в честь победоносного полководца; подробности – ниже*), определял празднества, молебствия, заведовал распределением государственных финансов, ведал постройкой храмов, обсуждал вносимые в народное собрание законопроекты, меры по поддержанию в государстве спокойствия, уголовные дела и т. п. Работой сената руководил **принцепс сената** – тот, кто стоял первым в списке сенаторов и кто первым высказывал свое мнение (докладчиками обычно выступали консулы и преторы), кто первым вносил предложения и подписывал оформленное решение. Принцепсами, как правило, становились: бывшие цензоры, знаменитые ораторы и люди, не запятнавшие себя на государственной службе никакими злоупотреблениями. И последнее на тему некоторых особенностей политической «лестницы» Рима периода Республики – нюансы возрастного ценза для начинающих политиков. Обычный порядок последовательного восхождения по служебной лестнице Рима был таков: **квестура** – в 27 (28–29) лет, **народные трибуны** – 33–35 лет, **эдилитет** – в 37 (36–38) лет, **претура** – в 39 (40) лет, **консулат** – в 42 (43) года и цензорство. Переизбираться в консулы можно было лишь спустя 10 лет после первого срока. Примечательно, что все эти государственные обязанности не оплачивались, поскольку считалось большим почетом служить римскому народу...

Военное дело в Риме было поставлено на широкую ногу. Принято считать, что контуры той армии, которая по праву считалась лучшей в древности, были заложены полубогатым героем Вейентинской и Галльской войн – неким Марком Фурием Камиллом. Не исключается, что это эпохальное событие случилось после того, как римляне потерпели сокрушительное поражение от галльских полчищ в 390 г. до н. э. при Аллии. Горькие уроки Самнитских войн (343–290 гг. до н. э.) и войн с эпирским царем Пирром (280–275 гг. до н. э.) тоже могли внести свой вклад в начало процесса создания того самого мобильного и активного римского войска, что спустя века сделает Рим столицей ойкумены той поры. Накопительный характер боевого опыта (как положительного характера, так и отрицательного) привел к переменам, которые могли быть проведены не в одночасье, а постепенно.

Впрочем, по мнению некоторых историков, в этом вопросе до сих пор все же больше «белых пятен» и «черных дыр».

Так или иначе, но большинство исследователей склонны полагать, что в полевой армии служили по призыву все свободные граждане Рима в возрасте от 17 до 46 лет. (*В случае национальной опасности призывной возраст увеличивался до 50 лет.*) В гарнизонах несли службу остальные военнообязанные, т. е. 47–60-летние римляне. Римляне уделяли очень большое внимание военной, физической и моральной подготовке своих воинов: учебные бои (*индивидуальные схватки, бой в строю*) и марш-броски, скалолазание и плавание, рытье

оборонительных сооружений и установка лагерей. Военная служба считалась не только обязанностью, но и честью: к ней допускались только полноправные граждане Рима. Уклонение от воинского долга каралось весьма сурово: виновный мог быть лишен гражданских прав и продан в рабство. Но никто не мог быть призван на военную службу более чем на 16 лет. Оружие и доспехи римляне приобретали за свой счет.

...**Между прочим**, стаж военной службы был необходим для получения государственных должностей. Только служба в армии давала возможность людям из высшего сословия сделать серьезную политическую карьеру. Политическая карьера должна была начинаться со службы офицером при штабе командующего с **военного трибуна** (*не путать с народным трибуном!*). Всего их могло быть 6: 1 – от сословия сенаторов и 5 – от сословия всадников. (*Народные трибуны и эдилы не имели военных обязанностей.*) Они поочередно принимали участие в управлении римским легионом. Каждые два месяца им командовала одна пара военных трибунов: они могли все решать совместно либо командовать по очереди, через день или через месяц. Какова была роль в это время остальных четырех военных трибунов, доподлинно неясно. Личность военного трибуна также считалась неприкосновенной, и за свои действия он ответственности не нес. Как уже говорилось, начинающие политики, стремясь побыстрее добиться популярности среди простых граждан, часто стремились стартовать в карьере именно с этой позиции. Так, только после этой должности молодой человек имел право выставить свою кандидатуру на выборах **квестора** (*чиновника, ведавшего финансами и в крайних случаях замещавшего командующего армией*), чья должность считалась первой ступенью для начинающего политика – именно она открывала дорогу в сенат и т. д. На выборах в Риме была серьезнейшая конкуренция, и отнюдь не все сенаторы когда-либо получали высокие должности. Система голосования давала преимущество более состоятельным классам общества и благоприятствовала представителям старинных, богатых и знатных семей. Чаще всего консулами становились члены известных сенаторских семей. Представители других сословий, особенно безродные выскочки, получали эту должность крайне редко, как правило, за счет особых личных качеств. В основном все контролировалось внутренней элитой, которую составляли определенные семьи, состав членов этой группы менялся на протяжении долгого времени: одни роды вымирали, другие уходили в тень, в первые ряды выдвигались новые. У сенаторов были свои особые знаки отличия: золотые кольца, высокие сапожки и, конечно, знаменитые белоснежные «тоги» – огромные прямоугольные, круглые либо эллипсовидные куски шерстяной или льняной ткани (3,5 x 5 м или 2 x 5,6 м, либо 1,8 x 6 м), украшенные по низу алыми широкими полосами. Тоги, кстати, были национальной и основной одеждой римских мужчин, служившей символом гражданского достоинства. Существует такое выражение «*Roma togata*», что переводится как «*Рим, носящий тогу*». Тога – символ зрелости, прав гражданина Рима. Юноши из аристократических семей могли ее надеть, только достигнув совершеннолетия – 17 лет (*позднее в 16, а потом и в 15 лет*). Белая тога на их плечах означала, что они готовы исполнять обязанности гражданина. Теперь им следовало добиваться славы не в мечтах, а на деле. Римлянин, совершавший преступление, прежде всего лишался права носить тогу. Рабы, иностранцы и изгнанники носить тогу не имели

права. Полководец-победитель имел право появиться в Риме в затканной золотом пурпурной тоге-«пикте». Первым постоянно носить пурпурную тогу стал Юлий Цезарь. Лишь некоторые сановники удостоивались такого же права. Позднее это право стало ограничиваться только императорами. В императорскую эпоху тога-пикта была заменена пурпурным плащом полководца – палудаментумом. В торжественных случаях никакой плащ не мог заменить белоснежную тогу. Она была необходимой одеждой при императорском дворе, посещении цирков, театров, судебных заседаний, при встречах полководцев-триумфаторов, при посещении покровителя, во время официальных церемоний и т. д. Тога была парадной, праздничной одеждой, в которой по вполне естественным причинам было невозможно двигаться быстро. Для римского гражданина не было большей чести, чем выйти на Форум в тоге. Поскольку тога означала почетный знак римского гражданства, небрежно надетая тога вызывала насмешку. Движения ее обладателя были размеренны и неторопливы, походка медленная и плавная. Любопытно, но знаменитый римский полководец Сципион Африканский – победитель легендарного карфагенского военачальника Ганнибала – неоднократно подвергался упрекам за свою приверженность в публичных местах греческому платью, а не тоге! Тога не имела швов, ее ткали целиком. Существовало несколько видов драпировки тоги (*весьма непростых, и без шноровки было не справиться*); все они были без застежек или булавок. Обычно она складывалась вдвое, но не по диаметру, а на две не вполне равные части, благодаря чему один край был виден из-под другого, создавая впечатление как бы двойной одежды. Тогу перебрасывали на левое плечо, перегибали через спину, затем пропускали под правую руку и опять закидывали на левое плечо. Левая рука была закрыта, правая оставалась свободной. Тога одевалась настолько мастерски, что ткань держалась сама собой. Но чтобы придать более красивую и устойчивую форму складкам, в края тоги зашивали гирилки из свинца. Цвет одежды у римлян имел большое значение. Цвет тоги обычно был белым. Обязательная белизна тоги имела и символическое значение. Народ, занятый физическим трудом, не мог носить белую одежду. Поэтому римский плебс всегда был в разноцветной одежде желтого и серого оттенков. Среди этой черни выделялась фигура патриция в белоснежных одеждах. Белый цвет считался парадным, торжественным, в остальных случаях римляне предпочитали яркие цвета: красные, пурпурные, фиолетовые, желтые и коричневые. Именно из коричневой ткани делались траурные одежды. В поздние времена красную одежду стали носить франты, но это вызывало осуждение. Зеленый и оранжевый (*таким было головное покрывало невесты*) цвета, между прочим, считались женскими. Красота тоги заключалась в ее белизне и изяществе драпировки, возведенной в культ. Эта драпировка была определена традициями и утверждена законами. Ушли века на выработку приемов надевания и ношения тоги. Размеры тоги были столь внушительны, что правильно одеть ее было делом сложным и для этого требовалась посторонняя помощь. В эпоху Республики жены помогали мужьям надевать тогу, а когда Рим стал Империей, обязанность пала на плечи рабов (рабынь). Особо искусные в этом рабы ценились очень дорого. В количестве складок и их искусном расположении заключалась вся красота тоги. Еще с вечера рабы готовили складки для следующего утра,

пользуясь для этого приспособлениями из досок. Уже на теле господина ее расправляли щипчиками, обтягивая книзу. Хорошо, красиво одетая тога была выражением основных качеств ее обладателя, таким образом, оценивавшегося по тому, как на нем сидит тога! *«Владыки мира – народ, одетый в тоги»* – так гордо сказал о своих соотечественниках знаменитый римский поэт Вергилий. Но оставим капризы и причуды *Ее Величества Моды* эпохи Древнего Рима в покое и вернемся к делам сугубо мужским – военным...

Основу римской армии составлял легион (*своего рода некий аналог современной дивизии*), который в конце III века до н. э. мог насчитывать до 5 тысяч воинов, включая офицеров, знаменосцев, сигнальщиков и 300 всадников. Лишь к рубежу II–I вв. до н. э. состав римского легиона стабилизируется до оптимальных 4500 бойцов: 4200 человек пехоты и 10 отрядов (турм) конницы, по 30 (33) всадников в каждом (всего 300–330 всадников). Римская армия эпохи войн с Карфагеном была недолговечной: легионы распускали, когда сенат считал, что в них больше нет необходимости. Когда воины снова призывались на службу отечеству, т. е. Республике (*а это было именно так!*), то они, как правило, попадали уже в другие подразделения и к другим командирам. Следовательно, каждая новая римская армия создавалась... заново, а значит, только со временем снова становилась боеспособной. Легионы, сформированные из уже повоевавших бойцов, несомненно, отличались выучкой и дисциплиной, но для слаженности действий *в новом строю* все же требовалось время и тренировки. Так или иначе, но налицо некоторый диссонанс в римской военной машине той поры: рекрутов (*по сути, они действительно ими являлись, поскольку проводили в армии несколько лет подряд!*) раз за разом набирали, муштровали и раз за разом распускали!

До профессиональной армии Рим еще не дорос, но последний шаг в этом направлении был уже не за горами.

Поскольку к началу войн с Карфагеном, т. е. к середине III века до н. э., Рим подчинил себе весь Апеннинский полуостров до долины реки По на севере, то все италийские племена были обязаны служить в римской армии и полностью нести расходы по содержанию снаряжаемых ими отрядов. Рим лишь определял число воинов, необходимое для армии (*например, двойное число конницы и равное римской количество пехоты: на деле это могло выглядеть как пять союзных пехотинцев на четыре римских и три союзных кавалериста на одного римского*). Обычно на один легион полагалось 5 тысяч союзных пехотинцев и 600 либо 900 всадников из числа союзников, что в целом давало около 9–10 тысяч воинов. Во время войны римляне могли потребовать от союзников неограниченное количество воинов. Союзники имели статус вспомогательных отрядов, никогда не составляли отдельного корпуса и всегда сражались на флангах римского войска. Командовали ими только римляне.

В случае крайней опасности Рим мог выставить почти миллионную армию – около 800 тысяч бойцов, однако только треть из них приходилась на римских граждан.

...**Между прочим**, в начале Республиканского периода в истории Рима его вооруженные силы обычно состояли из четырех римских и такого же количества вспомогательных (*союзных*) легионов; каждый консул, а их было два, командовал четырьмя (2+2) легионами. В среднем такая армия насчитывала до 20 тысяч бойцов. Если армии объединялись, консулы, по строго заведенному обычаю (*дабы в руках одного из них не сосредоточивалась большая власть*), командовали поочередно: либо через день, либо каждые два... часа?! Если первый вариант более или менее понятен, то второй вызывает немало вопросов. Именно эта очередность полководцев-консулов в командовании армией вкупе с их частой сменой –

срок правления консула, а значит, и руководства армией ограничивался всего одним годом – были одним из самых серьезных недостатков римской армии. Для выработки единой стратегии в длительной войне с опасным врагом требовался один полководец. Но к моменту встречи с Карфагеном римляне до долговременного единоначалия еще «не доросли». Всему – свое время...

Большинство военных держав Древнего мира не имело тогда таких больших армий, как римляне, а потому не могли, к примеру, вести продолжительные войны из-за риска оказаться в окружении превосходящих сил противника, которые он успел бы сформировать и вооружить. Римляне, используя воинов всей Италии, могли одновременно воевать с несколькими армиями. Вместе с их целеустремленностью и упорством это давало римлянам возможность вести войну так долго, как этого требовали обстоятельства.

Пехота подразделялась на *легкую* – велитов, *среднюю* – гастатов с принципами и *тяжелую* – триариев.

Одетые в медвежьи или волчьи шкуры велиты, или «быстрые» (*обычно ими были наименее обученные молодые новобранцы в возрасте от 17 до 25 лет*), обходились не только без доспехов, но и шлемов, укрывая голову шапками из меха указанных хищников. У них имелся меч, 6 легких метровых дротиков с ремнем для метания, лук со стрелами, праща и небольшой (порядка 90 см в диаметре) легкий и круглый деревянный щит.

Гастатами (*копейщиками*) становились более опытные, но тоже молодые 25—30-летние воины. Они были вооружены двумя полутора-двухметровыми пилумами – тяжелыми (до 4 кг весом) дротиками (копьями) из длинного (0,5–1 м) и тонкого железного прута с закаленным зазубренным наконечником, насаженного на древко. Чем-то они были похожи на... гарпун китобоя. Сегодня не исключается, что пилум мог быть заимствован римлянами у самнитов либо этрусков.

...**Кстати**, главным наступательным оружием римской пехоты поначалу было длинное (до 3,5 м) тяжелое копьё с широким наконечником и небольшим острием с противоположной стороны – гаста. Полулегендарный реформатор Камилл оставил длинное копьё только триариям, а воинов первых двух линий – римский легион строился в три линии – снабдил двумя пилумами – дротиками из прочной тяжелой породы дерева с острым металлическим наконечником. (*Вполне возможно, что один из пилумов был существенно легче, чем второй. Не исключено, что это делалось для того, чтобы его было удобнее держать вместе со щитом.*) Перед тем как вступить в ближний бой, гастаты и принципы первых двух линий метали во врага пилум. Начинали, скорее всего, с более легкого. Случалось, легионеры оставляли второй (*более тяжелый*) пилум при себе и действовали им как копьем. Порой длинным металлическим наконечником пилума отражали удары вражеского меча. Иногда задние шеренги бросали пилумы через головы своих соратников уже в разгар боя, когда ввязавшийся в ближнюю схватку враг не ожидал смертоносного залпа и нес серьезные потери. Этот снаряд считался не только римским (?) ноу-хау, но и отличался большой эффективностью. Пробив щит (*обтянутый кожей, дубовый щит от 13 до 25 мм, пилум пронзал насквозь*), он искривлялся под собственным весом, делая щит негодным для употребления. *Во-первых*, чрезвычайно длинная железная часть пилума, как известно, достигавшая от 0,5 до 1 м (*при общей длине снаряда от полутора до двух метров*), не позволяла перерубать его мечом. *Во-вторых*, до древка пилума меч противника не мог достать. *В-третьих*, зазубренный наконечник не позволял его выдернуть. Щит с вонзившимся и

загнувшимся пилумом (*обычно их было несколько!*) неприятельские воины вынуждены были бросать, оставаясь без защиты перед атакой сомкнутого строя легионеров. Таким образом, с самого начала римские легионеры получали преимущество над противником в решавшем исход сражения рукопашном бою, где они предпочитали действовать короткими мечами. Не исключено, что именно поэтому пилум был самым смертоносным среди когда-либо существовавших дротиков. Бросок пилума легионеры обычно сопровождали своим ставшим со времен войн с Карфагеном знаменитым громовым кличем «баррит» – криком, подражавшим реву разъяренных боевых слонов. Со временем тяжелый пилум станет короче, а легкий – длиннее, а в I веке до н. э. они и вовсе сравняются в длине. Позднее, уже к концу I века до н. э., они укоротятся настолько, что ради сохранения пробивной способности их станут утяжелять бронзой. Но только на закате Римской империи легендарный пилум выйдет из употребления: его вытеснит сколь короткий, столь и тяжелый (наполненный свинцом) дротик-«плюмбата», превосходящий все остальные метательные снаряды по дальностью. Особые свойства пилума позволяют некоторым историкам предполагать, что римляне уделяли очень большое внимание подготовке легионера к бою с применением именно метательного оружия! В то же время эта гипотеза вызывает некоторые сомнения, поскольку пилумы изначально делались как «одноразовое» оружие. Скорее всего, «удельный вес» этого вида оружия в общем ходе сражения был весьма высок, но не решающим...

Метнув пилум во вражеский щит, в котором он благополучно застревал, гастаты получали почти беззащитного противника. Тогда они вытаскивали короткий меч и, прикрывшись сами щитами, с криком кидались в ближний бой.

...**Между прочим**, многие исследователи полагают, что наряду с пилумом меч – не даром он был эмблемой Рима – был любимым видом оружия римлян! Считавшийся лучшим в Европе, универсальный «гладиус» – 60—70-сантиметровый прекрасно сбалансированный широкий (4–5,5 см) обоюдоострый и заостренный на конце меч из закаленной стали был годен как для рубки, так и для уколов. Это было наиболее удобно для римской пехоты, предпочитавшей ближний бой. Правда, римляне позаимствуют его у иберийских кельтиберов, отчасти усовершенствовав, лишь во время своей Второй войны с Карфагеном, т. е. уже в конце III в. до н. э. Искусство боя на мечах они довели до совершенства и считались лучшими поединщиками в этом виде оружия среди народов Средиземноморья. Легионеров обучали вступать в бой с противником, находящимся справа, а не перед ним. Дело в том, что воин противника, атакуя соперника, обычно поднимал свой меч высоко над головой для мощного рубящего удара и, опуская его, делал выпад вперед правой частью корпуса. В этот момент щит, который он держал в левой руке, оказывался бесполезным. Обученный атаковать противника, находящегося справа от него, римский легионер успевал сразить того, поскольку тот поднимал свой меч против воина, стоящего прямо напротив него. Кроме того, предпочтение отдавалось колющему, а не столь распространенному среди народов ойкумены той поры рубящему удару, поскольку один точный колющий удар в живот, бок или грудь разил противника быстрее, чем многочисленные порезы. Рубящим ударом римляне стремились подрезать противнику сухожилия ног, чтобы свалить

его на землю. Такие мечи лучше всего подходили для ближнего рукопашного боя, тем более в тесно сомкнутом пешем строю. Рядовые легионеры носили свои короткие мечи на дважды охватывавшем поясицу боевом поясе типа портупей (реже на перевязи через левое плечо) с правой стороны, а слева у них висел небольшой, но широкий кинжал – «паразониум». Расположение короткого меча справа позволяло легионеру доставать меч, не раскрывая себя, не отводя щит в сторону, причем даже в гуще схватки, будучи стиснутым со всех сторон. Только военачальники, у которых не было щита, носили меч слева...

Защитой гастатам служили: большие, выгнутые, овальные щиты; кожаные безрукавки ниже бедер; металлическая поножь на не прикрытой щитом правой ноге (*либо их не было вовсе и они могли быть привилегией лишь командиров-центурионов и тогда надевались на обе ноги?!*); наручи (*по крайней мере – на правом предплечье*); различные металлические (*чаще – железные, реже – бронзовые*) шлемы с козырьком, закрывавшим шею и большими (*от ушей до рта*) подвижными нащечниками для защиты скул. Шлемы украшались гребнем из конского волоса, что издали делало их похожими на конские табуны, либо тремя длинными перьями черного и красного цветов, для того чтобы воины казались выше, чем они есть.

...**Между прочим**, главной защитой средне- и тяжеловооруженным римским солдатам служил большой (100–130 x 60–80 см) деревянный щит, или «скутум», из двух склеенных бычьим клеем дубовых досок. Очевидно, он был заимствован римлянами у самнитов, с которыми они на ранней стадии своей истории много воевали за господство на Апеннинском полуострове. Сильно выгнутый, овальный, усиленный по краям металлом, он снабжался умбоном (*железной выпуклой веретенообразной «шишкой»*) посередине для отражения самых сильных ударов. Над умбоном располагалась эмблема легиона, либо написанная краской, либо сделанная из металла. На марше и в лагере на щит надевался чехол. Несмотря на величину, он был весьма легким (*от 7,5 до 10 кг*), поскольку на дощатый каркас с обеих сторон натягивалось лишь несколько слоев толстой бычьей кожи либо холста. Щит был очень эффективен в рукопашной схватке именно в строю, а не в одиночном бою. Прикрывая большую часть туловища, он позволял достаточно свободно двигаться руке с коротким мечом. Но свою знаменитую прямоугольную полуцилиндрическую форму (*столь часто встречаемую в крупномасштабных исторических блокбастерах Голливуда – от «Гладиатора» и до «Центуриона» и «Орла девятого легиона»!*), позволявшую прикрывать легионера от головы до ступней, что было так необходимо в столь присущем римлянам коллективном ближнем бою, «скутум» получит только, когда Рим станет империей...

Костяк римской пехоты составляли принципы (*лучшие или главные*) – зрелые, опытные солдаты лучшего для войны 30-летнего возраста. Именно у них чаще всего встречались: предложенный все тем же полубогатырем реформатором Камиллом доспех из скрепленных кожаными ремнями металлических секций либо нагрудник в виде прямоугольников из толстой, сложенной в несколько раз кожи, усиленный металлическими ребрами; либо простая медная нагрудная пластина (20 x 20 см), скрепленная толстыми кожаными ремнями с такой же пластиной на спине, причем те же ремни одновременно предохраняли плечи. Для защиты бедер с пояса свисали обшитые металлом толстые полоски кожи. Лишь офи-

церы могли себе позволить дорогие «анатомические» доспехи, стоившие в ту пору в Италии огромных денег.

...**Между прочим**, легендарная римская «лорика», так хорошо известная нам по вышеперечисленным высокобюджетным голливудским историческим боевикам, появилась значительно позже, лишь в конце I в. н. э. Она представляла собой куртку из кожи или парусины, на которую надевалась/прикреплялась сегментированная кираса из гнутых полированных железных пластин, скрепленных друг с другом с помощью крючков, пряжек и ремней. Она закрывала легионера до бедер. Ниже нее и до подола туники (нижней рубахи) свисал небольшой передник из кожаных полос, усеянных металлическими бляшками. Вероятно, это был наиболее оптимальный защитный доспех в римской армии. Гибкие и надежные лорики закрывали только плечи и верхнюю часть тела, но они весили намного меньше, чем сплошная кольчуга и были более пригодны для массового производства. То же самое касается шлемов голливудских «легионеров»: защитная пластина, закрывающая шею сзади, появилась лишь в середине I в. до н. э. Впрочем, нельзя требовать от кинематографистов хронологического соблюдения исторического костюма тех или иных времен, если это, конечно, не документальное кино...

Закрывая тему римского «обмундирования», скажем, что на ногах у всех легионеров были «калиги» – кожаные сапоги на двухсантиметровой подметке, подбитые сапожными гвоздями, с отверстиями, оставлявшими пальцы ног открытыми. Они носили шерстяные рубашки без рукавов и иногда обматывали бедра и ноги полосами шерстяной ткани. Когда наступали холода, солдаты надевали теплый и тяжелый плащ, а «калиги» утепляли тканью и мехом.

В третьей линии боевого порядка (*отсюда их название триарии или третьи*) стояли испытанные бойцы-ветераны от 40 до 45 лет, чья воинская сноровка уже была не той, что раньше, но они еще были способны на многое, в частности, стоять насмерть! Облачались они в такие же как у принципов, шлемы и доспехи, среди которых встречалась и дорогая кольчужная безрукавка. Кольчуги, несмотря на их дороговизну, высоко котировались среди легионеров, поскольку они не сковывали движений, гарантировали неуязвимость при рубяще-режущих ударах мечом либо кинжалом, неплохо защищали от колющих снарядов (стрелы и дротики) и были не столь эффективны лишь против таранных ударов тяжелых копий. Считается, что триарии бились более длинными, чем у гастатов и принципов, мечами и длинными тяжелыми копьями – гастами, пригодными только для ближнего боя. Занимая оборону, они становились на одно колено, выставляли перед собой большие щиты и длинные копья, втыкая их тыльным концом в землю.

Конница была наиболее слабым звеном в римской армии. К тому же в ней обычно «служили» союзники из италийских племен. Кавалеристы Рима имели длинные копья (*в бою их держали наперевес, зажав под мышкой*) и более длинные (до 80 см) и плоские, чем у пеших легионеров, мечи-спаты, круглые (овальные) деревянные щиты, обтянутые кожей с металлическим умбоном посередине, похожие на пехотные шлемы с волосяным гребнем, льняные панцири. Стремена римлянам еще были не известны, седла были примитивные, мягкие, лошади – плохой породы, да и наездниками они были слабыми. Поэтому в отличие от превосходной конницы пунов она, доезжая до поля боя, предпочитала спешиваться и, прикрываясь удобным в ближнем бою овальным щитом, сражаться с вражеской пехотой мечом. Как кавалерия, она плохо взаимодействовала со своей пехотой.

В заметно лучшую сторону ситуация в римской кавалерии изменится лишь после целого ряда унижительных поражений от превосходной конницы Ганнибала, когда она начнет комплектоваться прирожденными кавалеристами – наемниками из варварских племен.

Таким образом, основной ударной силой армии Рима всегда была его пехота, славившаяся эффективным сочетанием энергии метательного оружия, шока ближнего боя на мечях и надежными резервами. Даже знаменитый карфагенский полководец Ганнибал вынужден будет отдать должное боевой выучке римских пехотинцев и уже в ходе развязанной им войны в Италии вооружит свою пехоту по римскому образцу и подобию.

Принято считать, что после реформ Камилла римская армия стала состоять из легионов, делившихся на более мелкие маневренные единицы – на 45 компактных и маневренных манипул (*по-латински – пучок сена, который привязывали к древку копья для обозначения места сбора личного состава*). Со временем – во II в. до н. э. – количество манипул сократится до 30, а численность их состава возрастет. Каждая манипула (*своего рода современная рота*) имела свой номер и насчитывала до 120 гастатов (*либо принципов*) + 40 велитов (*они располагались поровну между всеми манипулами*) и включала 2 центурии (*некое подобие современного взвода*) по 60 воинов (*позднее – 80*), которые перед боем располагались одна за другой. Всего центурий было 80 (*позднее – 60*). Только манипула триариев состояла из одной центурии в 60 бойцов. Самым мелким боевым отрядом была декария (*по-латински – десять*) из 10–15 бойцов во главе с декурионом (*десятником*). Командир первой центурии (центурион) был одновременно и командиром манипулы. Помощником центуриона был *оптий*. Ему помогал *тессерарий* (дежурный сержант). Помимо них в состав центурии входил трубач и сигнальщик, указывавший направление движения.

... **Кстати сказать**, полководец лично назначал командиров центурий – центурионов из простых, но храбрых и опытных воинов. Не раз они выручали римское войско в трудную минуту. Интересно, что от них требовалось не столько геройство в атаке, сколько умение руководить своими бойцами в ходе боя, как бы он ни складывался, в частности, стоять на месте до последнего, т. е. стойкость и твердость характера. Военачальники знали своих центурионов в лицо и по имени. Внешне от рядовых легионеров они отличались красным плащом, поножами на обеих ногах, шлемами с расположенным поперек гребнем – у рядовых солдат он шел вдоль – (*со временем их шлемы посеребрят*), металлической гроздьёю винограда на доспехах и виноградной лозой (розгой) или дубинкой в руках для немедленного наказания виновных. Старший центурион первой манипулы триариев (примипил) считался старшим из центурионов и входил в состав военного совета легиона. Должность примипила была вершиной в служебной карьере центуриона, для достижения которой требовалось последовательно пройти все предшествующие ступени, начиная с центуриона 10-й манипулы гастатов, на что могло уйти до... 30 лет!!!

Обычно консульская римская армия из 4 (*2 римских + 2 союзнических*) легионов по фронту занимала позицию в 2,5 км, прикрывшись с флангов кавалерией. Плотность построения манипулы по фронту могла варьироваться в зависимости от протяженности фронта, особенностей противника и т. п. Минимальной, создававшей достаточную глубину строя, в эпоху войн с Карфагеном считались 5 человек в шеренге. (*Позднее, когда численность манипул возрастет, она сократится до 3 бойцов.*) Оптимальным могло быть построение

в 10 шеренг по 12 человек. На правом фланге вставали центурионы, их помощники и один знаменосец.

Не менее важным было и то, что легион расчленялся и по фронту, и в глубину, строясь в три линии по манипулам. Интервал между манипулами был равен протяженности их фронта – в среднем от 8 до 20 м. В первой линии располагались гастаты, за ними в 90—100 м следовали манипулы принципов, замыкали построение на чуть большей дистанции опытейшие триарии. Минимальной дистанцией считались 15–25 м. Манипулы разных линий могли стоять в шахматном порядке либо затылок в затылок. В случае необходимости манипулы второй линии входили в промежутки между манипулами первой линии и составляли непрерывный фронт, либо это происходило, когда смыкались сами гастаты. Манипулы третьей линии в этом случае составляли резерв. Реже легион строился в две линии. Отдельные легионы в сражении стояли на небольшом расстоянии друг от друга.

Перед строем легиона действовала рассыпная цепь легковооруженных велитов, численностью в 1000–1200 человек. *(Со временем их сменяют прекрасно подготовленные наемные стрелки-профессионалы: баlearские пращники и критские лучники.)* Они завязывали бой, затем отходили после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Велиты также несли охрану легиона, и под их прикрытием римские манипулы занимали наиболее удобные позиции на поле боя. Затем двигавшийся вперед под прикрытием щитов строй из 1200 гастатов с расстояния 10–15 м *(либо в зависимости от ситуации это происходило раньше – с 30 м; тогда в ход шли более легкие пилумы)* залпом метал в неприятеля множество дротиков-пилумов. В этот момент каждый ряд гастатов отстоял друг от друга на столько, чтобы оставалось место для метания пилумов. Ряды смыкались, как только пилумы были брошены. После того как передние шеренги расходовали свой боезапас, только тогда задние начинали метать свои дротики поверх их голов. Массированному обстрелу дротиками придавалось большое значение. Пронзив тяжелыми пилумами щит противника, гастаты лишали его возможности обороняться им и, бросаясь на него с мечами, переходили к рукопашной схватке. *(Получалось нечто подобное штыковой атаке после залпового ружейного огня.)* Уже в этой атаке должно было сказываться преимущество римского боевого порядка: предварительное метание дротиков с быстрым переходом к рукопашной схватке, в которой у римлян было превосходство за счет отлично обученных фехтовальщиков на мечах. Если все же эта атака не приносила успеха, гастаты через интервалы в манипулах второй линии отходили поочередно в тыл и их сменяли 1200 более опытных принципов либо принципы вступали в интервалы первой линии, создавая таким образом сплошной фронт. Только в крайнем случае в бой вводился последний резерв – 600 триариев. У римлян даже существовала поговорка: *inde rem ad triarios redisse*, или «дело дошло до триариев», означавшая, что дело доведено до крайности.

Но обычно исход боя решался двумя первыми линиями, поскольку триарии при всей своей многоопытности все же были людьми весьма возрастными и на равных соперничать с воинами в полном расцвете сил долго вряд ли могли, тем более что их численность была сравнительно небольшой.

...**Между прочим**, принято считать, что если в греко-македонской фаланге все зависело от *выносливости и слаженности единовременного напора оцетинившейся громадными копьями огромной массы людей*, то в римских манипулах, где проявлялась индивидуальная подготовка отдельных рядовых легионеров, все определялось *способностью убивать врага в атаке*. И все же в столкновении с монолитной греко-македонской фалангой на ровном месте, когда каждому легионеру приходилось противостоять десяткам нацеленных ему в грудь либо в лицо громадных копий-сарисс, имея лишь один меч, после того как он метнул свои пилумы,

римлянам было очень трудно прорваться сквозь частокол копий, чтобы сразиться с фалангитами в рукопашном бою. Следовало обязательно выманить фалангу на пересеченную местность, где ее плотно сомкнутые ряды неминуемо расстроятся, появятся бреши и мобильные римские манипулы или отдельные легионеры смогут в них просочиться и навязать противнику столь нежелательный для него рукопашный бой со множеством отдельных схваток, а не одним общим столкновением. Атакуемые с разных сторон фалангиты вынуждены будут поворачивать свои громадные копья; трудно управляемые из-за их длины и веса, они начнут застревать в беспорядочной массе и монолит фаланги нарушится. В поединке один на один с македонским фалангитом у римского легионера будет неоспоримое преимущество отлично подготовленного поединщика. Бросив бесполезную в ближнем бою сариссу, фалангиту придется защищаться с помощью короткого меча либо кинжала и небольшого плетеного либо кожаного щита против хорошо тренированного фехтовальщика с более длинным мечом, прикрывавшегося большим прочным щитом. Исход такого боя был легко предсказуем. Впрочем, не все современные историки согласны с таким резюме эффективности фалангита и легионера...

Казалось, все было гениально просто: непосредственные участники боя, поддержка и резерв. При этом на протяжении всего боя 2/3 легионеров находились вне зоны досягаемости противника.

Поскольку тогда сражения проходили как поединки отдельных воинов, то основное бремя борьбы ложилось на передний ряд. Общеизвестно, что воины, бившиеся в ближнем бою (в первом ряду), могут эффективно сражаться от 10 до 15 минут, далее для максимально долгого поддержания их в боевом состоянии им надо давать временную передышку. Кроме того, потери в первом ряду всегда были очень велики, поскольку возможности римских легионеров, несмотря на их большую выносливость и высокое боевое искусство, были все-таки ограничены.

Поэтому очень многое зависело от быстроты и четкости, с которой производилась замена убитых и раненых бойцов свежими силами из подкрепления. Легионеров муштровали до тех пор, пока они не приучались выполнять все приказы автоматически. Даже внутри манипул и центурий людей передвигали, как марионеток на фиксированные позиции.

Римский строй очень трудно было прорвать: он без сложной перестройки позволял каждому солдату отдельно или вместе с товарищами повернуть фронт в любом направлении: манипулы, ближайšie к опасному месту, поворачивались к нему одним заученным движением. Линейная взаимозаменяемость давала римлянам еще одно весьма важное преимущество перед противником. Как правило, когда в большинстве армий той поры передний строй терпел поражение, то начиналось... бегство. У римского легиона была возможность с помощью замены линий попытаться избежать этого.

Долгое время среди историков было принято считать, что именно такая организация боя вкупе с шахматным построением римской пехоты и делали ее очень подвижной и маневренной. Именно они позволяли ей сражаться практически на любой местности, не опасаясь потерять строй и не испытывая необходимости непрерывно следить за появлением просветов в линии – просветы были предусмотрены. Именно они позволяли повторять атаку последующими линиями, одна вслед за другой, в зависимости от необходимости. При этом манипулы первой линии стремились вклиниться во вражеский строй, разорвать его, после чего туда устремлялись свежие манипулы второй линии. Третья линия манипул играла роль тактического резерва. Она вводилась в сражение только в критический момент: либо при-

крывая отход и перестроение потрепанных боем первых двух линий, либо нанося решающий, победный удар.

В то же время современные пытливые исследователи военного наследия Рима не без оснований подвергают сомнению действительную эффективность, безусловно, красивого шахматного строя римлян.

Во-первых, при движении по пересеченной местности сохранять его правильность не менее трудно, чем монолитность македонской фаланги.

Во-вторых, его использование в ближнем бою явно было непростым делом. Промежутки между манипулами позволяли вражеским войскам вклиниваться в них. Выходит, что в римском строю оказывалось сразу множество... правых флангов, между прочим, самых уязвимых в пехотном строю – щит-то держался в левой руке, оставляя правый бок легионера открытым. Предположение, что манипулы второго ряда успеют из глубины ударить по вклинившемуся в промежутки первого ряда врагу, весьма сомнительно. *Прежде чем они придут на помощь сражающимся отрядам, стоящим впереди, те все же уже понесут потери от удара сбоку!*

Именно поэтому не исключено, что *шахматное построение при сближении с противником изменялось!*

Когда враг оказывался на расстоянии броска пилума, легковооруженные застрельщики, израсходовав свои метательные снаряды (стрелы, дротики, камни и т. п.), отходили за строй первой линии легиона через имеющиеся проходы. Сразу после этого вторые центурии каждого манипула первой линии сдвигались влево и выходили вперед, заполняя промежутки, и на врага уже двигалась единая линия (*или интервалы в ней были очень незначительны?!*), готовая вступить в рукопашную в сомкнутом строю. Противник, уже расстроенный «огнем» застрельщиков, получал пару залпов пилумами, после чего римляне кидались в атаку, гася наступательный порыв неприятеля, толкая его своими большими щитами и не давая ему пустить в ход свои копья, навязывали ему ближний бой на мечах, в котором они были большими мастерами. Если сломить противника не удавалось, то гастаты первой линии по команде быстро отходили назад в тыл принципам через промежутки между их манипулами, и *те действовали точно так же, как гастаты первой линии.*

Следует отметить, именно этот маневр со сменой сражающихся линий мог быть для римлян одним из самых опасных моментов сражения.

Вполне возможно, что гастаты не всегда могли оторваться от сражающегося противника все разом и одновременно либо им приходилось отходить, преследуемыми наседавшим врагом. *Вот тут-то и таилась главная опасность оказаться вовлеченными во всеобщую сечу, где уже было не до классически правильных маневров, а каждый резался не на жизнь, а на смерть.* Скорее всего, именно поэтому по второй линии стояли воины в расцвете сил, чей опыт и мастерство оказывались крайне необходимы для боя правильным фронтом. В крайнем случае, в дело вступали триарии из третьей линии манипул. Не исключено, что эти матерые ветераны бились уже в плотном фаланговом строю, возможно, давая тем самым расстроенным гастатам и принципам прийти в себя, перегруппироваться и быть готовыми снова пойти в бой. Но, так или иначе, ввод в бой триариев означал, что «дела были плохи», если «дело дошло до триариев»!

Некоторые исследователи склонны считать, что еще одним преимуществом римского боевого построения отдельными манипулами могла быть смена не только подразделениями или отдельными бойцами, но через определенные промежутки времени по команде весь первый ряд мог меняться со вторым, затем второй с третьим и так до тех пор, пока на передовую не возвращались отдохнувшие и перегруппировавшиеся бойцы первого ряда.

В то же время критически настроенные историки полагают, что подобная ротация вряд ли была доступна в ходе особо ожесточенных сражений, когда любая заминка грозила

катастрофой, тем более в ходе рукопашной, когда передовая линия римской армии принимала участие в кровавом месиве.

Так или иначе, получается, что *шахматный строй римлян в первую очередь вроде бы был связан с их желанием быть максимально мобильными именно при фронтальном столкновении, а также как можно дольше держать наготове свежие отряды.* Первый успех той или иной стороны не всегда был залогом окончательной победы. Не исключается, что римский строй подобно пружине смягчал натиск врага, выматывал его и отбрасывал назад.

Впрочем, любые теоретические раскладки хороши лишь на бумаге и в тиши кабинета, а на поле боя, где действует самый доходчивый принцип всех времен и народов: «убей его или он убьет тебя», все могло проходить отнюдь не так гладко, как это могло выглядеть на строевых учениях.

...Между прочим, принято считать, что римский легион был особенно хорош именно в атаке, а не в обороне, когда он вынужден был выстраиваться в каре или в круг. По сути дела, без кавалерийского прикрытия и мощного отряда дальнобойных лучников он не мог ничего противопоставить массированному обстрелу вражеских метательных снарядов (длина броска пилума была значительно меньше полета стрелы!), кроме попыток активными вылазками отогнать врага на безопасное для себя расстояние. Но если враг помимо дальнобойного оружия отличался еще и маневренностью, предпочитал рассыпной строй и на каждый натиск тяжеловооруженных легионеров отвечал... отступлением, то у римских легионов возникали серьезные проблемы. Порой это приводило к печальным последствиям для римских легионов, как это, в частности, случилось с легионами Красса в битве с маневренной парфянской кавалерией при Каррах в 53 г. до н. э., но гораздо чаще они все же одерживали верх, сумев навязать свою, наступательную манеру боя...

К моменту первой встречи с наемниками Карфагена римский легион все еще был способен лишь на фронтальное сражение. До маневрирования резервами и задними линиями на случай обхода легиона с тыла римские полководцы еще не дошли. Впервые это случится уже в ходе войн Рима с гениальным тактиком Ганнибалом, когда тому будет противостоять Публий Корнелий Сципион-Младший (*или, как его прозвали благодарные соплеменники, Африканский*), чьи заслуги в развитии полководческого искусства незаслуженно остались в тени его великого врага.

...Между прочим, сила римской армии была не только в исключительной гибкости ее манипулярно-центурийного строя, но и в... приспособляемости! По ходу войн, которые римлянам приходилось вести, они быстро перенимали сильные черты армий противника (сначала это были галлы и самниты, потом – пуны и германцы, затем – парфяне) и безошибочно меняли тактику в зависимости от тех условий, в которых шла та или иная война...

Большую роль в римской армии играли «инженерные» войска. Примечательно, что они вместе с кузнецами и другими ремесленниками шли на марше бок о бок с легионерами. Они так же сражались наравне с другими, пока не возникала острая необходимость в их специфических услугах. Именно они руководили постройкой военных лагерей, мостов и кораблей. Именно они сооружали стенобитные орудия, катапульты, камне- и огнеметы. Над всеми ними стоял префект (главный инженер) кузнецов и инженеров.

...**Между прочим**, к моменту выхода Рима на авансцену истории ойкумены той поры военная техника, особенно метательное оружие, сильно усовершенствовалась. В середине III в. до н. э. в Египте работал над усовершенствованием «артиллерийских установок» выдающийся механик Ктесибий Александрийский. Письменных трудов от него не осталось, но почти все позднейшие инженеры с почтением упоминали его «новинки» – катапульты со сжатым воздухом или с бронзовой пружиной, но им так и не суждено было войти в арсенал армий той поры. Наибольший вклад в развитие этой военной «отрасли» внес правитель Сиракуз Дионисий, собравший в родном городе лучших инженеров первой половины IV в. до н. э., и в результате методичной работы собранных «под одной крышей» пытливых умов военное дело обогатилось применением целого ряда смертоносных машин. Большой популярностью пользовалось самое первое «артиллерийское орудие» (*так порой почтительно величают его историки!*) – *гастрафет* или «брюшной лук» – металлический лук со специальным желобом, направлявшим полет стрелы, и спусковым крючком, а по сути дела – прототип арбалета. Но гораздо более эффективными оказались метательные машины, источником энергии которых была не упругость их деревянных частей, а скрученные пучки упругих тетив, изготовленных не только из сухожилий животных, но и женских волос, чья мощность и прицельность зависели от оборотов вставленного в них толстого деревянного рычага. Среди подобных машин выделялся большой лук, расположенный на станке, или *оксибел* (*катапульта*), чьи длинные (от 44 до 185 см) и тяжелые (до 1,5 кг) стрелы улетали на 300–400 м, но наибольшей эффективности они достигали все же на меньшем расстоянии – от 75 до 150 м. Модными новинками стали: *палинтон* (*литобол*) – камнемет со специальными приборами для прицеливания, стрелявший свинцовыми ядрами небольшого «калибра» либо металлическими дротиками, насквозь пробивавшими деревянные щиты, обшитые 3-сантиметровым железом; и *полибол*, автоматически заряжавшийся новыми стрелами после каждого выстрела. Среди тяжелых камнеметов первенство держали *баллиста* и *онагр*, чьи «ядра» весом до 70 кг летели на полукилометровую дистанцию, но наибольший коэффициент полезного действия все же был у снарядов меньшего веса – до 3,5 кг. В результате походов на Восток Александра Македонского, где ему приходилось часто осаждать сильно укрепленные города и крепости с высокими и мощными стенами и огромными башнями, а также многочисленных и кровопролитных войн его последователей – диадохов древняя «артиллерия» постоянно совершенствовалась: увеличивалась дистанция, повышалась точность выстрела, а сами орудия становились все больше и больше. «Веревки» (канаты) для скручивания теперь для большей прочности и долговечности делались из тонких металлических стержней. Рама, на которой были натянуты канаты, тоже стала более прочной. Прежде орудия довольно быстро выходили из строя, так как при резком повороте рычагов рамы ломались, поэтому их стали укреплять металлическими пластинами, продлевая так срок службы машин. Были изобретены машины, способные вить канаты большей плотности, которые придавали механизмам орудий большую упругость, а значит, и мощность. И все же следует сразу сказать, что уровень развития «артиллерии» того

времени был более эффективен при стрельбе на короткие дистанции с низкой траекторией, дающей большую точность и силу попадания. Значительно разнообразнее стали и осадные машины: тараны, вороны и огромные подвижные башни или *гелеполы* (в переводе – «берущий города»), чья высота порой доходила до 50 м или 9 этажей, на которых размещались различные метательные машины (чем выше, тем ее «калибр» был меньше). Гелеполы управлялись командой из нескольких сотен людей, которые поворачивали ворот, приводящий в движение восемь массивных колес. Покрытая металлическими пластинами для защиты от огня, с приспособлениями для тушения огня на многочисленных этажах, эта машина, продвигавшаяся к стенам города, представляла устрашающее зрелище для его защитников. С каждого бока башня имела по деревянному коридору, покрытому кожей, которые вели в будки, где солдаты управляли массивными таранами, опиравшимися на вращающиеся цилиндры, закрепленные на полу либо огромными деревянными брусками с заостренными концами, которые применялись как «буравы» для пробивания вражеских стен. Коридоры также вели под навесы, под прикрытием которых солдаты могли засыпать рвы или подкапывать стены. С этой же целью использовались «копательные черепахи», приспособленные для работы вблизи от вражеской стены. По сути дела это была «черепаха для засыпания рвов», только повернутая на 90 градусов, и приставлялась она боком к стене. От черепаш для засыпания рвов она отличалась очень важным нюансом. Вместо наклонного козырька спереди для отражения вражеских снарядов она имела вертикальную стенку, чтобы прижаться вплотную к крепостной стене. Передняя стенка была треугольной, а двускатная крыша делала ее похожей на... простой чердак. Любые снаряды, сбрасываемые со стен, должны были скатываться со скатов, не причиняя вреда. Крыша была или покрыта свежими плетенками и шкурами, или обмазана глиной, смешанной с волосом. Любой из этих способов давал некоторую защиту от огня, а крутые скаты делали ненужным покрытие из подушек для смягчения ударов от бросаемых сверху тяжестей. Машина была специально построена так, чтобы давать возможность людям работать вплотную к стене. Простое устройство, напоминающее колодезный журавль – «толлено», – одинаково использовалось как осаждающими, так и осажденными. Толлено состояло из длинного горизонтального рычага с шарниром посередине, который крепится к верхнему концу вертикально стоящей балки. Когда конец тянут вниз, другой поднимается. Осажденные придумали массу способов, чтобы с его помощью помешать осаждающим в их действиях – они захватывали их машины крючком или ковшом, сбрасывали на них тяжести. Именно вариант толлено Архимед использовал для выдергивания римских кораблей из воды при обороне Сиракуз в 213 г. до н. э. Большого умения в применении требовала *лира* или *арфа* – огромная закрытая осадная лестница. Действуя по принципу «доски-качелей», она позволяла атакующим добираться до вершины стены в более или менее безопасных условиях. Воины укрывались внутри лестницы, под навесом, а управляющие лестницей механики клали на противоположный конец тяжелые камни. Камни служили противовесом, и солдаты, таким образом, поднимались наверх, открывали дверцу и кидались прямо на врага. Целый ряд достоинств (*лестница перекидывалась через ров, и его не надо было форсировать; атакующие «взлетали» на вершину стены*

без потерь; защитники не могли сразу же оттолкнуть ее от своей стены; лестница была закрыта от огненных стрел мокрыми воловьими шкурами и др.) делал «лиру» одной из наиболее опасных осадных машин. Над ее усовершенствованием много работал все тот же Ктесибий из Александрии. Подобные машины размещались и на военно-морских судах, некоторые из которых превращались в настоящие корабли-гиганты, в большей степени символизировавшие военную мощь государства, чем участвовали в морских сражениях. В то же время деревянные механизмы всегда были уязвимы для огня. Прошли века, прежде чем осаждающие научились так расставлять свою «артиллерию» и метателей разнообразных снарядов (лучников, пращников и дротикометателей), чтобы, обеспечив непрерывный «огонь», свести на нет усилия поджигателей...

В целом во времена войн Рима с Карфагеном римские армии были плохо экипированы для серьезных осад с применением разнообразной осадной техники. Римляне не знали иных способов взять укрепленный город, кроме блокады и примитивного штурма пехотой (*зачастую ведущего к большим потерям*). Даже такой изощренный полководец, как Публий Корнелий Сципион-Младший (*Африканский*), в основном ограничивался прямолинейными штурмами с применением лестниц. Порой он сам грозился взобраться на стену по лестнице (*подобно самому великому Александру Македонскому!*), чтобы приободрить свои войска, потерявшие после первой неудачи. Для успеха подобного штурма решающим моментом всегда была высота лестниц.

И все же именно римляне со временем не только освоили, но и настолько усовершенствовали греческую осадную технику, что во многом с ее помощью покорили почти всю тогдашнюю ойкумену. *Именно римская армия позаимствовала из наследия эпохи Александра Македонского и его диадохов больше, чем любая другая. Именно способность органично заимствовать чужие технологии, в конце концов, и сделала ее сильнейшей армией древности.*

Вместо знамен отряды римского войска использовали особые значки, закрепленные на шестах. «Знаменем», а точнее значком всего легиона в эпоху войн с Карфагеном служило изображение медведя, быка или иного тотемного животного. (*Знаменитые «римские орлы» стали значками легионов лишь во времена еще одного знаменитого реформатора римской армии, неукротимого и ужасного Гая Мария – на рубеже II–I веков до н. э.*) Его нес привилегированный манипул, который располагался на правом фланге переднего строя. (*В течение срока службы рекрут переходил из последней манипулы в избранную и, возможно, из командира десятка превращался в центуриона.*) Первоначально значком манипулы был пучок сена на шесте, который сменило отлитое из бронзы изображение ладони (знак присяги и власти). Применялись и другие знаки отличия в виде узоров на щитах: молнии, венки, цветы и звезды.

...**Кстати**, развивалась и техника связи, в частности военной сигнализации. Днем сигналы в основном передавались при помощи дыма от костров, а ночью – огнем. Известен был и факельный телеграф, а также голубиная почта. Изобретались способы консервирования продуктов питания...

На марше легионер обязан был нести на левом плече крестообразный шест, на котором была связка с пайком на три дня (зерно и другая пища), бронзовыми котелком и кружкой либо ковшиком, пилой, плетеной корзиной для переноски земли при возведении лагеря, ручной мельницей, топором, серпом, киркомотыгой, дернорезом и саперной лопаткой (*в крайнем случае, служившей универсальным остро заточенным оружием ближнего боя!*). Возможен

был и другой инструмент для постройки лагеря, а также и несколько (2–3) связанных между собой кольев для забора-палисада ночного лагеря. За спиной мог висеть шерстяной плащ (*он же мог служить одеялом*), постельные принадлежности в скатке с валиком, который клали под голову во время сна, и кожаный ранец с личными вещами, но трофеи полагалось перевозить в обозе на вьючных животных. Общий вес ноши рядового легионера мог достигать 30–35 кг, но не более того, чтобы легион не потерял в мобильности передвижения. Обычно войны распределяли груз между собой – один нес лопату и киркомотыгу, а другой – серп и дернорез и т. д. Как только завершался переход, солдат сам молотил неразмолотое зерно пшеницы в муку и пек грубый хлеб на горячих камнях либо на углях. На варение на биваках похлебки (*2 литра воды, полкило пшеничной муки, 50 г порезанного кубиками шпината, 100 г такой же говядины, молотого черного перца и растертого зубчика чеснока*) у рядового легионера уходило порядка 45 мин.

...**Между прочим**, обычно продовольствие раздавалось легионерам во время стоянок, когда весь легион выстраивался в боевой порядок и по переключке каждый воин получал причитающийся ему паек. Дневной рацион римского легионера состоял из 850 г пшеничного зерна, 50 г фасоли, 30 г сыра, 40 г оливкового масла, 30 г соли и 20 г сухофруктов. Всего – 1020 г. Поскольку основу рациона во время войны составляли зернопродукты, а не мясо, то римляне не вели с собой стада домашних животных. Впрочем, они естественно «не брезговали» свининой, бараниной и говядиной, а также сыром. Весьма популярны были различные свежие овощи, в том числе чечевица, бобы, редис, капуста и чеснок, также различные орехи. В целом рядовые легионеры питались лучше, чем рядовые римляне...

Чаще всего пропитание добывалось у племен и народов, населявших завоеванную территорию. Чем дальше будут римские легионы уходить от Апеннинского полуострова и чем шире становилась римская территория, тем разнообразнее будет их рацион.

...**Кстати**, историки полагают, что во все времена римские легионы сопровождали маркитанты, у которых по сходной цене можно было добыть все что угодно, в том числе, «сладкое» любого цвета, возраста и телосложения. Порой отдельные полководцы пытались бороться с этой естественной тягой воинов к разнообразию в своем солдатском «рационе», но без особых успехов, или им это удавалось лишь на краткий срок. В основном *Отцы Солдат* мудро закрывали глаза на эти мужские слабости своих вояк, взамен сурово требуя от них на марше и на поле боя беспрекословного повиновения и отваги! В общем – *jedem das seine*¹ или, если кому-то это не по вкусу, то – *a la guerre comme a la guerre*²...

Окончательно весь личный шанцевый инструмент и необходимый набор бытовых предметов римского легионера в походе сложится много позже описываемой эпохи – во времена Гая Мария, т. е. на рубеже II–I вв. до н. э.

...**Кстати**, несмотря на то, что римские легионеры в походе выглядели подобно навьюченным «мулам», без вещевых обозов им тоже было не обойтись. Для последних требовалось немалое количество тягловых животных: быков, лошадей, мулов и ослов. Два последних были самыми популярными «транспортными животными»: мул был дороже, но он и

---

¹ Каждому свое (*нем.*)

² На войне как на войне (*фр.*)

нес вдвое больше груза и шел без отдыха тоже вдвое дольше – по 10–12 часов! Во времена Второй Пунической войны на один легион только мулов приходилось порядка 1400, т. е. на 8—10 воинов по два мула. Это количество мулов могло переносить до 175 тонн грузов. Из-за повреждения ног ежедневно какая-то часть обозных животных выходила из строя. Проблема запасных животных существовала во все времена. Всем тягловым животным в свою очередь требовался фураж – грубый (сено и солома) и концентрированный (зерно – ячмень и овес). Транспортировать его с собой в больших количествах не представлялось возможным. Именно поэтому много времени уделялось планированию маршрута передвижения армии, которая кормилась «из-под копыт». При этом фуражировка обычно была делом отнюдь не безопасным. К тому же она занимала немало времени, что существенно сказывалось на скорости движения армии. В результате в стратегию походов «закладывалась» информация, «где и как» прокормить войско со всеми его «инфраструктурами». Планирование походов на большие расстояния было большим искусством...

Именно о римлянах говорили, что киркой и лопатой они добились не меньше, чем мечом и копьем (*имеется в виду пилум*), так как они были величайшими строителями укреплений Средиземноморья той поры. Важнейшей установкой римской военной жизни была безопасность bivака, в том числе спокойствие ночного отдыха. Где бы (*на вражеской или дружественной территории!*) и на какой срок (*даже если всего на одну ночь либо несколько часов!*) ни останавливался легион после дневного перехода, он тут же начинал «окапываться»!

Строился защищенный глубоким (*от 1 до 3 м*) и широким (*от 1,5 до 4 м*) рвом, земля из которого шла на вал, и высоким частоколом (*либо стеной из мощных бревен*) большой квадратный (*со стороны ок. 800 м*) или прямоугольный (*с закругленными для облегчения обороны углами*) лагерь с круглосуточной охраной часовыми. Без его возведения римляне не вступали в бой.

Поскольку солдатский переход у римлян обычно начинался еще до восхода солнца, то своим установленным размеренным маршевым темпом (*100 шагов в минуту*), делая привалы для отдыха, легионеры добивались до «расчетного» (установленного) места будущего лагеря уже к полудню, т. е. у римлян оставалась половина светового дня для всех лагерных работ. Начиналось все с того, что определяли, где должна стоять палатка консула. Именно от этого места, называемого «преторий», производилась общая разметка. К ужину они уже заканчивались: каждый легионер четко знал круг своих обязанностей, в исполнении которых благодаря постоянной практике здорово поднаторел. (*Хотя по армейскому нормативу на все обустройство лагеря отводилось до 4 часов, но на вражеской территории, когда от трети до половины армии стояло в охране, времени все же уходило больше.*) Еще до выхода легиона в путь специальный отряд «квартирьеров» (*несколько опытных военных трибунов и центурионов*) уходил вперед, который и определял нужное место. Обычно это была возвышенность (*с высоты удобнее стрелять по противнику из лука, пращи или метать дротики; при движении сверху вниз возрастает ударная сила атакующей пехоты*), обязательно рядом с водой и вблизи леса (*необходимость в древесине для обустройства лагеря и дровах*), но не очень густого и не подступавшего вплотную к лагерю, чтобы враг не мог скрытно сосредоточиться и внезапно напасть. Чаще всего лагерь располагали как можно ближе к тому месту, где предполагалось дать сражение.

..**Кстати сказать**, в зависимости от ситуации римский легион мог в обычном режиме перейти в день 18 миль. Форсированный марш

– 25–30 миль! Ну и в форс-мажорных обстоятельствах легион мог «выдать» целых 100 миль! Но после такого рывка вступить в бой «с колес» было крайне трудно: требовался день отдыха. Скажем сразу, что карфагенским армиям такие темпы передвижения «и не снились»! Их тормозили медленно тащившиеся повозки со скарбом и семьями (*особенно этим «страдали» галлы, которые по обычаям отправлялись на войну всей семьей*), тяжеловесные боевые слоны и, конечно, перегоняемые за ними стада «живого мяса»! Поскольку основу походного рациона римского легионера составляло зерно, то римские армии не сопровождали большие стада крупного и мелкого рогатого скота...

На выбранном участке разравнивали поверхность земли и каждое подразделение занимало при строительстве заранее отведенное ему место, где оно складывало свою поклажу, составляло в «козлы» оружие, кроме мечей. (*Главное оружие ближнего боя всегда должно было быть под рукой!*) При этом конница несла дальнейшее внешнее охранение, а часть пехотинцев (одна либо две манипулы) выдвигалась в ближнее охранение, пока основная масса солдат начинала обустройство лагеря.

Вынутая при сооружении рва земля шла на возведение защитного вала. Он должен был быть столь широким, чтобы обороняющимся хватало места отклоняться для замаха и подаваться вперед в момент броска дротика (пилума). Для сохранения формы рва он утрамбовывался и покрывался дерном. Частокол над защитным валом выставлялся такой высоты, чтобы солдатам было удобно метать через него пилумы. Внутренняя сторона вала снабжалась ступенями, чтобы легионеры могли легко и быстро занять свои позиции. Порой ступени заменялись связками хвороста (фашинами).

Со всех четырех сторон в стенах (посередине) имелись ворота, через которые армия могла в короткий срок войти в лагерь либо покинуть его и развернуться в боевой порядок. Воротный проем всегда равнялся ширине строя манипулы. При этом ворота со стороны «претория» были обязательно обращены в сторону предполагаемого нахождения противника. Перед рвом размещали массивные деревянные ежи – «трибулы».

Расположение войск внутри лагеря было строго регламентировано. Внутри лагеря, на расстоянии, достаточном, чтобы туда не долетали метательные снаряды вражеских лучников, дротикометателей и пращников (*в первую очередь, горящие дротики*), т. е. не менее 60 м от оборонительного вала, в строго определенном порядке прямых городских улиц и кварталов располагались: площадь собраний – *форум*, кожаные палатки командования – *преторий*, сотников (*центурионов*), десятников (*декурионов*) и рядовых легионеров, стойла лошадей и другие службы. В каждой солдатской палатке (3 x 3 м) размещалось по восемь человек, питавшихся за одним столом. Главная широкая (30 м) улица отделяла палатки полководца, его квестора, военных трибунов, офицеров и штабных служб от пехоты с приданной ей конницей. С обоих концов она заканчивалась воротами. Штабная часть лагеря занимала около трети всего лагеря. Оставшиеся 2/3 делились надвое другой менее широкой (всего лишь 15 м) улицей, шедшей параллельно главной улице. Обе эти улицы под прямым углом пересекались третьей улицей, которая вела к преторию. На форуме в случае необходимости могла выстроиться вся армия. Каждый воин точно знал и свое место, и размещение всех подразделений.

Римский лагерь видоизменялся в зависимости от времени года, продолжительности срока размещения в нем войск и численности воинов, а также местности и некоторых других особенностей.

Если предполагалось, что легион останется в лагере на длительный срок, то стена могла через определенные расстояния перемежаться деревянными сторожевыми башнями-вышками (максимум 3-этажные) с оборудованными на них метательными машинами,

рвы углублялись, а валы поднимались. Вышки соединялись между собой галереями, прикрытыми спереди плетеным бруствером. Защищавшие ворота вышки были более высокие. Наличие галерей улучшало оборону лагеря: воины на валу защищались ими от вражеских метательных снарядов, тогда как их собратья по оружию, располагаясь на них, могли посылать свои стрелы и пилумы дальше и сильнее.

В зимнее время года лагеря укреплялись еще больше, а кожаные палатки заменялись хижинами либо бараками с соломенными крышами, для кавалерии строились конюшни, но такое случалось не всегда.

Регулярно выставлялись посты и караулы, остальные занимались доставкой продовольствия и воды, уходом за животными, починкой снаряжения и т. п. Все эти обязанности распределялись каждое утро на построении в строго установленное время. Для охраны лагеря, как правило, оставляли менее опытных легионеров, тогда как для военных действий в окрестностях выделялись испытанные ветераны. Не менее двух манипул следили за порядком внутри лагеря. Одна манипула охраняла консула. Три поста несли охрану квестора, два – легатов и т. д. Под особым надзором были легионные лошади. Дополнительные караулы назначал консул. На ночь конные патрули укрывались в лагере, и вся охрана ложилась на плечи пехоты, которая в четыре стражи выделяла от каждой когорты 1/4 своего состава, а 3/4 обязательно отдыхали с оружием на изготовку. Старший центурион через определенные промежутки времени в сопровождении дежурного трибуна обходил весь лагерь. Порой они проделывали это верхом. Нередко время обхода устанавливалось трибуном. Перед расстановкой ночных постов дежурный военный трибун через центуриона 10-го манипула или декуриона турмы знакомил командиров подразделений с очередным паролем, который менялся каждую ночь.

Если кто-то из постовых засыпал или отлучался, его сурово наказывали, порой забивая до смерти, или он оставался калеккой. На «войне – как на войне»!

...**Кстати**, если стоянка лагерем на одном месте затягивалась, римская армия ежедневно тренировалась, причем весьма интенсивно. Особое внимание уделялось развитию выносливости, строевой подготовке и навыкам применения метательного оружия, в первую очередь столь эффективных пилумов. Более того, легионеры занимались благоустройством лагеря и прокладкой дорог по римскому образцу...

В случае продолжения марша весь этот лагерь разбирался ранним утром так же быстро и организованно, как и возводился накануне. По первому сигналу горна складывались палатки, начиналось все с палаток консулов и военных трибунов. По второму – навьючивались животные, разбирался сам лагерь, по третьему – солдаты строились для выступления в поход.

Взять его штурмом было очень трудно. Случалось, что потерпевшая неудачу в открытом бою римская армия, укрывшись в лагере, с честью отражала все атаки воодушевленного первым успехом врага. Враги Рима знали о том, что на возведение лагеря обычно уходило около 4-х часов, и обычно не ожидали быстрого нападения. На деле нередко все происходило совсем наоборот.

Так или иначе, но в лагере, своего рода примитивной крепости, которую легионеры, образно говоря, всегда «возили с собой», они чувствовали себя в полной безопасности.

Число легионов определяло размер римского лагеря. Максимально большой лагерь рассчитывался на пять легионов. При этом лагерь всегда разбивался по одному и тому же плану независимо от количества квартируемых в нем легионов. Римский бивак служил не только для обеспечения безопасности армии на отдыхе (ночлега) или убежища в случае

отступления, но и играл роль опорного пункта для ведения наступательных или оборонительных действий (*т. е. базой – откуда можно было управлять ходом кампании*), и продовольственным складом. Всею организацией лагерной жизни, снабжением и медицинским обслуживанием ведал префект лагеря – обычно это был бывший старший центурион легиона («примипил»). В его ведении находились и все метательные машины, приданные легиону. В крайнем случае он мог взять на себя командование всем легионом.

...**Между прочим**, все завоевания Рима, в том числе на окраинах тогдашней ойкумены, стали возможны благодаря расположенным вдоль линии снабжения римским лагерям-укреплениям. Некоторые из них со временем превратились в постоянные форты, привлекавшие торговцев, потом ставшие средневековыми городами, а затем и современными (*например, английский город Манчестер – бывший римский военный лагерь*). Именно благодаря высокому умению строить укрепленный лагерь римляне превзошли всех в искусстве блокады, быстро окружая осажденный город лагерями, частоколами и рвами. Если другие армии ограничивались блокадой только основных ворот и дорог, а затем лишь патрулировали окрестности города, то дотошные римляне предпочитали полностью убедиться в том, что у противника не осталось никакой возможности бежать и что он окружен непрерывным рядом осадных сооружений. Если римлянам казалось, что осаде может помешать выступившая на помощь осажденным вражеская армия, то они сооружали еще одну, наружную линию оборонительных сооружений, оставляя, таким образом, собственную армию на полностью защищенной территории между двумя рядами рвов, валов и стен...

Во главе римской армии обычно стоял *консул*. Ему помогали – *легаты* и *военные трибуны*. Первые обычно командовали легионами, вторые – боевыми линиями манипулов. Консул мог командовать армией лишь один год, пока он занимал выборный высший государственный пост. Ежегодная смена командующего становилась недостатком, если война принимала затяжной характер и каждый раз на театр непосредственных боевых действий прибывал новый командир, которому требовалось время, чтобы вникнуть в ситуацию и на деле понять приемы и методы вражеского полководца. К тому же не всегда умелый гражданский правитель оказывался отличным военачальником. Как известно, в случае особой опасности для государства высшее командование передавалось *диктатору* сроком на полгода. Он командовал основной, т. е. наибольшей, армией. Его заместителем по армии становился *начальник конницы*. Он традиционно командовал кавалерией, поскольку диктатору запрещалось ездить верхом. Дополнительными армиями руководили подвластные диктатору *проконсулы* из числа бывших консулов, или всенародно избранные *преторы* – вторые по рангу лица в Риме после консула, ведавшие охраной порядка, отвечавшие за правосудие, управлявшие наименее важными провинциями и ведшие незначительные войны от имени Рима. Иногда бывшие преторы (*пропреторы*), так же как и проконсулы, наделялись правом ведения войны.

Только консул-командующий имел право на ритуал «ауспиции» – гадание о том, благоприятствуют ли сейчас Небеса сражению или нет. С этой целью армия возила с собой в деревянных клетках цыплят, которых полководец перед сражением приказывал накормить. Если цыплята жадно бросались на еду, при этом роняя часть пищи на землю (*как бы делась с богами*), то это было благоприятным знаком. Во всех иных случаях полководцу рекомендовалось всячески избегать битвы. Знаменитый римский оратор Цицерон позднее остроумно заметил по этому поводу, что среди римских полководцев был негласный обычай... морить

цыпляют голодом, чтобы, получив в нужный для римских военачальников момент пищу, они кидались жадно поглощать ее, но, будучи очень слабы, частично роняли. Так или иначе, но эта традиция «пращуров» культивировалась в римской армии веками вплоть до Рима эпохи Империи – ведь она говорила о священности статуса полководца, имевшего право получать знамения от богов и толковать их! Любое сопротивление своей воле командующий расценивал как нарушение воли богов.

В походе консул-командующий обладал неограниченной властью над гражданами-воинами – «империумом» (*за пределами Рима римлянин не имел права апелляции к народному собранию!*) и мог приказать своим постоянно сопровождавшим его помощникам – «ликторам» (*одно из внешних проявлений консульской власти*) – выпороть и обезглавить любого нерадивого солдата или офицера. Крайней мерой наказания провинившегося подразделения (*за трусость в бою и т. п.*) служила «децимация» – позорная казнь каждого десятого перед строем всего легиона.

... **Кстати**, «децимацию» ввел в практику на рубеже IV–III вв. до н. э. не менее легендарный, чем Камилл, Аппий Клавдий. Она производилась следующим образом: поначалу солдаты попросту забивали до смерти своих «соратников» палками, а иногда и камнями; позднее казнь стала более изощренной – «виновных» пороли солеными розгами либо бичевали кнутами с острыми крючками на концах (наподобие тех, которыми истязали Иисуса Христа в нашумевшем фильме Мэла Гибсона «Страсти по Христу»), после чего обезглавливали. В течение всего назначенного наказанием срока остальные струсившие, но не попавшие в «избранное число», легионеры не могли находиться внутри лагеря и жили перед внешним рвом. На этот период вместо пайки пшеницы их переводили на ячменный хлеб. Существовали и денежные штрафы...

В то же время дисциплина и стойкость в римской армии поддерживались не только с помощью телесных наказаний, но поощрением (*земельными наделами, жалованьем*) и наградами. Отличившиеся офицеры и солдаты могли получить венок из дубовых листьев за спасение римского гражданина; золотой венок полагался тому, кто первым взобрался на стену неприятельского города.

... **Кстати**, именно с Аппием Клавдием связана одна полулегендарная история, призванная характеризовать стойкость и непоколебимость римлян, когда *Отечество в опасности!* В 280 г. до н. э. после поражения Рима от эпирского царя Пирра в битве при Геракле в сенате остро стоял судьбоносный вопрос – *то ли подписывать мир с победоносным царем Пирром, то ли нет?!* – мнение «отцов» Рима колебалось, а затем и вовсе стало склоняться если не в пользу мира, то, по крайней мере, за перемирие. И тут, если верить римским историкам, а римляне, как известно, слыли очень большими мастерами высокопарного приукрашивания своей истории, случилось непредвиденное. Внезапно в курии появился на носилках девяностолетний слепой и беспомощный Аппий Клавдий, бывший консул, построивший в 312 г. до н. э. большую южную дорогу – знаменитую мощеную Аппиеву дорогу (лат. *Via Appia*) от Рима до Капуи. По этой 350-километровой «трассе» могли свободно проехать, не сталкиваясь, две повозки. Во многом благодаря этой военной дороге Рим смог подчинить себе Среднюю Италию. В 224 г. до н. э. ее продлили до морского порта Брундзий. Аппий был не только выдающимся государственным деятелем, но и знаменитым римским оратором и писателем. Он произнес в сенате

великолепную речь против мира с царем Пирром. В ней впервые была высказана мысль, ставшая *правилом великодержавной римской политики: не мириться с врагом после поражения и тем более на своей земле!* Под впечатлением этой патетико-патриотической речи престарелого поборника величия Рима было заявлено царскому послу Кинею: пока Пирр будет оставаться в Италии, римляне не собираются вести каких-либо мирных переговоров. Если же Пирр покинет Италию и удалится к себе на родину, то они выслушают любые его предложения о мире. Но до тех пор, пока Пирр будет оставаться на итальянской земле и даже одержит тысячу побед над Римом, война будет продолжаться до последнего римского солдата. Сегодня трудно судить, где в этом «судьбоносном» эпизоде – правда, а где – позднейший приукрас патетически настроенных римских летописцев...

Скажем сразу, что со времен Александра Македонского полководческое искусство изменилось. Легендарный македонец, выбирая нужную позицию, постоянно маневрировал и развертывал свою армию для наступления так, чтобы она могла всеми своими силами (пехотой и кавалерией) оказывать одновременное давление на передовые порядки врага. Когда наступал решающий момент, его ударная тяжелая кавалерия наносила разящий удар по самой слабой части во вражеских построениях, уже точно определенной самим полководцем. Но после начала сражения даже такому гению, каким безусловно являлся македонский царь, было почти невозможно руководить сражением на всех участках поля боя. Ведь именно он во главе кавалерии находился в гуще событий, где решался исход битвы, причем нередко именно его исключительная храбрость склоняла чашу весов на его сторону. После его смерти в войнах диадохов преемники великого полководца тоже пренебрегали опасностью. Личный героизм по-прежнему считался обязательным качеством военачальника, вызывавшим восхищение в любом подчиненном бойце. Но поскольку последователи Александра уступали ему – своего рода Богу Войны – во всем, да и сражались они друг с другом армиями одинаковыми как по содержанию, так и по ведению боя, то полководческое искусство постепенно совершенствовалось. В результате главным для римского полководца было не утверждение своего мужского начала в смертельно опасных поединках перед строем готовых к сражению армий, не в лихих атаках в первых рядах (*время героев-вожжков эпохи Александра Македонского прошло!*), а в умении искусно управлять войском, стоя позади него, и в сохранении армии даже в случае неблагоприятного исхода боя. Если раньше резервы имелись крайне редко, то в римском легионе они присутствовали обязательно (*от 1/2 до 2/3!*), и именно задачей полководца являлось по необходимости искусно бросать их в бой. И все же и римским полководцам в походе, во время боя или осады приходилось проводить немало времени вблизи противника, рискуя быть ранеными или убитыми. Они разделяли со своими солдатами все тяготы военного бытия. Все это не только позволяло им быть близкими к ним – «братьями по оружию» (*соратниками*), но и называться типично римскими военачальниками.

...**Между прочим**, большинство римских полководцев той поры по окончании боевых действий возвращались к мирной деятельности. Всем известен ставший хрестоматийным, пример гражданской доблести и неприязнательности сурового крестьянина-работяги Луция Квинкция Цинцинната. Отечество призвало его в суровую для Рима годину спасти Отечество. Выполнив свой долг, он возвратился к возделыванию земли своими руками. Маний Курий Дентат – победитель одного из талантливейших полководцев Древнего мира, эфирского царя Пирра, тоже происходил из деревенской глуши, был бедняком, а после победы, которая

навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжил свой нелегкий труд крестьянина. Он сам, своими собственными руками пахал свое крохотное поле, засеивал и снимал урожай. Его можно было застать в скромном крестьянском домике сидящим перед очагом и варящим простое кушанье из... репы в грубой глиняной посуде. Под стать Цинциннату и Дентату были и многие полководцы грядущих войн с Карфагеном: Марк Аттилий Регул или Клавдий Марцелл. Впрочем, скоро эта традиция исчезнет, и на авансцену римской истории выйдут полководцы, чьи политические амбиции будут устремляться очень высоко. Но это уже другая история...

После больших успехов – если пало не менее 5 тысяч неприятельских воинов – победоносное римское войско по разрешению сената праздновало *триумф*. Легионеры вступали в Рим боевым строем, с лавровыми ветвями в руках, распевая героические и шутивно-похабные песни. Впереди войска, но позади процессии самых знатных военнопленных, на колеснице, запряженной четверкой белых коней, ехал полководец. Одетый подобно статуе бога войны Юпитера – в лавровом венке, с накрашенным лицом, в пурпурном, украшенном золотом, одеянии с богатым оружием – возвышался он на колеснице, похожий больше на грозного идола, чем на живого человека. Стоящий рядом раб постоянно нашептывал ему на ухо, что тот смертен, как и все люди. Другой раб держал над его головой лавровый венок победы. Тут же несли военную добычу, выставленную для всенародного обозрения. По главной церемониальной дороге Рима *Sacra Via* («Священной дороге») через Триумфальные ворота, Фламиниев цирк, Большой цирк вокруг Палатина триумфальная процессия поднималась на Капитолийский холм, к главному храму города – храму Юпитера, где совершалось торжественное жертвоприношение – ритуальная казнь вражеского полководца. После жертвоприношений Юпитеру победоносный полководец «закатывал пир на весь мир». Малый триумф назывался *овацией*. Она полагалась, если победа не была внушительной, противник оказался не столь серьезен, как это могло показаться, или... сам победитель чем-то не угодил сенату. В этом случае полководец вступал в Рим верхом на коне или же пешком, на голове его был миртовый венок и одет он был в обычную тогу. Сопровождали его не его воины, а всего лишь... сенаторы, и в жертву он приносил на Капитолии не быка, а всего лишь овцу. Существовал и триумф за... свой счет: это когда государство не выделяло средств триумфатору и ему приходилось устраивать празднество на свои деньги за пределами Рима на Альбанской горе.

...**Между прочим**, Карфаген и Рим воевали по-разному. Так военные кампании карфагенян порой напоминали... торговые сделки: они воевали, пока члены Совета не находили, что средств на войну затрачено слишком много. Тогда они прекращали войну. В отличие от римской наемная армия Карфагена не была столь надежна. Наемники служили только до тех пор, пока им платили или они имели возможность грабить побежденных. Случалось, что из-за неудач они обращали оружие против... своих полководцев и, как уже отмечалось, порой даже казнили их! (*В таких случаях все зависело от личной харизмы военачальника: например, крайне популярный в солдатской среде легендарный Ганнибал на протяжении десятилетий ухитрялся удерживать в повиновении разношерстную массу своих наемников!*) Правда, было в использовании наемных войск и два очень важных плюса: отстраненные от воинской службы народные массы Карфагена были не в состоянии влиять в своих интересах на развитие событий внутри страны, а разношерстным наемникам карфагенян, говорившим на непонятном друг другу языке, трудно было организовать

всеобщее восстание. Римское же ополчение эпохи войн с Карфагеном состояло из граждан, для которых интересы их города являлись их собственными. Они сами решали – быть или не быть войне и сражались до последнего, с ожесточением и твердостью...

Глава 5. Первая «Столетняя война» в истории человечества: как она начиналась

Было время, когда Карфаген и Рим объединяла одна и та же цель: борьба против общего врага – знаменитого эпирского царя Пирра, который замыслил создать для себя в Западном Средиземноморье мощное государство на обломках римского и карфагенского могущества. Но даже тогда стороны опасались союзника не меньше, если не больше, чем противника. После того как Пирру пришлось оставить Сицилию, а затем и Италию, о союзе между Карфагеном и Римом уже не было и речи. Карфаген безраздельно господствовал в Средиземном море: все иностранные корабли, вступавшие в подвластные ему воды, карфагеняне топили, опасаясь торговой конкуренции. Назревал прямой конфликт, и якобы посланник карфагенян весьма высокомерно предостерег римлян от того, чтобы доводить дело до открытых военных действий, поскольку «без позволения карфагенян ни один римлянин не сможет даже вымыть руки в море».

Борьба между Римом и Карфагеном в виде целой серии разрушительных войн – продолжавшаяся почти 120 лет (с 264 по 146 г. до н. э.) – началась из-за спора за обладание островом Сицилия. Последняя оказалась «яблоком раздора» в борьбе двух «хищников». В этой кровавой схватке должно было решиться, кто и как будет вершить судьбы всего Средиземноморья (*возможно, и Европы?*) на много веков вперед.

Итак, кто – кого: Рим или Карфаген?!

...**Кстати**, к этому времени большая часть острова Сицилия, отделенного от Рима лишь узким Мессинским проливом, уже была во власти карфагенян, и им оставалось захватить лишь Сиракузы и Мессану (Мессину). Последней правили выходцы из южноиталийского города Бруттия (современная Калабрия) – крайне воинственные наемники-мамертинцы, в свое время нанятые сиракузским тираном Агафоклом в италийской провинции Кампании (*главного наемничьего центра на территории Апеннин*) для защиты его владений. После его смерти они свили себе разбойничье гнездо в Мессане на северо-востоке Сицилии и уже долгое время терроризировали округу, слывя жестокими головорезами. Свое название – *мамертинцы* или «дети Мамерка» – они дали себе сами: так в Кампании называли римского бога войны *Марса*. Следовательно, не исключено, что «мамертинец» – это скорее обозначение человека, всецело посвятившего себя Марсу, т. е. *военному ремеслу*, а не то или иное национальное название. (*Хотя есть и другие трактовки происхождения мамертинцев и их «вклада» в конфликт между Карфагеном и Римом, но суть – неизменна: это были профессиональные вояки.*) Так или иначе, но в ту эпоху они слыли грозной воинской силой, с которой приходилось считаться всем. В 269 г. до н. э. между Сиракузами и Мессаной вспыхнула война, вошедшая в историю под названием Мамертинской. Потерпев сокрушительное поражение в битве при Лонгано, мамертинцы оказались бессильны против оккупации Мессаны воспользовавшимся ситуацией... Карфагеном. Часть проримски настроенных жителей Мессаны спешно попросила у Рима защиты от Карфагена. Так Мессана стала «яблоком раздора» между Карфагеном и Римом! Римский сенат, прекрасно понимавший, что на Мессане карфагеняне не остановятся и очень скоро под их власть может попасть вся Сицилия, все же долго колебался, как

ему поступить. В Риме хорошо осознавали, как могуч Карфаген, к тому же римляне все еще были связаны договором о дружбе и взаимопомощи с карфагенянами со времен тяжелой войны со знаменитым эпирским царем Пирром, но в то же время сенаторы отдавали себе отчет, что Карфаген стремится стать владыкой Запада и постепенно окружает Италию кольцом своих владений и вскоре Рим ожидает судьба Сицилии. Но Рим не был еще готов к войне с таким сильным противником, как Карфаген, да и римский флот был откровенно слабым. И все же влиятельное сословие римских всадников было заинтересовано в новых рынках и землях, особенно в богатой Сицилии, и оно добилось передачи решения о помощи Мессане в Народное Собрание. Именно Народное Собрание, где верховодило мелкое крестьянство, тоже рассчитывавшее обогатиться за счет ограбления богатых сицилийских городов и земель, решило оказать мамертинцам помощь и послать в Сицилию войско. Жребий был брошен, и вскоре началась война. Естественно, сметливые римляне сочли ее оборонительной против агрессивного Карфагена и ловко провозгласили... «справедливой»! Издавна сложившаяся в Риме традиция – обязательно объявлять начатую римлянами войну справедливой – была соблюдена и на этот раз...

Отметим, что начавшаяся война продолжалась 23 года и получила название Пунической (*позднее ее переименуют в Первую Пуническую*), так как римляне называли финикийцев, т. е. карфагенян, – пунами. Военные действия главным образом проходили на Сицилии. Сначала события развивались успешно для Рима. На третьем году войны римляне, несмотря на карфагенские эскадры, державшие под своим контролем весь Мессинский пролив, скрытно (*под покровом ночи*) на кораблях своих союзников ухитрились переправиться на Сицилию и осадить крепости пунов на северо-западном побережье острова. Но поскольку морской флот Карфагена был главным оплотом его армии, то победить карфагенян силами только сухопутной армии было невозможно. Имея доступ к морю, которое контролировал флот пунов, карфагенские города на Сицилии могли держать оборону сколько угодно. Пришлось римлянам оценить справедливость слов карфагенских послов, которые перед войной, советуя не доводить дело до разрыва, сколь многозначительно, столь и заносчиво предупреждали гордых сынов Вечного города, что «без их разрешения они не смогут даже руки вымыть в море». Получалось, что борьба Рима с Карфагеном стала напоминать поединок слона с китом, каждый из которых силен в своей стихии.

Ранней весной 261 г. до н. э. Рим был вынужден приступить к созданию флота, от которого теперь, без преувеличения, зависела судьба Римской республики.

Долгое время бытовало мнение, что римляне именно тогда впервые погрузили весла в воду. Дело обстояло несколько иначе: ведь еще в 282 г. до н. э. – к началу войны Рима с Тарентом – у римлян был флот, поставляемый им их союзниками-греками из прибрежных городов. Еще раньше в ходе Второй Самнитской войны (327–304 гг. до н. э.) римляне уже использовали незначительный флот. Правда, в обоих случаях его использование было скорее малоудачным, чем успешным. В целом ни подчиненные Риму италийские греки, ни сами римляне просто не имели ни таких тяжелых и в то же время быстроходных судов, как греческие *пентеры* (по-латински – «квинкверем») или попросту «пятерок» (*галер то ли с пятью рядами весел, то ли с пятью гребцами на каждом весле*), какие строили карфагенские кораблестроители, ни равных пунам флотоводцев. Киль делали из клена, шпангоуты – из дуба, а весла и доски обшивки с палубой – из сосны.

...**Между прочим**, некоторые современные исследователи не исключают, что когда заходит речь о пентерах, то скорее идет речь не о

кораблях с пятью гребными ярусами, расположенными друг над другом. Это делало бы корабли крайне неустойчивыми, возникали бы серьезные проблемы с размещением гребцов и т. д. и т. п. Очень может быть, что у квинкверем за каждым веслом сидело по... пять гребцов либо пятерка гребцов работала двумя или тремя веслами или столько гребцов располагалось друг против друга за одним веслом!? Если это так, то античная классификация боевых кораблей основывалась не только на количестве гребных ярусов. Так или иначе, но квинквереме совсем необязательно было иметь... пять весельных рядов. Следовательно, и одноярусная галера, в которой за одним веслом могло сидеть по три гребца, тоже могла называться... триремой. В то же время не исключено, что самые верхние и потому самые длинные, весла использовались в тех случаях, когда трирема шла в бой или же когда требовалось достичь максимальной скорости. Эти длинные весла в этом случае приводились в действие тремя гребцами, тогда как два остальных ряда весел бездействовали. Весьма трудно представить, чтобы гребцы верхнего яруса делали такой же гребок длинным веслом, что и человек нижнего ряда гораздо более коротким веслом. Значит, все три ряда весел могли использоваться только для торжественных случаев: на смотрах и парадах или при возвращении с победой в родную гавань. Если это так, то средний ряд весел, за которыми работали два гребца, применялся лишь для более медленного передвижения во время маневров. А для самого медленного хода либо для удержания судна на месте против ветра или для ночных переходов использовался только нижний ряд весел – при одном гребце на весло. По мере развития кораблестроительного искусства могла появиться новая система расположения весел. Скамьи гребцов (банки) могли располагаться с наклоном от центра судна к борту вниз и два или три гребца могли одновременно действовать одним веслом, так что мощность возрастала при уменьшении количества скамеек для гребцов и весел. В этом случае квинкверемой могли называть галеру с тремя рядами весел, где гребцы располагались по скамьям в количественном отношении 2:2:1 (*по два гребца на весло в двух нижних рядах, по одному гребцу на весло – в верхнем ряду*), или корабль с двумя рядами весел, где отношение равняется 3:2 (*по три гребца на весло в нижнем ряду и по два – в верхнем*). В результате всех перемен к середине III в. до н. э. появились суда с 16 и более гребцами на... одно весло. Под веслами квинкверема могла делать 4–6 узлов на протяжении двух часов – затем у гребцов уже не хватало сил для поддержания столь высокого темпа. Поскольку на борту боевого корабля был весьма ограниченный запас продовольствия и воды, то им приходилось часто и регулярно заходить в порт для отдыха команды и пополнения запасов и выбывших из строя членов команды...

По легенде, кто-то из римлян обнаружил севшую на мель карфагенскую галеру с пятью гребцами на весло (квинкверему), и, захватив ее невредимой, они скопировали ее конструкцию, а на многочисленных верфях греческих городов Италии построили свои. Так ли это?! Установить истину вряд ли возможно, примечательно – другое: пока корабли еще строились (причем форсированным методом: часть деталей изготавливалась в разных мастерских по утвержденным образцам, после чего их собирали на верфях), гребцы уже учились управлять веслами на скамьях-тренажерах, установленных на суше. Так ли это – сегодня доподлинно не ясно, но якобы всего за 60 дней (?) с помощью греческих союзников к весне 260 г. до н. э. (или несколько позже?) было построено 100 пентер и 20 разведывательных трехпалуб-

ных судов – *триер* (по-латински – «трирем») или попросту «троек» – галер с тремя рядами весел, чья максимальная скорость могла достигать 8 узлов. Правда, морскими офицерами и матросами на них стали главным образом греки из союзных городов на территории Италии. Зато гребцы, а их требовалось от 30 000 до 40 000 человек, были набраны из итальянских крестьян, рабов, а позднее и римской городской бедноты.

Создать столь большой флот за столь короткое время стало подвигом для сухопутного народа, который не любил моря, и служба во флоте не считалась почетной.

... **Кстати**, помимо уже упоминавшихся кораблей-гигантов с боевыми башнями и метательными машинами, бросавшими не только большие ядра и копья, но и горящие угли в корзинах на неприятельские суда, большое применение на море получили и военные корабли других классов. Легкие использовались для несения разведывательной службы, быстроходные – для внезапных налетов, более тяжелые, вооруженные «бивнем»-тараном – для боя. И все же боевые галеры той поры были хрупкими сооружениями, похожими на гигантские раковины, с расположенными в них длинными скамьями, на которых размещалось несколько сотен гребцов. Только более крупные суда снабжались палубой. Долго находиться в открытом море галеры не могли, а по бурному морю они и вовсе передвигались плохо и в случае шторма должны были искать укрытия у берега. Парусные торговые и транспортные суда легко уклонялись от боевых галер во время сильного ветра. Но в безветренную погоду они оказывались беспомощными против атаки гребных галер, вооруженных бронзовыми либо железными таранами длиной до 2,7 м. Парные тараны обычно стояли горизонтально на носу судна, готовые вонзиться в неприятельскую галеру выше или ниже ватерлинии или сокрушить скамьи гребцов на ней. Появление кораблей с различными метательными машинами на борту – оружия дальнего действия – снизило значение тарана в морском бою. Был в ходу и другой прием ведения морского боя – «проплыв», суть которого заключалась в том, что атакующий корабль на предельной скорости пронесся вплотную мимо борта вражеского корабля, стремясь сломать его весла; свои весла атакующий корабль с соответствующего борта при этом в момент столкновения по команде резко убирал. Случалось, галера сближалась с вражеским судном, чтобы дать возможность находящимся на ней вооруженным людям перебраться на чужой корабль и устроить рукопашный бой. Во время сражения мачты опускали, чтобы они не пострадали от удара при столкновении. Получается, что для управления боевыми галерами нужен был большой военно-морской опыт для умелого маневрирования, выполнения сложных построений как до начала боя, так и во время оно. Службу на кораблях несла подготовленная команда, начиная от его капитана, кормчего, носового наблюдателя (*впередсмотрящего*), пятидесятника, бортовых начальников и начальников гребцов вплоть до флейтиста, подававшего сигналы-команды для гребцов. Обычно команда квинкверемы насчитывала до 400 человек: 280 гребцов, 75 — 100 абордажных пехотинцев, 25 матросов и офицеров. Впрочем, известны случаи, когда на борт могли брать и чуть меньшее или чуть большее число людей: от 300 до 420 человек. Экипаж «тройки» («триремы») был несколько меньше: 170 гребцов, 12 матросов и 18 солдат. Основным тактическим приемом было наступление одним крылом. Обычно флоты морских держав Средиземноморья той поры насчитывали около сотни судов...

Будучи отличными солдатами, римляне не были хорошими моряками и, скорее всего, понимали, что никогда не смогут сравниться с карфагенянами в искусстве мореплавания и боевого маневра (тарана или «проплыва»), и поэтому, насколько возможно, морские сражения постарались превратить в сухопутные. Было придумано замечательное изобретение для абордажного боя, парализовавшее обычные для того времени приемы морского боя – прорыв строя кораблей и таран. Так в носовой части их кораблей появились перекидные абордажные мостики с бортиками-перилами высотой до колен и огромными металлическими «шипами-клювами» («воронами»). Эти трапы крепились через блок к верхушке короткой мачты и делались достаточно широкими, чтобы по ним, прикрывшись щитами, могла пробежать плечом к плечу пара воинов. *(Правда, кое-кто из историков не исключает, что «пропускная способность» этих импровизированных трапов не ограничивалась парой легионеров, а их могло быть чуть ли не 6–7.)* При сближении с вражеским кораблем «ворон» (благодаря поворотному основанию он чем-то напоминал грузовую стрелу и мог поворачиваться и вправо и влево) с помощью специального блока падал вниз, цепляясь своим «шипом-клювом» за борт противника. Стремительно перебравшиеся по нему римские легионеры (не более 120 человек), специально обученные бою на качающейся палубе, сходились в рукопашной схватке с экипажем врага, уступавшим ему численно (в 2, а то и в 3 раза) и непривычным к сухопутному бою. В результате римляне не топили корабль врага вместе с его командой, а захватывали его целым со всем содержимым. На носу и корме своих судов римляне стали устанавливать по две боевые башенки. Оттуда их легионеры, прикрывая высадку своей десантной группы, поражали неприятельских матросов стрелами, дротиками и камнями. Правда, все эти конструктивные новшества сделали римские корабли тяжелее, тихходнее, менее устойчивыми, управляемыми и маневренными не только во время боя, но и во время шторма.

И тем не менее примененные на судах новшества полностью оправдали себя – римляне обрели несокрушимую силу в море, которая очень скоро положит конец морскому господству Карфагена.

...**Кстати**, не исключено, что наличие на корабле столь громоздкого устройства – «ворона» (трапа с «шипами-клювами») – могло приводить к опрокидыванию судна. И это могло стать одной из причин, по которой римляне позднее – между 255 и 250 гг. до н. э. – настолько освоили технику морского боя, что перестали оснащать свои суда «воронами». Так доподлинно и неизвестно, кому именно пришло на ум изобрести «ворон». Хотя кое-кто все же предполагает, что это могло быть «детисце» Архимеда – выдающегося сиракузского механика и математика той поры. Зато точно известно, что именно римляне усовершенствовали хранение боевых кораблей. Они не только на каждую ночь вытаскивали их на берег, но и в обязательном порядке всякий раз возводили вокруг укрепленный (по аналогии с сухопутным биваком) лагерь, защищавший гребцов, моряков и корабли...

Но, как это часто бывает, первое морское столкновение Карфагена с Римом закончилось для последнего неудачей. При попытке захватить Липарские острова 17 кораблей под командованием консула Гнея Корнелия Сципиона (дяди будущего знаменитого полководца Публия Корнелия Сципиона-Младшего или Африканского) оказались запертыми в гавани и захвачены в плен. Первый блин получился комом. Однако очень скоро пришла первая громкая победа под руководством римского консула Гая Дуилия около мыса Милы у северного побережья Сицилии. Тогда численно превосходивший карфагенский флот под началом Ганнибала («тезки» легендарного полководца Второй войны Карфагена с Римом!) впервые столкнулся с римскими «воронами», по которым 120 римских легионеров стремительно

перебегали со своего корабля на вражескую палубу и в скоротечном бою громили 30 карфагенских морских пехотинцев на их судне. Карфагеняне поначалу пытались как-то бороться с римским «ноу-хау», но «хищные вороны» доставали их корабли со всех сторон, ставя пунов в тупик. Потеряв в столь непривычных для них абордажных боях около 50 военных кораблей, карфагеняне бежали, а своего военачальника они... распяли на кресте... вниз головой, что было для них в порядке вещей! (*Правда, по другой версии, его просто забили камнями.*) Незадолго до этого столь же драматически ушел из жизни пунийский военачальник Ганнон за то, что не смог отстоять Мессину в противостоянии с консулом Аппием Клавдием Каудексом! А в 251 г. до н. э. за потерю одной из главных карфагенских крепостей на Сицилии – Панорма (Палермо) столь же безжалостно был казнен Гасдрубал!

...**Между прочим**, первая морская победа Рима над Карфагеном у Милы напугала не только пунов, но и удивила самих римлян. Ее морально-психологическое значение – победоносное боевое крещение в столкновении с лучшими мореходами Средиземноморья той поры – оказалось столь велико, что они даже возвели в центре своего города ростральную колонну с надписью о количестве плененных неприятельских судов и прочих трофеях. Главным ее украшением являлись носы с таранами от 31 захваченного вражеского корабля. Потом это стало традицией, причем не только в Риме. К тому же этот успех настолько потряс римлян, что консул Гай Дуилий, командовавший римским флотом, был удостоен первого морского триумфа и совершенно исключительных почестей: по постановлению сената его должны были в общественных местах сопровождать два (или один?) флейтиста и факельщик, чтобы все видели и слышали: идет человек, первым сокрушивший господство карфагенян на море!..

Как говорят, «аппетит приходит во время еды»: после очередного удачного морского столкновения с пунами в 257 г. до н. э. у Тиндарида умы римлян посетила светлая идея – перенести войну в... Африку. Эта десантная операция позволила бы «взять за горло» карфагенян, подвергнув угрозе их столицу. Всю весну 256 г. до н. э. римляне усиленно готовились к этому грандиозному мероприятию. С обеих сторон в боевых действиях наступило затишье: карфагенская разведка донесла своим хозяевам, что Рим полностью сконцентрировался на попытке морского десанта на африканское побережье. Сами карфагеняне всю готовились к... контрудару. После неожиданного фиаско в битве при Миле Карфагену остро необходимо было одержать решительную морскую победу. Именно она давала им возможность рассчитывать на перелом в ходе войны на море в свою пользу.

Летом 256 г. до н. э. к берегам Африки римляне послали огромный флот из 330 судов разных классов (*преимущественно пяти- и трехрядные военные корабли и транспортные суда*) с десантной армией в 40 тысяч человек. У юго-западных берегов Сицилии, возле мыса Экном, римляне встретились с карфагенским флотом из 350 судов, несших почти 50 тысяч бойцов. Так и осталось неясным – зачем карфагенским адмиралам понадобилось иметь на борту такое огромное количество пехотинцев, которые в отличие от специально подготовленных морских пехотинцев римлян не обладали особыми навыками палубного боя?!

Именно у Экнома разыгралось одно из самых грандиозных (*около 680 кораблей!*) морских сражений в истории Древнего мира, решавшее судьбу острова Сицилия. Силы противников были равны, но суда пунов были легче и быстроходнее. В речах, обращенных к своим воинам, полководцы-флотоводцы обеих сторон подчеркивали, что победа в этой жестокой битве приведет к окончанию войны, а поражение подвергнет родину большой опасности. Жаркая экномская схватка на море принесла успех Риму во многом благодаря новой тактике римлян.

Флотоводцами пунов оказались: Ганнон, сражавшийся против Рима еще при долгой осаде Акраганте и известный римлянам по бою при Тиндариде, Гамилькара – бывший в этой паре главным. (*Эти имена, между прочим, наряду с именами Гасдрубал, Ганнибал и Магон, были наиболее распространенными у карфагенян.*) Они растянули свой флот в линию на очень большое расстояние, желая охватить врага с флангов в кольцо. При этом правое крыло под началом Ганнона состояло из самых быстроходных кораблей и очень далеко выдавалось в море – именно отсюда пуны планировали совершить резкий фланговый обход. Левое, возглавляемое Гамилькаром, было намного короче правого, поскольку имело форму крюка, загнутого назад, что могло позволить пунам в случае необходимости внезапно еще больше увеличить фронт.

Римские же суда, разделенные на четыре самостоятельных эскадры, поначалу выстроились гигантским треугольником (*две – одна за другой и еще две – по краям*), чья вершина оказалась полой, а основание – плотным, рассчитывая клином двинуться на вражескую тонкую линию. Но в последний момент римляне сумели разгадать вражеский замысел и успели растянуть свои головные эскадры в линию фронта.

По одной из версий того боя, он начался с того, что римский центр (две эскадры) устремился на вытянутую в ниточку вражескую линию. Противостоявший им карфагенский центр по приказу своего командира симулировал бегство. Уловка удалась. Когда преследовавшие их римские суда быстро оторвались от своих 3-й и 4-й эскадр, корабли пунов по команде стремительно развернулись и обрушились на врага с двух сторон, явно рассчитывая на преимущество из-за лучшей маневренности своих судов. Как только завязался морской бой в центре, в дело вступили и крылья карфагенского флота, напавшие на две оставшиеся римские эскадры. Сражение распалось на три отдельных схватки: в центре и на флангах. Эти три очага были отделены друг от друга значительным расстоянием и в тот момент практически никак не связаны между собой. Осуществлять общее руководство схваткой или даже изменить что-то в ее ходе было просто невозможно. Отсутствие места для маневрирования, наличие у врага «воронов» не позволили карфагенянам использовать лучшие мореходные качества своих судов и корабельных команд. Потесненный поначалу римский центр не только не отступил, но сам обратил врага в бегство, и одна из его эскадр вовремя бросилась на помощь своему левому флангу, который уже с трудом сдерживал натиск Ганнона и почти пал духом. Получив неожиданную поддержку, римляне стали давить на врага с двух сторон, который в свою очередь заколебался и стал стремительно отходить в открытое море, явно рассчитывая за счет своей быстроходности оторваться от численно превосходящего противника. Другая центровая эскадра римлян повторила маневр своих соратников, придя на помощь своему прижатому к берегу правому крылу. Впрочем, карфагеняне Гамилькара не зря опасались римских «воронов» и не очень-то спешили вступить в абордажный бой с «ощетинившимся» грозными «клювами» врагом. Внезапно навалившаяся с тыла центровая римская эскадра решила исход «противостояния».

Оба римских консула – Марк Аттилий Регул и Луций Вульсон Манилий (Манлий) – вопреки римской традиции, запрещавшей военачальникам рисковать жизнью во время боя, храбро рубились в первых рядах, всем своим примером вдохновляя римских солдат на подвиги. Лишившись в абордажных боях 94 кораблей (*64 попали в плен, а 30 оказались потоплены*), пуны были вынуждены отступить. По отдельности более быстроходные карфагенские суда лучше маневрировали, но разделенный на отдельные эскадры римский флот лучше взаимодействовал между собой, своевременно обрушиваясь на врага там, где того неотложно требовало развитие сражения. К тому же вся четверка римских «адмиралов» брала инициативу в свои руки и лучше контролировала ход боя. В свою очередь Ганнон с Гамилькаром недооценили стойкость и упорства рядового состава римского флота.

... **Между прочим**, если победу Рима при Миле карфагеняне пытались объяснять неожиданным применением секретного оружия («воронов»), то сражение при Экноме показало, что римский флот – это сила, с которой следует считаться. Очередной морской успех римлян еще раз подтвердил возросшее значение абордажного боя – таранный удар корабля в корабль стал терять свое значение. Благодаря «ворону» взятый на борт и умело сражавшийся в абордажном бою римский пехотинец одерживал победу над более умелым карфагенским моряком, у которого с той поры возникла очень опасная болезнь... «воробоязнь». Таковы гримасы истории...

Потеряв только *(если верить римской традиции?)* 24 судна *(при этом в руках неприятеля не оказалось ни одного корабля с экипажем!)*, 40 тысяч римлян беспрепятственно высадились на африканский берег, где вскоре одержали блестящую победу под стенами Адиса. Общая победа и скорое окончание войны уже казались римлянам не за горами, и сенат отозвал Манилия с большей частью флота и половиной армии, оставив в Африке только экспедиционный корпус под началом консула Регула (15 тысяч человек пехоты с 500 всадниками) и всего лишь 40 кораблей. Как оказалось, это решение было поспешным.

... **Кстати**, считается, что Рим был вынужден вернуть часть войск и моряков на родину по двум прозаическим причинам. **С одной стороны**, якобы из-за невозможности прокормить большое число людей *(всего порядка 100 тысяч человек!)* на вражеской территории: хотя «под боком» была богатая хлебом Сицилия, а **с другой**, – по причине недовольства солдат *(подавляющее большинство римских легионеров были крестьянами, впервые участвовавшими в большом заморском походе)* долгой оторванностью от родины, где без них хирели их поля и хозяйства...

Пока в Риме праздновали морской триумф в честь благополучного возвращения Манилия, Карфаген, потерпев ряд значительных неудач в открытом поле от Регула, в частности, в уже упоминавшемся большом сражении при Адисе, оказался в критическом положении *(в городе, переполненном беглецами, начался голод и эпидемии)* и попытался заключить мир. Но Регул, так успешно начавший сухопутную войну и стоявший лагерем уже неподалеку от Карфагена, весьма недальновидно выставил очень жесткие условия мирного договора: передача Риму Сицилии и Сардинии, возвращение без выкупа всех римских военнопленных, выкуп за очень большую сумму пленников-карфагенян, большая ежегодная дань, отказ от собственного флота, передача всех военных судов Риму и многое другое. Послы Карфагена просили хоть каких-то уступок, но римский консул был неумолим, и пуны, предпочтя позорному миру славную смерть с оружием в руках, начали усиленно готовиться к решающему сражению.

Они обратились за помощью к испытанным воинам – спартамцам, чья боевая слава, правда, уже во многом осталась в прошлом, но все же профессионализма им было не занимать. Им повезло: к ним явился опытный и одаренный полководец Ксантипп со своими боевыми офицерами. Именно Ксантипп вселил в пунийцев надежду на победу. С помощью своих храбрых вояк он отлично подготовил карфагенскую армию к решающему сражению. Причем он настаивал на том, что оно должно обязательно развернуться на ровном открытом пространстве – равнине, где пуны смогут использовать свое преимущество в маневренной коннице и пробивных слонах. Самоуверенный Регул тем временем бездействовал. На самом деле его сил явно не хватало для успешного штурма, и он полагал, что город, в конце концов, сам сдастся. Главное было в том, что это знаменательное событие должно было состояться раньше, чем из Рима прибудет новый консул и присвоит себе славу победителя. Беспечность римлян привела к тому, что весной 255 г. до н. э. военную кампанию в выгодных для себя

условиях начали пунийцы. Они явно спешили навязать врагу сражение как можно быстрее, чтобы тот не успел получить помощь из Италии.

Уверенные в своих силах римляне приняли бой близ Тунета (Баградоса)... на равнине! Силы противников оказались далеко не равны: у карфагенян было 12 тысяч пехоты, 4 тысячи отличной нумидийской кавалерии и целая сотня (!) боевых слонов. Превосходство в коннице и слоны сыграли решающую роль в битве. Замечательный тактик, командир спартанских наемников Ксантипп ловко заманил римскую армию на абсолютно ровное место, где могла развернуться вся численно превосходящая вражескую конницу карфагенская кавалерия, а слоны могли легко нарушить боевой порядок римской пехоты. Расчет оправдался.

Растягивать линию слонов вдоль всего фронта армии Ксантипп не стал, уповая на свое несомненное превосходство в кавалерии. Свою тяжелую пехоту, построенную фалангой, Ксантипп предпочел развернуть на достаточно большом расстоянии за линией слонов, прикрывавшей ее спереди. Характерно, что фаланга встала отдельными отрядами в тысячу человек. С одной стороны, это делало фронт карфагенян более протяженным, с другой – позволяло расставить слонов на необходимом для маневрирования ими расстоянии друг от друга (5–6 м). Кроме того, если бы врагу удалось обратить их вспять, то у них были бы пути к отступлению, не сменяя свой же боевой порядок. По бокам фаланги встали отряды наемников и только потом – кавалерия, причем немного впереди линии фронта фаланги. А вот легкую пехоту Ксантипп, скорее всего, предпочел разместить в передней линии: сыграв роль застрельщиков боя, они должны были отойти между «звеньям» фаланги назад – за флангу, чтобы потом напасть на римлян уже с флангов.

Консул Марк Аттилий Регул, чья армия то ли превосходила карфагенскую по численности (чуть ли не 30 тыс. чел.?!), то ли – нет (15 тыс. пехоты и всего лишь – 500 всадников!), не слишком ломал себе голову, как ее выстроить. Впереди встали легковооруженные застрельщики боя, а за ними – очень плотно построенные в три линии легионеры, причем в затылок друг другу. Строй получился короче вражеского, но плотнее и глубже. Немногочисленная конница разместилась на флангах.

Карфагенская кавалерия смяла вражескую, после чего начала охватывать римскую пехоту с флангов. Слоны играючи опрокинули римских застрельщиков, устремились на тяжеловооруженных легионеров, но «забуксовали» в их плотных боевых порядках. Судя по всему, дальше гастатов им продвинуться не удалось. Более того, кое-кто из гастатов сумел даже просочиться между вражескими «живыми танками» и... наткнулся на стройные ряды «звеньев» карфагенской фаланги, готовой к бою. Если левофланговые римские манипулы сумели прорвать порядки противостоявших им наемников пунов, то остальная часть римских легионеров все же не устояла против таранного удара слонов и сама попятилась назад, а когда на них с боков и с тыла навалилась конница пунов, медленное отступление превратилось в повальное бегство. Поскольку оно проходило на открытой равнине, то потери римлян были ужасны. Смогли спастись только 2 тысячи человек (*те самые, что в начале сражения потеснили карфагенских наемников*), остальные были убиты – вернее, посечены кавалерией и потоптаны слонами. Потери пунов оказались гораздо скромнее: всего лишь 800 наемников из числа тех, кто не выдержал натиска левофланговых римских манипул.

... **Кстати сказать**, тунетская победа пунов над Римом оказалась одной из крупнейших – первых над последними – за всю историю всех трех Пунических войн. Кроме того, пожалуй, это единственный случай, когда карфагенские слоны смогли прорвать строй римской тяжеловооруженной пехоты. Более того, только спустя полвека римляне смогли снова развернуть полномасштабную войну «под стенами» Карфагена...

Надо отдать должное разгромленным остаткам римского воинства: они не только умело окопались в прибрежной Клуpee, но и сумели отбиться от всех попыток карфагенян их добить и сбросить в море. Высланный за остатками римской армии флот (*впечатление от гибели армии Регула было столь ошеломляющим, что Рим не решился дальше продолжать борьбу с Карфагеном на его территории!*) по дороге домой попал в сильный шторм, и оставшиеся в живых римляне утонули у юго-восточных берегов Сицилии. Тогда неподалеку от города Камарины 284 корабля из 350–364 пошли на дно. Всего в тот день погибло около 100 тысяч (!) человек – гребцов и воинов! Двойная неудача – *разгром на суше и трагедия на море* – была серьезным ударом по военному престижу Рима, и ему предстояло напрячь все свои силы, чтобы удержать инициативу в своих руках.

...**Между прочим**, Регул не только погубил войско, но и сам оказался в плену, причем его дальнейшая судьба доподлинно неизвестна. По одной из версий, более похожей на красивую легенду, «раскрученную» последующими поколениями проримски настроенных историков, спустя годы он был отправлен в Рим с очередным посольством Карфагена о мире. Теперь его судьба зависела от успеха переговоров о мире. С него было взято клятвенное обещание, что, даже не заключив перемирия, он обязательно возвратится из Рима в Карфаген! Прибыв в Вечный город, Регул отказался вступить в город, так как, по обычаям предков, став по воле рока неприятельским послом, должен был быть выслушан за городом. Регул доложил сенату, что производить обмен военнопленных не следует, поскольку римляне-пленники проявили трусость и сдали оружие неприятелю, а значит, они недостойны сожаления и не могут с пользой служить отечеству. Тем более, убеждал Регул: многие военнопленные карфагеняне, вернувшись на родину, тут же снова возьмутся за оружие. Ни мира, ни перемирия заключать не нужно, потому что дела врага находятся в плачевном состоянии, следует его добить. Сам же Регул, верный своей клятве, возвратился в Карфаген, где и умер в... тюрьме. Его замучили, посадив в бочку, утыканную гвоздями. Где здесь вымысел, а где был – сейчас судить сложно. Кстати сказать, по некоторым данным, столь же туманна и роль спартамца Ксантиппа в победе карфагенян. К сожалению, его предшествующая и последующая деятельности нам доподлинно неизвестны. Скорее всего, это был типичный эллинский стратег-кондотьер, которых было так много в недавно закончившуюся эпоху войн диадохов. Когда почти сорок лет полководцы – соратники Александра Македонского ожесточенно воевали друг с другом по принципу «все против всех» и высококлассный наемник за очень большие деньги резал сначала одних, потом – других, затем опять – первых, потом – снова вторых и т. д., пока сам не отправлялся к праотцам. Кое-кто даже возвел сына Лакедемона в роль учителя пунов в полководческом искусстве, но некоторые из историков потом отрицали его весомую роль в том славном бою. Как обстояло дело на самом деле, сегодня неясно: то ли пуны, опасаясь возросшей популярности Ксантиппа, якобы «убрали» победоносного наемника, утопив его корабль по пути на родину, то ли он все же вовремя «поставил паруса, наполнил их попутным ветром» и благополучно отбыл восвояси. Важно другое: именно «с легкой руки» «понюхавшего пороху» Ксантиппа после тунетской победы ход Первой Пунической войны перестал столь однозначно складываться в пользу Рима...

В течение последующих 12 лет война шла с переменным успехом: римляне смогли преодолеть многолетний панический страх перед слонами, научились пугать их и обращать против самих же пунов.

Так новый римский консул, способный военачальник Цецилий Метелл дал врагу бой под сицилийским Панормом, но не на открытой местности, а на подступах к городу, где смог умело прикрыть большую часть своих войск городскими стенами. Атаковавший его Гасдрубал напал на выпущенных за пределы города римских стрелков и пращников. Постоянно лично Метеллом подкрепляемая из города легковооруженная римская пехота методично засыпала карфагенских слонов своими метательными снарядами, завлекая врага под городские стены. Римские легионеры «вспомнили» уроки войн со слонами Пирра и, когда те оказались в пределах досягаемости всех видов стрелкового оружия римлян, расположенного на городских стенах, на них обрушился такой шквал «огня», что обезумевшие от боли гиганты повернули вспять, давя следовавшую за ними свою собственную пехоту. Кое-кто из них скидывал своих седоков-вожатых, и 26 слонов попало в плен. Пунийские слоны превратились в большую опасность для собственной армии, и пуны отступили. Метелл воспользовался моментом и бросил вдогонку врагу все свои остальные силы, обратив его в повальное бегство. Захваченные в плен 120–130 вражеских слонов по возвращении Метелла в Рим были показаны им римскому плебсу в ходе роскошного триумфа как грандиозный трофей! Надо отдать должное римлянам, они никогда не пытались использовать свои живые трофеи на поле боя с карфагенянами, оставив их для выстулений в цирке.

Но скорого завершения войны не получилось!

Рим не только «завяз» в многолетней осаде сицилийского Лилибея (с 250 по 247 г. до н. э.), не только потерпел сокрушительное морское поражение при Дрепане (в 249 г. до н. э.), но и понес очень существенные людские потери. Силы не только Карфагена, но и Рима явно истощались. Военные действия протекали вяло: карфагеняне предпочитали отсиживаться в крепостях, а римляне лишь «топтались» под их стенами. Противостояние двух «хищников» явно затягивалась: «не было видно ни конца, ни края».

Правда, некоторое оживление в ход войны внес назначенный в 247 г. до н. э. главнокомандующим пунов молодой аристократ, энергичный и одаренный карфагенский полководец Гамилькар (*кое-кто считает, что правильнее – Адмикар*) (ок. 275–227 гг. до н. э.) – отец легендарного в будущем Ганнибала.

...**Кстати сказать**, карфагенские имена были теофорическими, т. е. с серьезным религиозным значением. Такие имена давались с надеждой на получение особой защиты от гнева богов. Так, имя *Гамилькар* означало, что его обладателю покровительствует бог Мелькарт...

Нам очень немного известно о его биографии до того, как он вышел на авансцену истории Средиземноморья той поры. Принято считать, что его семья принадлежала к высшей карфагенской знати и возводила свою родословную к одному из спутников Элиссы – легендарной основательницы Карфагена, после трагической гибели обожествленной. Мечтавший о господстве Карфагена во всем Средиземноморье, Гамилькар оказался непримиримым противником Рима. В проримски ориентированной исторической литературе он остался как суровый и жестокий, расчетливый и непреклонный курчавобородый солдат до мозга костей, выросший в условиях постоянных интриг, коррупции, смертельной вражды и отчаянной борьбы за власть, презиравший опасность и веривший только в свое воинское мастерство. При этом он никогда никого не посвящал в свои замыслы, чтобы противник не узнал о них, а его воины не были бы приведены в смятение размышлениями о тех опасностях, какие им предстоят. На долгие 20 лет он, приобретший в ходе боев на Сицилии богатый военный опыт,

не только станет лучшим пунийским полководцем, но и получит за стремительные наступательные действия грозное прозвище Барка («Молния»).

...**Между прочим**, не исключается, что на самом деле прозвище «Барка» отцу Ганнибала дали... классические античные авторы. Первым из них был знаменитый Полибий, который первым обозначил в своих трудах, что среди карфагенских вождей в Первой Пунической войне «величайшим вождем по уму и отваге должен быть признан Гамилькар, по прозвищу Барка». Это прозвище могло означать *блеск и удар молнии*. Скорее всего, оно произошло от блестящей тактики булавочных уколов, применяемой этим выдающимся полководцем против римлян...

Реорганизовав армию, укрепив дисциплину и хорошо обучив пехоту, Барка мертвой хваткой вцепился в клочок оставшейся на Сицилии во власти Карфагена земли, укрепившись на горном плато Эйркте (Эриксе) близ Панорма. Базой ему послужила трудно доступная крепость под названием «Темница», крутым уступом нависавшая над берегом и увенчанная очень высокой башенкой-донжоном. Целых семь лет он удерживал свои позиции, изматывая противника в упорных, жестоких стычках, совершая дерзкие набеги на побережье Южной Италии (*особо «полюбились» ему Калабрия и Локрида*), не потерпев при этом ни одного поражения. Но и кардинально переломить ход войны ему не удавалось: не хватало не столько полководческих дарований, сколько – военных ресурсов. К тому же оккупированные им горные склоны Эрикса позволяли эффективно защищаться, но не позволяли столь же успешно наступать: выигрывая тактически, Гамилькар проигрывал стратегически.

Понимая, что война не может быть окончена, пока карфагеняне остаются в Сицилии, на 23-м году боевых действий Рим попытался вырвать победу. На собранные с богатейших (*и не только!*) римских граждан деньги (*госказана была пуста!*) были построены 200 новых более легких и быстроходных пентер. Примечательно, что государство обязалось возместить расходы только в случае успешного исхода военно-морского похода. Быстро подготовили и обучили морские экипажи для рукопашного боя на палубах морских кораблей. Появление римского флота в водах Сицилии явилось полной неожиданностью для Карфагена. Гамилькар Барка оказался отрезанным от метрополии. Пунийские власти решили принять меры для того, чтобы вывести свои войска из Сицилии. К северным берегам острова был направлен карфагенский флот из 170 судов.

10 марта 241 г. до н. э. у Эгатских островов разыгралась решающая морская битва.

...*Снаряженные пунийцами корабли везли припасы, надеясь, тайно от римлян, доставить все необходимое осажденному Лилибею – главной военно-морской базе Карфагена на Сицилии, а потом соединиться с войском Гамилькара. Но консул Гай Лутаций Катул узнал их планы. Поэтому, несмотря на крайне неблагоприятный ветер, он решил срочно дать битву, пока карфагеняне еще не соединились с головорезами Гамилькара. Тяжелогрузные корабли пунов были неповоротливы, неманевренны, на веслах сидели плохо обученные гребцы, а воины-новобранцы были совсем не готовы к жестокой морской схватке. В то же время за годы войны римляне приобрели нужный опыт в ведении морских боев и, несмотря на неподходящий ветер и сильное волнение на море, смогли одержать верх. Двести судов Катула перехватили карфагенский караван с продовольствием и подкреплениями под началом Ганнона.*

Лутаций принял смелое решение: несмотря на неподходящий ветер и сильную волну, он стремительно атаковал врага, не дав ему избавиться от своего груза и взять на борт бойцов Гамилькара с их во всех отношениях самым грозным карфагенским военачальником – как на суше, так и на море!

Римские корабли, не имевшие на борту никакого груза и потому более маневренные, без труда взяли верх над противником: если верить римским источникам, 50 пунийских судов были затоплены, а еще 70 взяты в плен вместе с экипажем. Ганнон был разбит наголову. Хотя ему удалось бежать на родину с жалкими остатками своей флотилии, но за свое поражение он заплатил жизнью: разъяренные соотечественники, как это уже не раз раньше бывало с карфагенскими полководцами-неудачниками (вспомним участь Ганнибала, Ганнона и Гасдрубала!), распяли его на кресте... головой вниз! На море хозяйничали римляне, и Гамилькару Барке грозила капитуляция...

Ресурсы Карфагена оказались исчерпаны полностью – займа в Египте ему получить не удалось, надежд на восстановление морского могущества тоже не было. Пришлось карфагенянам срочно попросить у Рима мира, поручив его заключение Гамилькару Барке... стороннику продолжения войны. Гамилькар сумел выйти из сложнейшей ситуации с большим достоинством. На руку ему сыграло то, что одна из самых длительных и упорных войн в истории Древнего мира стала тягостной и для римлян. Они, как известно, за время Первой Пунической войны выстроили несколько (4?) флотов и из-за малого опыта в военно-морском деле потеряли их. Римские суда уступали карфагенским в быстроходности и маневренности. А морской бой той поры выигрывал тот, кто первый напал и успевал потопить вражеские корабли. К тому же морские офицеры, лоцманы и гребцы у карфагенян во многом превосходили римских. Если Карфаген лишился от 400 до 500 кораблей, то Рим – от 600 до 700 пятипалубных галер и около 1000 транспортных судов. Правда, основные потери Рима в кораблях все же произошли из-за непогоды. Людские потери в морских экипажах и вовсе вызывают изумление: более 200 тыс. человек?! При условии, что все население Италии той поры могло не намного превышать 3 млн человек, это очень много. Как результат, число мужчин призывного возраста, по данным проведенной переписи римского населения, уменьшилось на 50 тыс. человек.

Прекрасно осознавая, что полная победа для него сейчас невозможна, Рим, чья казна тоже была пуста, в лице консула Гая Лутация Катулла благоразумно пошел на заключение мира. По условиям мирного договора сначала Сицилия, а спустя некоторое время и Сардиния отошли к Риму. Сиракузы стали союзниками Рима, все его пленные были возвращены без выкупа. В то же время Карфаген должен был своих пленных выкупать и выплатить сразу контрибуцию в 1000 эвбейских талантов, а затем в течение 10 лет контрибуцию в 2200 талантов серебра (*сегодня это примерно 95 млн. долларов!*). Однако требование командующего римскими легионами в Сицилии Катулла сдать оружие и даже пройти под игом (*скрепченными копьями*) Гамилькар категорически отверг, заявив, что скорее умрет, чем вернется домой с позором. Он увел из Сицилии свою армию в полном боевом порядке, с оружием в руках, твердо намереваясь продолжить в будущем войну с Римом.

...**Кстати**, все эти условия поражают совершенно неожиданной для Рима мягкостью. Победенный Карфаген ценою полного отказа от Сардинии и Сицилии, которая, собственно говоря, никогда и не была целиком в его власти, сохранил не только независимость и все остальные владения в Западном Средиземноморье, но также и свое положение великой державы, т. е. он оставался грозным противником. Такой договор вызвал в Риме народное недовольство, но нашлись трезвые головы, напомнившие римлянам о трагической судьбе экспедиции консула Регула, в том числе и об участии ее неудачливого предводителя, и воинственные настроения римского плебса поутихли. Одной из причин, не позволивших Риму окончательно одержать верх над грозным врагом, принято считать отсутствие в их рядах действительно талантливого полководца, способного на неординарные решения в ходе непросто складывавшихся военных действий: более или

менее удачливые консулы Гай Дуилий, Атилий Регул, Цецилий Метелл, Гай Катулл все же были военными среднего дарования и не более того...

Так неоднозначно закончилась в 241 г. до н. э. начальная фаза (*позднее, как известно, названная Первой Пунической войной*) первой в истории человечества «Столетней войны». Наступила передышка длиной в 20 лет, когда условия мира то и дело нарушались то одной, то другой стороной, ведь взаимная ненависть и вражда все росли и множились.

...**Кстати**, Первая Пуническая война стала для Рима его первым шагом на пути завоевания мирового господства в том понимании, которое было присуще античному миру. Баланс сил в Средиземноморье был нарушен раз и навсегда. Шансы Рима в борьбе за гегемонию уже тогда казались многим предпочтительнее. Наиболее дальновидные государственные умы понимали, что римская экспансия уже вышла на просторы Средиземноморской ойкумены и не остановится, пока не приберет ее в свои руки! Другое дело, что отнюдь не все хотели мириться с таким положением дел...

Глава 6. Ливийская война, или Как Гамилькар Барка наемников усмирят

Если в Риме пышно отпраздновали триумф в честь победы над Карфагеном и образовали первые заморские провинции – Сицилию и Сардинию с Корсикой, превратив их в плацдарм для дальнейшей борьбы с пунами, то в Карфагене дела обстояли не так гладко. Здесь развернулась острая борьба политических группировок. Вернувшийся на родину Гамилькар Барка получил отставку: верх взяла враждебная его клану аристократическая партия во главе с Ганноном *Великим*, которому еще предстоит сыграть зловещую роль в судьбе как самого Гамилькара, так и его легендарного сына Ганнибала. Внутренние политические разборки карфагенской знати осложнились в 241 г. до н. э. кровавым бунтом наемников, вылившимся в трехлетнюю невероятно жестокую Ливийскую (или *Наемническую*) войну по всей стране.

...По одной из наиболее распространенных версий, началось все, как водится, с... мелкой скупости! Предстояло выдать жалованье и награды, обещанные Гамилькаром Баркой, примерно 20 тысячам наемников. Вернувшись в мирный Карфаген, эти хорошо вооруженные люди утратили всякое представление о дисциплине и порядке. Гамилькар прекрасно знал нравы своих наемников и нарочно отправлял своих бывших воинов небольшими партиями, дальновидно опасаясь их буйных выходок. Он поступал так, рассчитывая, что в Карфагене с каждой группой быстро расплатятся и отошлют на родину. (По другим данным, так поступал не Гамилькар, а комендант Лилибея Гискон; он же – Гискон, поскольку именно оттуда переправляли в Карфаген оставшиеся без дела наемные войска.) Но карфагенское правительство Ганнона сгубила жадность – оно не только без конца торговалось и оттягивало выдачу денег, оно замыслило заставить скопившуюся под Карфагеном в городе Сикке огромную стаю головорезов отказаться не только от наградных, но и большей части причитавшегося им жалованья за годы войны под началом Гамилькара. В результате нормальная жизнь в городе очень скоро оказалась нарушена. «Солдат всегда должен быть занят!», т. е. воевать или ежедневно тренироваться, совершенствуя свое профессиональное мастерство – «убивать, чтобы не быть убитым самому!» Когда этого не происходит, «военная машина начинает ржаветь», причем как в прямом, так и в переносном смысле! Предоставленные самим себе профессиональные головорезы пустились во все тяжкие: безделье и пьянство сделали их наглыми и алчными. Грабежи, убийства и насилия над мирными горожанами происходили не только ночью, но и среди бела дня. Никто не чувствовал себя в безопасности. А распоясавшаяся солдатня без конца высчитывала: сколько же им должны задолжавшие карфагеняне, и с каждым днем эта сумма все росла и росла.

Рассказывали, что когда высланный к ним на переговоры комендант Лилибея Гискон попытался урезонить солдатню, то лишь спровоцировал бурю негодования. Он обращался к бушующему морю разгневанных наемников – галлов и иберов, лигуров и балеаров, ливийцев и греков – на языке пунов, который они не понимали. Добровольцы-переводчики из числа самих солдат или их офицеров либо сами толком не разумели, что говорит им Гискон, либо намеренно искажали смысл его слов. Непонимание усиливало недоверие, вело к еще большим беспорядкам. Наемники резонно пришли к мысли, что их всех хотят «кинуть», и потребовали, чтобы к ним на переговоры прибыл верховодивший в Карфагене Ганнон, которого никто никогда не видел не только на поле брани, но и с оружием в руках! Гискон наконец понял, что лучше было бы сразу же заплатить все наемникам и не раздражать их мелочной скупостью, и даже начал это делать, но было уже поздно. Озверевшая солдатня сбила его с ног, заковала в цепи. А кассу разграбила...

Мающаяся от безделья, многотысячная озлобленная толпа наемников стала реальной угрозой могуществу и благополучию Карфагена, когда ее возглавили три испытанных воен-

ных вожака из числа своих рядовых вояк: хитроумный грек из италийской Кампании Спендий, силач и забияка, мужественный ливиец Матос (Мафос) и предводитель галлов Автарит, которые повели беспощадную войну на уничтожение. Им каким-то образом удалось не только объединить под своими «знаменами» всех шлявшихся вокруг Карфагена разноязычных отставных наемников (*очевидно, они умели говорить на простом, понятном каждому наемнику солдатском языке – по принципу «все мы живем одним днем»!*), но и перекрыть перешеек, связывавший Карфаген, расположенный на большом мысу, с остальной Африкой.

Так из типичного солдатского бунта, вызванного скаредностью карфагенских правителей, разрослось пламя крупного восстания, прозванного потом историками *Ливийская война!*

Никто из военачальников Карфагена – Ганнон (*позорно бежал из-под Утики*), Гискон (*погиб, зверски казненный бунтовщиками – его выставленный на всеобщее обозрение труп имел такой вид, словно его растерзали дикие звери*) – не преуспел в борьбе с почти 100-тысячной армией кровожадных мятежников. Большому Совету 104-х пришлось обратиться за помощью к своему лучшему полководцу Гамилькару Барке, уже давно скучавшему от бездействия. Последний, сосредоточив в своих руках всех завербованных им лично заморских наемников (всего около 10 тысяч проверенных бойцов), 70 слонов и заручившись поддержкой перешедшего на его сторону то ли царевича, то ли царя Нумидии Нараваса, которому он пообещал в жены свою младшую дочь, действовал решительно и стремительно, явно оправдывая свое прозвище «Молния»!

Первым делом он решил разблокировать пунийскую столицу!

Глубокой ночью он тихо переправился через никем не охраняемое устье реки Баграды (*по ночам ветер заносил ее устье песком и на ней появлялись броды*) и стремительно вышел в тыл повстанцам. Ловко сманеврировав, Гамилькар напал врасплох на 10-тысячный отряд мятежников, охранявший мост через перешеек, и нанес им жестокое поражение: только убитыми бунтовщики потеряли 6 тысяч человек! Так Барка сумел прорваться на континент и начать то, что сегодня на языке военных называется «зачисткой» незаконных бандформирований, т. е. мятежников. Планово уничтожая мелкие отряды восставших наемников, он сумел захватить плацдарм для дальнейшей борьбы с бунтовщиками. Этот маленький успех означал, что есть надежда на благополучный исход кровавого противостояния.

...**Между прочим**, может показаться парадоксальным, но Рим никак не использовал очень трудное положение, в котором оказался его злейший враг – Карфаген. Он ничего не предпринял, чтобы добить ослабленного противника. Римский сенат не чинил никаких препятствий своим купцам, снабжавшим Карфаген всем необходимым, но в то же время категорически запрещая им предлагать свои товары бунтовщикам. Они поспешили вернуть пунийцам ранее захваченных в ходе Первой Пунической войны пленников. Когда в Сардинии, принадлежавшей карфагенянам, восстали наемники, то Рим отказался их поддержать, хотя они очень на это рассчитывали. Эта удивительная «сдержанность» Рима может говорить в пользу того, что, несмотря все соперничество между обоими городами, и тут и там прекрасно понимали: угроза со стороны мятежников в Карфагене касалась не только его, но имела и международный характер! Бунт – штука заразная! И Риму с его многотысячными рабами надо было быть очень осторожным...

Дальше Гамилькар, используя слонов и 2 тысячи нумидийских всадников Нараваса, словно искусный шахматист, выдвигая вперед то одних, то других, планомерно – днем и ночью – уничтожал разрозненные отряды мятежников. Порой, действуя не только «кнутом, но и пряником», вербуя рядовых бунтовщиков к себе в армию либо отпуская их по домам,

предварительно взяв с них скрепленную кровью клятву никогда более не поднимать оружия против Карфагена и его, Гамилькара Барки лично! Наконец ему удалось выманить значительные силы Спендия на открытое пространство – в долину Пилы – и нанести им в большом полевом сражении крупное поражение, где кавалерия загнала их в ущелье Прион. Когда у бунтовщиков закончилась пища и они уже изнемогали от голода, слоны растоптали окруженных горами бунтовщиков. Памятуя о мучительной казни мятежниками Гискона и его офицеров (*им отрубили руки, перебили ноги и бросили умирать*), Гамилькар решил не оставаться в долгу у восставших и на жестокость решил ответить жестокостью, убивая пленных и бросая их на растерзание диким зверям. Всего якобы в той мясорубке полегло чуть ли не 40 тыс. восставших.

Молниеносные рейды нумидийской кавалерии Нараваса парализовали доставку продовольствия в лагерь отделившихся от Матоса Спендия и Автарита. Вскоре у заблокированных восставших закончилась еда, и они, по слухам, были вынуждены пустить в пищу вначале... пленных, а потом и своих рабов! Предводители бунта Спендий, Автарит и прикнувшийся к ним ливиец Зарзас, поняв, что выхода у них нет, вступили в переговоры с победоносным Гамилькаром. В карфагенском лагере, куда прибыли мятежные вожди и их «подельники», им устроили «самый радушный прием»: Гамилькар предложил, что он выберет несколько человек из числа мятежников и задержит их, а всех остальных отпустит на все четыре стороны. Выбора не было, и главари приняли его условие. Но едва лишь договор был скреплен клятвами, как Гамилькар объявил, что он выбрал... именно Автарита, Зарзаса и Спендия. Первых двух без лишних разговоров по его приказу затоптали боевыми слонами! (*Вот оно, чисто «пунийское вероломство» – выражение, вошедшее в древности в поговорку и так рьяно пропагандируемое проримски настроенными античными историками?*) Таким образом, всем остальным было наглядно показано, что их ждет!! Не мешкая, Гамилькар двинулся на отряд Матоса, засевшего в городе Тунете. Под его стенами он устроил очередную показательную казнь: до поры до времени оставленного в живых Спендия головой вниз распяли на кресте на глазах у его «соратника по бунту» Матоса. Последний оказался «парень не промах» и, неожиданно напав на один из отдельно стоявших отрядов Гамилькара, разбил его, а его беспечною начальника Ганнибала (тезку легендарного сына Гамилькара) – *на войне – как на войне (!)* – после изощренных мучений распял на том самом кресте, на котором совсем недавно погиб Спендий и его подельники. И все же в последовавшем решающем сражении у города Лептин Гамилькар, получив подкрепления из Карфагена от своего заклятого врага Ганнона *Великого (с которым он на время все же нашел общий язык)*, разгромил Матоса, рассеял его бунтовщиков, а самого ливийца жестоко казнил на главной площади Карфагена.

...**Между прочим**, именно в ходе Ливийской войны Гамилькар Барка сумел отточить свое полководческое мастерство. Ему противостояли закаленные вояки Матос, Спендий и Автарит, но они никогда ранее не командовали большими массами людей и владели тактикой локального боя, не умея мыслить стратегически. К тому же у них не было грозной ударной силы пунов – нумидийской кавалерии и боевых слонов. Последние именно в той войне показали себя с наилучшей стороны: они были максимально эффективны против сбившихся в неуправляемую кучу зажатых со всех сторон людей, а не мужественно державших правильный строй солдат, в частности, хорошо обученных римских легионеров. Затравленное людское «стадо» легко топталось озверевшим слоновьим стадом...

Усмирив продолжавшееся три года и три месяца восстание в 238 г. до н. э. и наведя порядок на родине, Гамилькар постепенно вернул жизнь в Карфагене в привычное русло.

Поддержанный народом и влиятельным в Большом Совете 104-х своим зятем Гасдрубалом *Красивым (Великолепным)* – вожаком демократических кругов, – он энергично вступил в политическую борьбу с кланом Ганнона *Великого*, ратовавшего за мирную политику в отношении Рима, и сумел получить полномочия бессрочного командующего армией, став своего рода почетным диктатором. Именно теперь Гамилькара почувствовал себя настоящим солдатским вожаком и решил в будущем рассчитывать только на своих воинов. Воинственный Барка мечтал восстановить силы отечества и отомстить Риму за потерю Сицилии с Корсикой.

Очередная схватка двух самых крупных «хищников» Средиземноморья той поры была не за горами!

Часть II. Как Баркиды новую войну готовили

Глава 1. Гамилькар в Испании

Задумывая войну с Римом, сначала Гамилькар решил покорить Испанию (*в древности она называлась Иберией*), – населенную полудикими отважными племенами и богатую на серебряные и медные рудники. Ей предстояло стать своего рода арсеналом для борьбы с Римом, который в то время был занят решением многих проблем: усмирением своих североиталийских соседей – лигуров, покорением иллирийцев на Балканах и возросшей враждой с Македонией. Карфаген уже давно владел торговым портом на юго-западном побережье Иберии – Гадесом (ныне Кадис), но нигде в глубь страны так и не проник. Для этого он сформировал отборное войско из 17–20 тыс. ливийской пехоты и 2–3 тыс. нумидийской конницы и неизвестного нам количества боевых слонов. Отправляясь в 237 г. до н. э. в поход, Гамилькар взял с собой не только зятя Гасдрубала Красивого (*по карфагенскому обычаю зять должен был жить в семье тестя*), но и сыновей, в том числе своего старшего сына девятилетнего Ганнибала, будущего одного из трех самых легендарных, наряду с Александром Македонским и Юлием Цезарем, полководцев Древнего мира. Мальчишкам надлежало приобрести бесценный опыт, столь необходимый для успешной войны с заклятым врагом их отца и родины – Римом!

...**Кстати**, клан Ганнона (*или, как его еще иногда называли, Ганнонов*) был не против отъезда Гамилькара в далекую Испанию, поскольку таким образом удалялся из Карфагена опасный своей возросшей популярностью амбициозный полководец. Поддерживая идею захвата богатых иберийских земель, Ганнон и его сторонники прекрасно понимали, что иберийские богатства укрепят положение не только самого Карфагена, но, несомненно, и всех Баркидов. В то же время они, естественно, надеялись, что, покоря воинственные иберийские племена, лихой Гамилькар сложит на чужбине голову и, как говорят в таких случаях: «нет человека – нет проблемы». Отчасти их ожидания оправдаются! Но только отчасти...

...**Ганнибал** (248/246; *последняя дата кажется многим историкам более предпочтительной* – 183 г. до н. э.) был первым сыном Гамилькара Барки, уже имевшего трех дочерей.

Сестры Ганнибала, чьи имена и возраст остались нам неизвестны, – каждая по-своему – вошли в историю. Старшая вышла замуж за суффета (высшее должностное лицо) Карфагена, флотоводца Бомилькара, и их сын Ганнон станет известным кавалерийским командиром, окажется на военной службе под началом своего великого дяди, внося немалый вклад в его победу в знаменитой битве при Каннах. Средняя сестра стала женой популярного влиятельного политика и полководца Гасдрубала Красивого, но она умерла молодой, и отправившийся вместе с тестем в Испанию Гасдрубал вскоре женился по дипломатическим соображениям вторым браком на местной принцессе. И, наконец, третья сестра, сосватанная за нумидийского царька Нараваса, более известна благодаря перу французского писателя Флобера, обессмертившего ее под именем Саламбо в своем одноименном произведении.

А вот о матери Ганнибала нам не известно ничего.

Первенца Гамилькара нарекли в честь покойного деда – ярого сторонника величия Карфагена – Ганнибалом (Ханнибаалом), что по-финикийски примерно означает – «пользующийся милостью Баала». (*Главного бога пунов звали Баал-Хаммоном или Ваалхаммоном.*) У Ганнибала было два младших брата, причем разница в возрасте между всеми ними была

очень небольшая. Их отец возлагал на своих отпрысков серьезные надежды. Молва гласила, что однажды, глядя, как они увлеченно играли в «войнушку», он радостно воскликнул: «Вот львята, которых я ращу на погибель Риму!» Но судьба распорядилась иначе.

Средний брат Гасдрубал (в переводе с финикийского – «мне помогает Баал») (244–207 гг. до н. э.) – слыл человеком импульсивным и стремительным, но не столь уверенным в себе, как его старший брат. Во время легендарного похода его старшего брата в Италию именно он возглавит командование войсками в Испании и будет убит в 207 году в битве на берегах Метавра, спеша на выручку брату, запертому римлянами в южной оконечности Апеннинского полуострова.

Всего на несколько лет переживет Гасдрубала младший брат Магон («подарок») (240/239—203 гг. до н. э.) – еще один отчаянный смельчак и любимец солдат. Судя по всему, Магон был многогранной личностью: природа щедро одарила его талантами мирного характера – градостроения, торговли и управления. Но развязанная его старшим братом затяжная война заставит и его часто сражаться плечом к плечу с ним, а в самом конце 15-летнего похода Ганнибала в Италию он умрет от тяжелой раны в 203 году по пути домой в Средиземном море. Такова участь (*может быть, карма?*) братьев великого Ганнибала...

...**Между прочим**, с отъездом Гамилькара в Испанию связана одна очень популярная и красивая легенда, более известная в истории и литературе как «клятва Ганнибала». Перед отъездом из Карфагена Гамилькар, как положено, принес жертвы богам и, приведя малолетнего Ганнибала в храм, заставил поклясться на алтаре, что он вечно будет бороться с римлянами и никогда не помирится с ними. (*Потом такую же клятву дадут своему отцу и младшие братья Ганнибала!*) Этой клятве Ганнибал был верен до гроба и впервые поведал о ней постороннему человеку только на закате своих дней в 193 г. до н. э. укрывшему его от происков Рима Антиоху III...

...И вот настал день и час, когда наконец все было готово к отплытию в Испанию. Ранней весной лоцманы вывели эскадру Гамилькара на рейд. Матросы вскарабкались на реи, чтобы поднять паруса. Гребцы подняли весла, готовясь по команде опустить их в воду и под мерное ритмичное пение, помогавшее грести, начать свою тяжелую и нудную работу – гнать корабль в открытое море.

Маленький Ганнибал с восторгом наблюдал, как постепенно исчезала в синеве неба красная кромка берега. Тогда он и не предполагал, вернее не мог и подумать, что пройдет без малого тридцать пять лет, прежде чем ему снова доведется увидеть эти берега и ступить на родную землю.

Шесть дней эскадра плыла на запад против господствующего ветра, стараясь не приближаться в зону видимости с африканского побережья. Гамилькар при всей его воинственности и бесстрашии сейчас, когда вершилось дело всей его жизни и ему абсолютно не нужно было, чтобы римские шпионы раньше времени узнали, куда ушли его корабли, мудро следовал поговорке «береженого – Бог бережет!». Но вот позади оказались Геркулесовы (Геракловы) столбы (теперь это Гибралтарский пролив), и корабли круто повернули на север.

Вскоре на горизонте появились очертания скалистого полуострова, а на нем виднелись постройки города Гадеса. Города еще более древнего, чем Карфаген и вместе с тем очень на него похожее. В прекрасной глубоководной гавани стояли на якорях большие парусники, и лишь прибой мерно покачивал их. Гамилькар и его люди оказались там, куда так стремились – на испанской земле. Теперь им оставалось лишь не терять времени даром и освоить

Иберийский полуостров раньше, чем сюда доберутся «длинные руки» жадного до чужих богатств Рима...

За долгие годы «огнем и мечом» Гамилькар вместе со своим зятем и заместителем Гасдрубалом Красивым завоевал половину Испании – до реки Ибер (современная Эбро) и тем самым с лихвой компенсировал потерю Сицилии с Корсикой и Сардинией. Более того, он основал новый крупный город Акра-Левке, или *Белая Крепость* (совр. Аликанте) на юго-восточном побережье Иберии. По сути дела он сменил прежнюю базу Гадес на юго-западном побережье полуострова, став опорным пунктом связи с метрополией. Если простых иберийских воинов он либо отпускал на все четыре стороны, либо заманивал щедрыми подарками в ряды своих наемников, то с их вождями расправлялся быстро и жестоко: ослеплял, колесовал, сжигал половые органы и под конец распинал окровавленный кусок мяса, который еще совсем недавно назывался... человеком. Так, например, он поступил с доставившим ему много неприятностей мятежным вождем Индортой. Таким образом, он наглядно давал понять, что ждет воинов и какова участь их вождей! По крайней мере, так описывает завоевание Иберии Гамилькаром римская традиция!

Обеспокоенный боевыми успехами Гамилькара – ведь Иберия превращалась в мощную базу возрождения могущества Карфагена, в 231 г. до н. э. Рим отправил к Барке свое посольство. Дальновидный карфагенянин спокойно, но не без иронии разъяснил, что его завоевания на Пиренейском полуострове остро необходимы Карфагену для... уплаты контрибуции могущественному Риму. Рим скорее всего не поверил, но вмешаться не смог, скованный волнениями галлов на севере Италии и назревавшей новой войной с воинственным иллирийским царем Скердилайдой. Временно «успокоив» заклятого врага, Гамилькар как ни в чем не бывало продолжил захват Иберии. Против особо строптивых он действовал по одному и тому же хорошо проверенному «рецепту»: высылал вперед десятка два своих слонов в кожаных боевых доспехах. Невиданные лесные гиганты всегда оказывали шокирующее действие на незнакомых с ними людей. И лошади тоже их пугались. Дикие туземные орды таяли, а их земли переходили в руки карфагенян. В карфагенскую казну потекло рекой серебро и золото богатых испанских рудников, карфагенские войска пополнились воинственными иберийскими наемниками.

Однако использовать накопившиеся силы против Рима Гамилькар не успел – трагическая случайность подстерегла его зимой 228/229 г. до н. э.

...**Между прочим**, обстоятельства гибели Гамилькара Барки окутаны туманом легенд, порой невероятно эффектных. Так, якобы иберы, доверху нагрузив повозки хворостом, впрягли в них быков и окружили небольшой отряд карфагенских солдат во время марша. Запалив хворост, иберы сожгли всех карфагенян, включая их знаменитого предводителя. Всерьез принимать такие «театральные» версии гибели многоопытного Гамилькара не приходится...

Одна из наиболее известных версий не исключает, что, спеша на помощь своему зятю Гасдрубалу, осаждавшему один из иберийских городов в глубине материка, Гамилькар мог попасть в хитроумную ловушку, устроенную ему воинственным царьком племени ориссов (оретанов), обитавшего на плоскогорьях Ламанчи.

Вот как это могло произойти:

...Лесная дорога нескончаемой лентой вилась среди скал и ущелий этой горной страны. Крупный отряд карфагенских всадников осторожно продвигался сквозь лесную чащу...

Полдень. Солнце стояло в зените. Жара. Липкий пот струился по разгоряченным телам под доспехами и шлемами завоевателей. Самое время расслабиться, но нет, нельзя!

Не было на то команды их вожака – хитроумного матерого «волка» – ехавшего в голове колонны, змеей извивавшейся по полотну дороги. Обильная седина в волосах и курчавой бороде свидетельствовала о непростой жизни человека, много повидавшего и пережившего. Ветеран многих походов и сражений, он был недоверчив и скрытен. Вот и сегодня, продвигаясь со своим передовым отрядом в глубь враждебной ему страны, имея много людей и даже огромную свору боевых псов, он все-таки выслал вперед разведку, ни на минуту никому не позволяя расслабиться и утратить боевую готовность. Все может случиться в этом краю – пусть сказочном, но варварском и враждебном. И он не для того пришел сюда со своими юными сыновьями, за долгие годы преодолев столько преград и лишений, чтобы погибнуть от нелепой случайности! Бдительность и еще раз бдительность!

...Кругом ни души. А тишина такая, какая бывает только в горах. Монотонный стук копыт, тихое ржание боевых коней, позвякивание металлических частей сбруи, поскрипывание кожи...

И вдруг – страшный грохот камнепада, внезапно сорвавшегося с отвесных скал, нависающих над дорогой. Начался ужасающий обвал, похожий на конец света. Гигантские обломки скал обрушивались вниз. Сверху запели вражеские стрелы, засвистели камни пращников, разя лошадей, собак, людей. Чудесная горная тишина оказалась для карфагенян обманчивой!..

Спасая сыновей – Ганнибала и Гасдрубала-младшего (сыновья очень рано стали сопровождать отца в его военных походах, познавая «почем фунт лиха») – от преследования, Гамилькар на одном из поворотов горной дороги крикнул им свернуть в одну сторону, а сам, чуть задержавшись, увел гнавшуюся погоню за собой. Ему еще удалось добраться до горной реки Хукар, но там его все же настигли. Приняв неравный бой, Гамилькар утонул в реке. Если верить источникам, то так трагично оборвался через девять лет после его прибытия в Испанию земной путь 50/51-летнего (?) Гамилькара Барки – самого знаменитого полководца в истории Карфагена до и после его легендарного сына Ганнибала. Зато сыновья его спаслись и укрылись в Аква Левке. Как знать, проживи Гамилькар дольше, затеяли бы карфагеняне под его началом войну в Италии, которую они развязали там под командованием Ганнибала?! Так или иначе, но по сути дела именно Гамилькар Барка спас Карфаген, вернув ему после поражения в Первой Пунической войне экономическую и военную мощь. Более того, дальновидно подготовил для дальнейшей борьбы с Римом плацдарм в виде Иберии.

...Кстати, ходили слухи, будто бы после трагической гибели отца Ганнибал вместе с братьями покинул Иберию и даже вернулся в Карфаген. Доподлинно нам это неизвестно. Можно только предполагать, что то ли зять Гамилькара Гасдрубал Красивый опасался за жизнь братьев супруги, то ли предпочел на время, хотя бы на несколько лет, убрать от себя подальше старшего из племянников – опасного претендента на власть в Иберии. Второе предположение кажется более вероятным. Хоть Гасдрубал Красивый и стал после неожиданной смерти тестя главой баркидской партии в Карфагене, но уже известные гамилькаровским солдатам храбрость и осмотрительность, выдержка и неутомимость, неприхотливость и решительность делали старшего сына их покойного вожака своим в солдатской среде, и очень скоро Ганнибал вполне мог претендовать на ведущие роли в армии. Но тогда после гибели Гамилькара его старшему сыну было лишь около семнадцати лет и, даже обладая неким военным опытом, на руководство отцовским войском он еще не замахивался. Так или иначе, но после пяти лет пребывания на родине (если он там, конечно, был?), где он вполне мог изучать премудрости политического противостояния Баркидов Ганнону, имя Ганнибала снова на слуху (он возвращается в Иберию?), и

он уже возглавляет пунийскую кавалерию. Не за горами тот исторический момент, когда он возглавит и всю карфагенскую армию...

Глава 2. Гасдрубал Красивый, или Смерть на взлете

На военном совете карфагенской армии, осиротевшей без своего многоопытного и многолетнего вождя, по единодушному решению карфагенских военачальников-аристократов ее возглавил зять погибшего Гамилькара и его заместитель, опытный военный и прирожденный дипломат Гасдрубал Красивый. Долгие годы он был правой рукой своего тестя. Армия его хорошо знала: он не только успешно руководил флотом Гамилькара, но принимал участие почти во всех сражениях в Испании. Сохранились у него и нужные связи и влиятельные друзья в Большом Совете 104-х, которых он постоянно «подкармливал» драгоценными дарами, добытыми в недрах богатой Иберии. Его кандидатура без препон прошла утверждение в указанном карфагенском совете. Семь лет он успешно продолжал опасное дело погибшего тестя – покорял воинственные иберийские племена. Благодаря испанскому серебру и золоту он значительно увеличил свою наемную армию: «под ружьем» у него оказалось от 50 до 60 тысяч пехоты, 6–8 тысяч кавалерии и чуть ли не 200 (!) слонов – самого сколь грозного, но и столь непредсказуемого оружия той поры. Первым делом он разделался с ориссами (оретанами) и их коварным царем за гибель своего тестя. Беспощадная резня прекратила существование этого племени в дремучих лесах горной Иберии. Он умело укреплял карфагенское господство в Испании не только силой оружия, но и, стремясь избегать ошибок, допущенных его более прямолинейным тестем, больше действовал путем дипломатии. И, надо сказать, что, делая упор в политике «кнута и пряника» на второй компонент, он преуспел больше, чем покойный Гамилькар – воин до мозга костей. Гасдрубал Красивый закреплял дружбу с иберийскими вождями, засыпая их дорогими подарками, а овдовев после смерти жены – второй дочери Гамилькара – Гасдрубал, как говорят в таких случаях, «сделал ход конем»: он женился на дочери одного из самых влиятельных местных царьков. Этот продуманный шаг позволил ему стать «своим» среди иберийской знати и значительно облегчил положение карфагенян в Иберии. Гасдрубал не только успешно воевал и устанавливал дипломатические союзы, но зарекомендовал себя и как градостроитель. Именно благодаря его огромным усилиям в 227 г. до н. э. на карте Испании появился ее крупнейший город той поры – Новый Карфаген (Nova Cartago; современная Картахена) в Андалусии. Место его расположения было гораздо выгоднее, чем у тестевой Аква Левке. Новый Карфаген располагался на четырех холмах, возвышавшихся над полуостровом, окруженным морем с юга и с запада, а с севера – лагуной. С материком его связывала узкая – наподобие дамбы – дорога. На западном холме находилась мощная крепость, взять которую было почти нереально. Именно отсюда можно было продолжить планомерное завоевание всей Иберии.

Вскоре Гасдрубал разбогател настолько, что уже мог себе позволить чеканить собственную серебряную монету. Очень скоро этот, очень похожий на Карфаген, портовый город разросся настолько, что вызвал пристальное внимание Рима, и его наблюдательные шпионы поспешили доложить, что Nova Cartago – это форпост Гасдрубала для его дальнейшего продвижения на север Иберийского полуострова. И в 226 г. до н. э., науськанные греческими колонистами из Массилии, римские послы прибывают в Иберию, на этот раз к Гасдрубалу с требованием не пересекать линию реки Эбро (Ибер) с оружием в руках, поскольку за ней располагается сфера римских интересов. Желая выиграть время и лучше подготовиться к неминуемому вооруженному выяснению отношений, Гасдрубал благоразумно дает обещание.

...**Между прочим**, мирный договор был тогда выгоден обеим сторонам: с одной стороны, де-факто Гасдрубал получил согласие Рима на уже завоеванные иберийские территории и мог дальше продолжать покорять иберов в пределах Эбро, более того, в мирных (торговых) целях

мог переправляться через эту реку; с другой – у римлян оказались развязаны руки для борьбы с возникшей у них на севере Италии галльской угрозой. Придерживаясь своего традиционного правила «разделяй и властвуй», римляне мастерски разобшили союз галльских племен, заполучили в свои ряды 20 тысяч воинов венетов и кеноманов и отогнали не покорившихся им инсубров назад к Альпам. Кроме того, обострились отношения Рима и с Иллирией. В общем, в тот момент римлянам было не до Испании. Но, так или иначе, искусство римской дипломатии и на этот раз сыграло свою весомую роль в росте могущества Вечного города. Любопытно, но вопрос об этом договоре Рима и Карфагена потом не единожды обсуждался историками. И вот почему! Всех интересовал один весьма запутанный пункт в том старинном договоре. Речь шла о крупном городе на восточном побережье Иберийского полуострова – Сагунте (Заканфе или Закинфе), *который находился на территории южнее реки Эбро, т. е. согласно договору с Римом в пределах карфагенских интересов!* Этот город имел очень важное стратегическое значение, поскольку контролировал важнейшие торговые пути, шедшие из глубин Иберии на центральное побережье. Нам доподлинно неизвестен текст карфагено-римского соглашения по Сагунту. Хотя римляне позже настаивали, что по договору с Гасдрубалом Красивым карфагеняне не имели права нападать на Сагунт. Но, в свою очередь, пуны утверждали, что речь шла только о союзниках Рима, а когда договор заключался – никакого союза Рима с Сагунтом не было. Так что римляне сами нарушили договор, когда силой добились от сагунтских властей заключения этого союза. Кроме того, пуны веско аргументировали, что договор был заключен между *Гасдрубалом Красивым и Римом*, а не между **Римом и Карфагеном**. Более того, не исключено, что Гасдрубал дал римлянам всего лишь одностороннюю клятву или, как говорили карфагеняне, «берит» (завет). Условия этой клятвы касались только того, кто ее дал, но не его преемников и тем более не всех пунов и, в частности, не карфагенского правительства. Значит, после смерти Гасдрубала Карфаген имел полное право не считать этот договор официальным документом. Так или иначе, но сегодня трудно выяснить, кто прав – кто виноват. Но когда спустя годы последователь Гасдрубала Ганнибал напал на Сагунт, Рим счел это поводом для начала... войны.

Подобно своему покойному тестю, Гасдрубал был сильной многогранной личностью и, очевидно, смог бы добиться еще большего, но и его подстерегла смерть. Ходили слухи, что и тут не обошлось без «длинной руки» могущественного Рима, но так ли это, нам осталось неизвестно. До нас дошло несколько версий его гибели, но все они сводятся к одному: Гасдрубал заплатил жизнью за нанесенные кому-то личные обиды.

По одной из версий, трагедия случилась в 221 г. до н. э. на охоте, которую Гасдрубал так любил.

...Затравленный егерями кабан оказался матерым вепрем. Гасдрубал уже перехватил поудобнее дротик, чтобы прицельно метнуть его в бок разъяренному лесному великану...

Внезапно один из окружавших его всадников – юный оруженосец небольшого росточка в шлеме с опущенным забралом, верхом на маленькой и изящной лошадке – стремительно направился вперед. Мгновение, и он уже сбоку от замахнувшегося Гасдрубала...

Тускло сверкнул в лесной мгле меч, и Гасдрубал грузно осел на коне; руки его безвольно повисли; выпавший из разжавшихся пальцев дротик глухо звякнул о камень. Испуганный конь рванулся вперед и понес мертвое тело карфагенского вождя в лесную чащу...

Ошеломленная свита не сразу кинулась вдогонку за убийцей Гасдрубала. Каково было их изумление, когда пойманный злодей оказался переодетой... девушкой, ловко скрывавшей под большим военным шлемом длинные волосы, а широкой охотничьей туникой выпуклые женские пропорции!

Разъяренные солдаты сорвали с нее одежду и сразу бросилась в глаза обнаженная красота ее хрупкой, стройной и миниатюрной фигуры!

Талия была так тонка, что, казалось, ее можно было охватить двумя пальцами. Скульптурные формы девушки привлекали и останавливали на себе любой мужской взор. Грудь ее была еще явно не испорчена материнством – упруга и высока! Особая пышность ее никак не вязалась с очень тонкой талией, но это лишь придавало ей еще больше привлекательности. Точеные руки и ноги казались небольшими, но вместе с тем полными силы и ловкости.

Необыкновенной, запоминающейся красоты лицо ласкало взор смугловато-оливковой кожей, оттененной сильным румянцем. Изящной формы лоб обрамляли витые кольца пушистых волос цвета воронова крыла. Огромные миндалевидные глаза редкого для брюнетки цвета морской волны горели огнем и непреодолимо влекли к себе любого, кто оказывался под их испытующе-завораживающим взором. Маленький, нежно очерченный носик с чуть-чуть вздернутым кончиком как бы подчеркивал выражение дерзкой смелости, запечатлевшейся в ее чертах. Меж полуоткрытых, чувственных и слегка влажных пунцовых губ сверкали белоснежные зубы – настоящие жемчужины, соперничавшие прелестью с изящным, но твердым подбородком.

Девушке было не более двадцати лет. Она была так хороша собой; в ней все так прельщало и манило, что окружившие ее плотным кольцом карфагенские наемники с наслаждением лицезрели ее чудесную красоту, забыв на время, что она... убийца их предводителя!

Особо ласкали их многообещающие взоры три искусные эротические татуировки, украшавшие девушку в... интимных местах! Из пупка вниз по плоскому животу, затайливо извиваясь под тоненькой волосяной «стружкой» – наглядным «знаком-признаком» особой страстности женской натуры – устремлялась кроваво-красная змейка, стыдливо-соблазнительно прячась своей маленькой головкой где-то в Венерином холмике, скрывавшем девичье лоно! А под ложбинкой между двумя выпуклыми полукружьями близко расположенных грушевидных грудей с очень длинными сосками трепетно раскинула крылышки маленькая сине-зеленая птичка, едва заметная на смуглой коже! И наконец, под крестцом, там, где он плавно переходил в две пышные половинки очаровательного «нижнего бюста», распласталась огромная черная бабочка. Татуировка была нанесена и расположена так искусно, что при движении ягодиц создавалось полное впечатление: бабочка хлопает крыльями и вот-вот взлетит!

Что-то демонически-притягивающее, чертовски-сексуальное было во всем ее образе-облике! В общем – ни дать ни взять, Анжелина Джоли той поры во плоти и наяву – и вечно голодной до утех солдатне было на что поглазеть и о чем помечтать...

Но вскоре восторг любования этим аппетитно-откровенным воплощением секса прошел и началось самое страшное для прекрасной пленницы: допрос с пристрастием...

Уже под пытками она призналась, что происходит из покоренного андалусийского Кастуллона. Жгучая брюнетка-красотка по имени Имилька поклялась отомстить вождю чужеземцев за гибель ее семьи, вырезанной карфагенскими наемниками от мала до велика и групповое насилие над ней самой! Чудо, что она тогда выжила после того, как три десятка пьяной солдатни, грубо распластав ее на полугнилой вонючей винной бочке в темном сыром сарае ненасытно, сменяя друг дружку, по-скотски рвали ее неразогретое девичье лоно...

И ей это удалось. Она легко соблазнила одного из похотливых юнцов-оруженосцев Гасдрубала. Коварно заколола его в минуту интимной близости, переделась в карфагенское мужское платье и шлем и неопознанной оказалась на охоте. Дальше ей оставалось только не струсить и улучшить момент...

Карающий меч возмездия за грабежи и насилия карфагенских солдат в Испании настиг Гасдрубала там, где он меньше всего это ожидал. Смертельный удар нанесла на охоте недогнущая рука обесчещенной женщины...

Озверевшая солдатня уже готовилась надругаться над бесстрашной мстительницей прямо на месте убийства их любимого полководца и, вдоволь натешившись ее божественно-красивым телом, распять вниз головой на вековом дубе в лесной чаще. Казалось, никто и ничто не сможет им помешать осуществить свой смертный приговор...

Но нашелся человек, который сумел подчинить их своей воле и отменил казнь. Как ближайший родственник погибшего Гасдрубала он имел право решить судьбу убийцы. И он сполна воспользовался своей привилегией. Девушку оставили в живых и даже отпустили на волю...

Человека, спасшего ей жизнь, звали... Ганнибал. Он был на той злополучной охоте, но в момент трагедии, случившейся с Гасдрубалом, отвлекся на другого вепря и подоспел, когда все было кончено. Его горячо любимый и почитаемый друг, заменивший ему отца и наставника, уже ушел в Царство теней и безмолвия – испустил дух...

Доподлинно неизвестно, почему Ганнибал вступился за девушку-убийцу...

Остается лишь гадать: то ли его, человека отчаянно смелого и находчивого, поразили решительность и бесстрашие этой большеглазой брюнетки, ее жажда мести, желание погибнуть за родину, то ли он увидел в ее не затуманенном страхом взоре широко открытых прозрачно-зеленых глаз что-то такое, что заставило дрогнуть даже его начавшее черстветь солдатское сердце, то ли еще что-то «такое»...

Но он не побоялся пойти наперекор желанию разгоряченной солдатни распять злодейку и навязал им свою волю. Как вскоре оказалось, непреклонную волю великого вождя и гениального полководца. Ганнибал даже не спросил, как звали девушку, он лишь приказал дать ей коня и отпустить на все четыре стороны. Тогда он не думал, что они еще встретятся, и их судьбы переплетутся, но не надолго, а развязка будет трагична...

Для Имильки она окажется мучительно-кровавой, а у Ганнибала навсегда останется рубец на сердце от... ее суперэротичных – «кроваво-красной змейки», «трепещущей пташки» и «порхающей бабочки»...

Глава 3. В начале славных дел, или Ганнибал в Испании

После неожиданной смерти Гасдрубала осиротевшая было в очередной раз армия увидела в старшем сыне Барки 25/26-летнем Ганнибале сильного вождя и, недолго думая, выбрала его своим командующим. Сын Гамилькара имел все основания рассчитывать на поддержку армии, созданной его отцом и зятем. Тем более что он уже как три года был начальником конницы (*то ли какой-то ее части?*) в армии пунов и успел зарекомендовать себя с самой наилучшей стороны. Наемники, составлявшие ее основу, чувствовали себя связанными не столько с Карфагеном, сколько с династией удачливых полководцев из клана Баркидов, регулярно плативших жалованье, щедро делившихся богатой добычей и «закрывавших глаза» на грабеж и насилие покоренных племен. Их решение определялось уверенностью в том, что и при Ганнибале все будет по-прежнему.

Вполне понятно, что этот выбор вызвал горячие споры в далеком Карфагене. Неудачливый «соратник» покойного Гамилькара Барки по борьбе с мятежом наемников в Карфагене, ярый «антибаркид» и «голубь мира» Ганнон *Великий* – лидер «африканской» партии в Большом Совете 104-х строил козни молодому Ганнибалу. Он упирал на то, что покойный Гасдрубал Красивый никогда не был суфжетом Карфагена, а потому не имел права на верховную власть в Испании, где повел себя как настоящий царь-самодержец. А Ганнибал тем более никому не известен. Прежде чем доверить ему командование в столь важной колонии Карфагена, его следует вызвать в Карфаген, чтобы выяснить его намерения! Но полноводной рекой текшие из Иберии богатства – драгоценные металлы и зерно – сильно повлияли на исход голосования в Большом Совете 104-х. Подавляющее большинство проголосовало за никому не известного Ганнибала. Исторический выбор был сделан, и оставалось только ждать, к чему он приведет.

Как очень скоро выяснится: Карфаген ждала новая война. Начавшись далеко за его пределами, она спустя долгие-долгие годы завершится под его стенами.

...**Между прочим**, почти не сохранились достоверные сведения не только о дате рождения, но и о детстве и юности Ганнибала. Значительная часть его жизни как бы окутана завесой тайны. *С одной стороны*, причины этого кроются в том, что он, как и большинство карфагенян, был весьма скрытным человеком, который вел мало записей. *С другой стороны*, записи двух секретарей, очевидно, греков по происхождению, сопровождавших Ганнибала, были уничтожены или потеряны. Уцелели лишь фрагменты, которые талантливые римские историки переписали в духе борьбы с Ганнибалом как самым опасным врагом в истории римского народа – **Врагом № 1!** В основном на них и приходится опираться в своих «реконструкциях» пытливым современным исследователям, не всегда согласным с проримской трактовкой тех или иных событий из жизни и деятельности этого гениального полководца. Сведениями собственно карфагенских историков мы не располагаем, как, впрочем, и теми, чьи авторы сочувствовали карфагенянам. Если все это так, то восстановить утраченную информацию зачастую невозможно. Кроме того, не сохранилось ни одного изображения Ганнибала ни в бронзе, ни в мраморе, которое однозначно можно было бы считать подлинным. Считается, что римляне сознательно ликвидировали все его скульптурные и живописные изображения. Более того, «исчезли» чуть ли не все описания его внешности и характера из литературы и даже из поэзии.

Судя по всему, нам не дано узнать, **каким был Ганнибал на самом деле, кроме его военного гения, который «замолчать» было невозможно!** Все остальное, что до нас дошло о нем, скорее относится к области фантазии или, в лучшем случае, предположений. Так или иначе, но читателям приходится либо становиться на точку зрения римлян, в конце концов одолевших своего действительно **Врага № 1**, либо... Вот об этом-то следует помнить всегда...

...С детства судьба устраивала Ганнибалу суровые испытания. Античная традиция утверждает, что боги карфагенян отличались свирепостью и требовали... человеческих жертвоприношений. Ежегодно в жертву могущественному богу пунов Баалу-Хаммону (Ваалхаммону) сжигали человека, ему отдавали самых красивых пленных. Но всего этого было мало – божество требовало самой страшной жертвы. Каждая семья должна была отдать богу первенца, младенца-мальчика. В дни общественных потрясений и национальных бедствий сжигали разом сотню детей! Рекорд равнялся 500 малолетних жертв! Детей заживо сжигали в полый медной статуе бога Баала, стоявшей на главной площади Карфагена: через ее полые руки несчастный ребенок скатывался в огнедышащее чрево. Но было видно, как огонь начинал пожирать его тельце, а гримасы боли искажали его рот так, что казалось – он смеется. «Смех» и запах горящего мяса утоляли гнев божества, а звуки труб и флейт покрывали вопли и визги безвинных младенцев. Праздник считался столь почитаемым, что матерям сжигаемых первенцев полагалось непременно «держат марку»: улыбаться и быть красиво одетыми...

...**Кстати**, некоторые исследователи полагают, что пунийцы действительно отличались совершенно особым религиозным иступлением, в частности, самоуродованием и самооскоплением жрецов, а в жрицы допускались лишь... прожженные шлюхи. А во время особо почитаемого праздника Воскресения пунийские женщины в храме Астарты Эрцинской за деньги занимались священной проституцией, преимущественно с иностранцами. Плата за их «бесстыдство», наглядно-красочно отображенное на стенах храма, шла в копилку храмовых сокровищниц...

...Фанатичные карфагеняне строго соблюдали этот кровожадный обычай, а потому, когда Ганнибал только родился, ему грозила столь ужасная смерть. Но случилось, что особо смысленные родители порой стремились обмануть богов. Они тайком покупали детей, выращивали и откармливали их, потом сжигали под видом собственных. Видимо, так же поступил и Гамилькара, которому удалось спасти своего первенца. Он тайно отправил Ганнибала подальше из Карфагена, заменив на жертвенном алтаре новорожденным сыном раба. Впрочем, по другой версии, на месте Ганнибала мог оказаться и кто-то из его младших братьев. Сегодня трудно судить, где здесь – правда, а где – вымысел и каковы в действительности были масштабы этой необычной традиции!? Впрочем, это всего лишь предположение, в котором, вероятно, есть какая-то доля истины.

Ганнибал провел свое детство у моря. До пяти лет он не покидал гору Эйркте, где его отец со своими воинами защищался от римлян. Поэтому его самым ранним воспоминанием был вооруженный лагерь и тяжелая поступь покрытых шрамами людей в шлемах и со щитами, то спускавшихся вниз с горы по тропам, то поднимающихся обратно назад. Нередко домой их возвращалось меньше, чем уходило, и многие были перевязаны окровавленными тряпками либо и вовсе с открытыми кровоточащими ранами. Так мальчик рано узнал, что такое война, несущая смерть и увечья. Постоянно наблюдая их уходы и приходы, он видел также, что все они разговаривали на разных языках – они были наемниками из различных стран. Общаясь с ними, он осваивал их речь и потом с легкостью мог разговари-

вать со своими солдатами, на вербованными из разных краев. Именно эти люди, всю жизнь занимавшиеся смертельно опасной работой – войной – оказались его первыми учителями в окружающем мире со всеми его радостями и горестями. Так от них он узнал, что люди служат его отцу чаще всего за серебряные монеты, реже – за трофеи и лишь иногда – из преданности.

Но потом приплыло очень много больших лодок с парусами – кораблей, его отец, громко и энергично командуя, погрузил всех своих оставшихся в живых наемников и отплыл в открытое море. Не забыл он, естественно, взять с собой и Ганнибала. От отца пятилетний мальчик узнал, что война закончилась, наступил мир и теперь он будет жить на родине – в большом городе Карфагене. Ганнибал рос в атмосфере рассказов о подвигах отца, плоды которых оказались вырваны у Гамилькара хищным врагом (Римом!) и бездарностью карфагенских аристократов, возглавляемых Ганноном.

Потом в памяти уже семилетнего мальчика отложились все ужасы страшного восстания наемников, подавленного благодаря воле и военному дарованию его отца, и сотни, тысячи придорожных крестов с распятыми телами умирающих от жары и жажды наемников, среди которых маленький Ганнибал иногда узнавал своих старых «сослуживцев» по горе Эйркте. Так мальчик все больше и глубже познавал жизнь.

Через год отец, повинувшись внезапному душевному порыву, заставил его дать ту самую страшную клятву в темном и мрачном святилище, держа руку на окровавленной тушке жертвенного ягненка, что он никогда не станет другом римлян. С того момента детство для Ганнибала закончилось, и вся его жизнь отныне оказалась посвящена выполнению этой мальчишеской клятвы. Так решил его суровый отец-воин, полностью посвятивший себя этому изнурительному противостоянию. Воспитывая сына в строгости и лишениях, он не позволял ему проявлять эмоции. Ганнибалу надлежало стать настоящим воином, лишенным страха и сострадания, ведь ему предстояла смертельная борьба с Римом. В суровых условиях воинских лагерей, в тяжелых походах против коварных и свирепых врагов получал закалку сын Гамилькара Барки – сподвижник отца и наследник его великих замыслов.

Суммируя все доступные нам римские описания и характеристики, порой весьма неоднозначные, современные исследователи предполагают следующую портретную характеристику Ганнибала, так сказать в... **3D – весьма модном ныне формате!**

...Ганнибал отличался весьма высоким ростом, скрадывавшимся присущей всем, кто очень много времени проводит в седле, некоторой сутулостью. У него были коротко остриженные кудрявые волосы и столь же опрятная бородка по всему подбородку. Светло-серые глаза на тонком, загорелом и обветренном лице всегда смотрели очень пристально, почти не мигая. Над плотно сжатыми тонкими губами – прямой нос. Его выделяла необычная манера поведения: то он был подвижным как ртуть, то словно застывал в скульптурной позе, но по всему было видно, что из одного состояния он мог мгновенно перейти в другое. Унаследовавший от отца бескомпромиссное отношение к Риму, Ганнибал скоро добился того, что не внешнее сходство с отцом, а собственные черты характера и качества полководца расположили к нему воинов.

Еще служба под началом Гасдрубала, он с величайшим рвением исполнял все поручения, присматривался ко всему, что могло помочь ему стать настоящим полководцем. Именно у него он мог пройти «науку» тактических построений, известную карфагенским полководцам от их античных учителей, в частности, от спартанских кондотьеров, как полагают некоторые исследователи. Так один из них – некий Сосилос – мог стать «дядькой» – наставником будущего гениального полководца. Ганнибал был смел, бросаясь навстречу опасности, но и осмотрителен в минуты опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением. Ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия. Вина почти

не употреблял. Выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь. Он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы заснуть. Часто видели, как, завернувшись в военный плащ из шкуры льва, он спит на голой земле среди караульных или часовых. Зато очень любил охоту. Одеждой Ганнибал ничуть не отличался от ровесников. Зато прекрасное вооружение и великолепный скакун – пуниец был превосходным поединщиком и блестящим наездником – выдавали его высокое положение. Как верхом, так и в пешем строю он превосходил всех прочих бойцов: первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения. Железная воля и необычайная целеустремленность отличали его от соратников и современников...

Римская традиция рисует его – своего врага № 1 – не только корыстолюбцем и честолюбцем, но и жестокосердным и невероятно вероломным, обвиняя его в полном отсутствии добродетели, богохульничестве, клятвоотступничестве и прочих земных грехах, вплоть до каннибализма. Даже если это и было, то, не исключено, что, питаясь человеческим мясом, Ганнибал хотел приучиться на всякий случай есть человечину, если это пригодится ему для выживания в самом трудном походе. Впрочем, к вопросу, «питался ли Ганнибал человечинной или нет», мы еще вернемся...

Ганнибал начал с главного: на командные посты в армии поставил своих людей – преданных ему лично братьев Гасдрубала и Магона, племянника Ганнона, Махарбала, Магона Самнита и Ганнибала Мономаха (Единоборца). Будучи военным до мозга костей, несмотря на возраст, Ганнибал прекрасно отдавал себе отчет в том, что стоявшая за него горой армия не могла долго «стоять» без дела: иначе «военная машина» начинает ржаветь и разлагаться! Ее следовало начать использовать по назначению: воевать, воевать и еще раз воевать! Более того, побеждать, захватывать добычу, рабов и земли!

И еще два года после убийства Гасдрубала он покорял иберийские племена. Уже тогда он поражал своих современников четкостью и расчетом своих военных кампаний. С весны по осень он активно воевал и, захватив богатую добычу, возвращался на зимние квартиры в Новый Карфаген, где неизменно щедро делился награбленным со своими наемниками. Весной 220 г. до н. э., когда он оказался в краю воинственных кельтиберов, на него с тыла напали конные орды разбитых им было ваккеев и нарушивших мирный с ним договор олькадов (по другим данным, это были карпетаны, чья численность вызывает большие сомнения – 100 тыс. человек!). Карфагенянам пришлось нелегко, но их молодой предводитель решил не ввязываться в полномасштабное сражение в невыгодных для себя условиях. Ловко прикрывшись арьергардом, он ушел от прямого столкновения и перебрался на противоположный берег реки Тахо (Tag). Немного отойдя от реки, он встал лагерем, но сделал это так искусно, что враг и не понял, куда же исчез неприятель. Как только пехота и конница (по некоторым сведениям, ее не было вовсе) ваккеев и олькадов, не соблюдая порядка, форсировала реку, на них из засады обрушились кавалеристы Ганнибала, отбрасывая их назад в воду. А сорок боевых слонов, выпущенных в нужный момент, перепугав своим устрашающим ревом и резким запахом лошадей варваров, загнали их на речную стремнину, где без помех растоптали остатки варварского войска. Довершая разгром неприятеля, Ганнибал переправил всю свою пехоту через Тахо и в назидание другим бунтарям вырезал всех оставшихся в живых.

...**Между прочим**, именно блестящая победа на берегах Тахо не только показала незаурядный тактический дар молодого Баркида (не сумей он вовремя переправиться через Тахо и устроить ловушку беспечному врагу, превосходящие силы противника загнали бы его самого в воду и раздавили бы), но и вселила в него уверенность, что, усмирив иберов, он может бросить вызов самому Риму! Так оно и случится: на смертный бой с Римом он выйдет,

но вот только покоренная Иберия в решающий момент поведет себя не так, как рассчитывал Ганнибал! Но все это будет потом, а пока...

А пока, максимально расширив к концу 220 г. до н. э. карфагенские владения на северо-западе Испании, Ганнибал приготовился осуществить замыслы отца. Владея богатой на серебряные рудники Испанией (*только один рудник ежедневно давал ему 300 фунтов серебра!*), он имел средства для войны с ненавистным ему Римом, который, по подсказкам Ганнибалом сведениям от его вездесущих шпионов, планомерно расширял сферу своего влияния как на восток, так и на запад. Очень скоро Рим постарается прибрать к своим рукам и Иберийский полуостров. Ганнибал тоже «не дремал», постоянно рассылал своих разведчиков далеко за Пиренеи, через Альпы к галльским племенам в Северную Италию. В их обязанности входило наблюдать за всем по пути своего нелегкого пути, а потом сообщать о размере урожаях и времени их сбора в проходимых ими краях, о людях, воинственны ли они, враждебны ли они к Риму, и многое другое, что называется стратегической разведкой о будущем противнике. Когда его шпионы вернулись из Северной Италии, то они привели с собой вождей двух галльских племен – бойев и инсубров. Эти галлы из долины реки По уже взялись за оружие, чтобы прогнать с своих земель римлян, и не собирались вкладывать свои мечи в ножны, пока не вернут последнее из своих полей. Это было как нельзя кстати Ганнибалу. Заключив союз с бойями и инсубрами, он мог рассчитывать на их помощь в Северной Италии воинами и продовольствием. Благоприятствовало и то, что война римлян с Македонией казалась неизбежной. Торопился Ганнибал и потому, что опасался инициативы со стороны римлян – они могли первыми начать войну в Африке и Иберии, т. е. как раз там, где это было более всего удобно Риму и менее всего желательно Карфагену. Вторгнувшись в Италию, он избавит Карфаген от войны на его территории. Впервые все затраты и бедствия военного времени падут на римлян и их земли. Но ждать легкой победы над римлянами не приходилось. Слишком хорошо Ганнибал помнил высокомерные слова римского консула Марка Аттилия Регула, пересказанные ему покойным отцом: «Побеждай или смирись с судьбой побежденного!» Задачу решать предстояло грандиозную: поднять в Италии на борьбу с Римом всех недовольных (*господство Рима над всей Италией еще не упрочилось, покоренные племена не примирились со своим подчинением*) и уничтожить его. Рассчитывал Ганнибал и на помощь Македонии. Но сначала надо было преодолеть чрезвычайно сложный путь через высокие альпийские перевалы!

...**Между прочим**, задумывая войну с Римом, Ганнибал наверняка мог просчитывать все варианты возможного нападения на Апеннинский полуостров. Путь через море не выглядел оптимальным, поскольку римский флот господствовал над карфагенским (*200–220 квинкверем против 32 карфагенских квинкверем, 5 трирем, 18 недоукомплектованных экипажами квинкверем и нескольких недостроенных квадрирем – галер с четырьмя рядами весел – у Ганнибала*). Он в любом случае успевал бы перехватить корабли пунов еще на подходе к Италии и потопить всю пунийскую армию со всеми ее слонами, лошадьми и припасами. Тем более что Сицилия и Сардиния прикрывали ее с юга, а скрытно подготовить снаряжение гигантской флотилии транспортных судов с надлежащим конвоем вряд ли было возможно. Более того, вероятность губельного шторма тоже не следовало исключать, так в прошлую войну именно они нанесли немалый урон флотам враждующих сторон. Оставался сухопутный вариант вторжения на Апеннины – долгий и тяжелый, но все же посильный. Не исключено, что его наметки принадлежали энергичному отцу Ганнибала, покойному удалому вояке Гамилькару, но тому «Капризная Девка» по имени

Судьба не предоставила шанса воплотить задуманное в жизнь. И вот сын взялся за реализацию отцовского замысла, тем более что когда-то поклялся отцу посвятить всю жизнь борьбе с ненавистным Вечным городом...

Глава 4. Страсти по Сагунту

Разжигая ссору с заклятым врагом, Ганнибал собрался захватить союзный Риму испанский город Сагунт (Заканф или Закинф; ныне – Мурвиетро) – настоящую «занозу» в теле пунийской Испании, тем более что формально он имел на это полное право: *город находился на территории, подвластной Карфагену!* Только овладев Сагунтом, он мог двинуться на север через Пиренеи в Италию. Ганнибал долгое время не трогал Сагунт, чтобы не спровоцировать столкновение с Римом раньше времени.

Принято считать, что ловко спровоцировав военное столкновение между подвластным ему иберийским племенем турдитанов (торболетов) и сагунтинцами, Ганнибал тут же объявил о своей готовности выступить в защиту «обиженных» Сагунтом турдитанов, «ибо карфагеняне искони соблюдают правило защищать всех угнетенных». И в то же время, решив соблюсти все правила крупной политической интриги, он отправил послов турдитанов в Карфаген, чтобы они весомо изложили Большому Совету 104-х все свои претензии к Сагунту. Одновременно он послал от себя письмо членам этого Совета, в котором в крайне мрачных красках обрисовал «истинное» положение дел вокруг Сагунта.

...**Кстати**, одно то, как ловко Ганнибал разжег конфликт вокруг проримски настроенного Сагунта, говорит, что уже в молодые годы он был не только незаурядным воином, но и хитроумным дипломатом, много чему научившимся у своего зятя Гасдрубала Красивого – прирожденного мастера политической интриги...

Тем временем, напуганные военными приготовлениями молодого и победоносного пунийца жители Сагунта спешно направили посольство в Рим, даже не одно! Но Рим не торопился по трем причинам: *во-первых*, от Карфагена исправно поступала военная контрибуция, с объявлением войны ее уплата прекратилась бы, *во-вторых*, необходимо было сначала покончить с собственной «занозой» – галлами на севере Италии и, *в-третьих*, разобраться с иллирийскими пиратами на Балканском полуострове, поддерживаемыми агрессивным царем Филиппом V Македонским. И все же то ли в конце лета 220 г. до н. э., то ли зимой 219 г. до н. э., но посланцы римского сената Публий Валерий Флакк и Квинт Бебий Тамфил явились в резиденцию Ганнибала – Новый Карфаген для встречи с «ястребом войны», как его уже зловеще-эффектно окрестили в римском сенате. Они решительно потребовали от пунийца воздержаться от нападения на Сагунт, находившийся под их защитой еще со времен Гасдрубала Красивого, гарантировавшего в какой-то мере его безопасность римлянам. Прекрасно понимая, что Сагунт может послужить римлянам опорной базой на Пиренейском полуострове в грядущей войне, Ганнибал разговаривал с ними надменно и ни на какие-либо уступки идти не соглашался. Так, в частности, в конце беседы послам было заявлено, что их безопасность в карфагенском лагере не гарантируется, а самому Ганнибалу далее их слушать... некогда. Получив от Ганнибала резкий «от ворот поворот», римские дипломаты двинулись в Африку в Карфаген, надеясь, что там приструнят зарвавшегося молодого льва, которому не терпелось «пустить в ход клыки и когти» – развязать войну. Уже в пути их догнало сообщение: весной Ганнибал осадил Сагунт, и казалось, что теперь, когда «заговорили пушки», дальнейшие мирные «маневры» уже бесполезны.

...**Между прочим**, по другим сведениям, Ганнибал вовсе отказался принимать римлян, сославшись на занятость: осада города в тот момент уже шла полным ходом и сагунтинцы удачно противостояли всем попыткам пунов овладеть крепостными стенами...

Несмотря на личное участие Ганнибала в осаде Сагунта, захватить город никак не удалось. Принято считать, что это происходило якобы из-за отсутствия метательных орудий, штурмовых башен, да и не была его армия готова штурмовать города! По этой причине пришлось пунам уповать на блокаду и осаду. Отлично укрепленный, Сагунт доблестно защищался. Уже тогда стало ясно, что осада или штурм города не самая сильная сторона полководческого дарования Ганнибала. (*Парадоксально, но до конца жизни он так и не освоил эту военную премудрость в рамках необходимого для первоклассного полководца: не все даруют Боги даже своим любимцам!*) Он крайне неудачно выбрал место для разрушения городской стены – как раз у того ее угла, который выходил на более ровную и открытую долину, чем остальные участки. Однако он не учел, что именно здесь находилась огромная башня, именно здесь стена была выше, чем в других местах и что охрана велась здесь самым надежным и боеспособным отрядом сагунтинцев. Их лучники постоянной стрельбой из луков под прикрытием крепостных парапетов держали карфагенян на почтительном расстоянии от стен, не позволяя им подвести к стенам свои инженерные сооружения. Настоящую панику среди пунийцев вызвало применение сагунтинцами страшного оружия – *фаларики* – большого копья, с очень длинным железным наконечником и древком, обернутым льняной тканью, пропитанной смолой и серой. Перед тем как метнуть копье из большой катапульты с крепостной стены, его древко поджигали, так что в полете оно превращалось в своего рода «баллистическую ракету», несшую огненную смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.